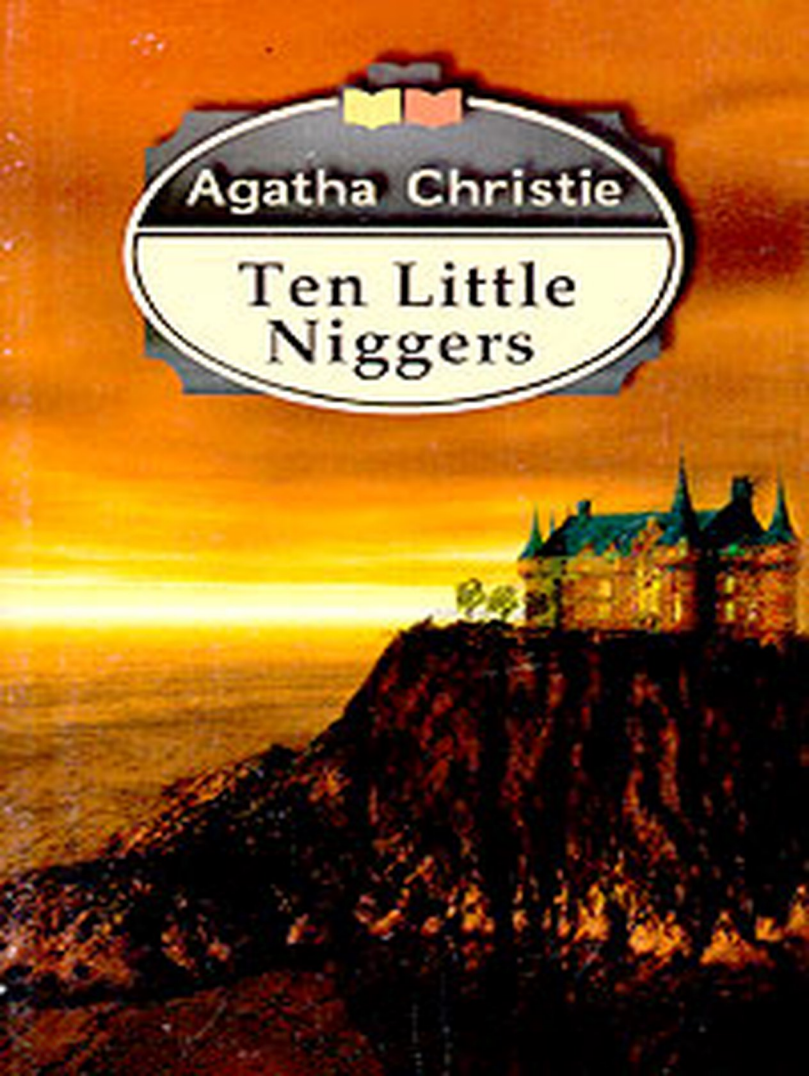
Agatha Christie
Ten Little Niggers

Десять негритят
Агата Кристи

Агата Кристи. «Десять негритят»
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Эпилог

Агата Кристи
«Десять негритят»

Глава первая

В углу курительного вагона первого класса судья Уоргрейв — он недавно вышел в отставку — попыхивал сигарой и просматривал отдел политики в «Таймс». Вскоре он отложил газету и выглянул из окна. Поезд проезжал через Сомерсет. Судья подсчитал — ему оставалось еще два часа пути.

Снова и снова он перебрал в уме все, что писалось в газетах о Негритянском острове. Первоначально его приобрел американский миллионер — страстный яхтсмен, который построил на этом островке неподалеку от берегов Девона роскошный дом в современном стиле. Но, увы, третья жена миллионера, его недавнее приобретение, не переносила качки, и это вынудило миллионера расстаться и с домом, и с островом. И вот в газетах замелькали объявления о продаже острова в сопровождении весьма красочных описаний. Затем последовало сообщение: остров купил некий мистер Оним. И тут заработала фантазия светских хроникеров. На самом деле Негритянский остров купила голливудская кинозвезда мисс Габриелла

Терл! Она хочет провести там спокойно несколько месяцев — вдали от репортеров и рекламной шумихи! «Бизи Би» деликатно намекала: остров будет летней резиденцией королевской семьи. До мистера Мерриуэдера дошли слухи: остров купил молодой лорд Л. — он, наконец, пал жертвой Купидона и намерен провести на острове медовый месяц. «Джонасу» было доподлинно известно — остров приобрело Адмиралтейство для проведения неких весьма секретных экспериментов!

Поистине, Негритянский остров не сходил с газетных полос.

Судья Уоргрейв извлек из кармана письмо. На редкость неразборчивый почерк, но там и сям попадались и четко написанные слова:

«Милый Лоренс… Сто лет ничего о Вас не слышала… непременно приезжайте на Негритянский остров… Очаровательное место… о стольком надо поговорить… старые времена… общаться с природой… греться на солнышке… 12.40. с Паддингтонского вокзала… встречу Вас в Оукбридже… — и подпись с роскошным росчерком, — всегда Ваша Констанция Калмингтон».

Судья Уоргрейв унесся мыслями в прошлое, стараясь припомнить, когда он в последний раз видел леди Констанцию Калмингтон. Лет этак

семь, если не все восемь тому назад. Тогда она уехала в Италию греться на солнышке, общаться с природой и с «contadini». Он слышал, что вслед за этим она перебралась в Сирию, где собиралась греться под еще более жарким солнцем и общаться с природой и бедуинами.

«Купить остров, — думал судья, — окружить себя атмосферой таинственности вполне в характере Констанции Калмингтон». И судья кивнул головой: он был доволен собой — его логика как всегда безупречна… Потом голова его упала на грудь — судья заснул…

Вера Клейторн — она ехала в третьем классе — откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза; кроме нее, в вагоне было еще пять пассажиров. Ужасно жарко сегодня в поезде! Как приятно будет пожить у моря! Нет, ей положительно повезло с этой работой! Когда нанимаешься на лето, вечно приходится возиться с кучей детей — устроиться секретарем почти невозможно. Даже через агентство.

И вдруг она получает письмо:

«Мне Вас рекомендовало агентство „Умелые женщины“. Насколько я понимаю, они Вас хорошо знают. Назовите, какое жалованье Вы хотите получить, я заранее на все согласна. Я ожидаю,

что Вы приступите к своим обязанностям 8 августа. Поезд отправляется в 12.40 с Паддингтонского вокзала, Вас встретят на станции Оукбридж. Прилагаю пять фунтов на расходы.

Искренне Ваша Анна Нэнси Оним».

Наверху значился адрес: «Негритянский остров, Стиклхевн. Девон».

Негритянский остров! В последнее время газеты только о нем и писали! Репортеры рассыпали многозначительный намеки, сообщали занятные сплетни и слухи. Правды во всем этом было, по-видимому, мало. Но, во всяком случай, дом этот построил миллионер, и, как говорили, роскошь там была умопомрачительная.

Вера Клейторн, изрядно утомленная недавно закончившимся семестром, думала: «Место учительницы физкультуры в третьеразрядной школе — не Бог весть что… Если б только мне удалось получить работу в какой-нибудь приличной школе…» Тут сердце у нее сжалось, и она одернула себя: «Нет, надо считать, мне повезло. Если ты была под следствием, на тебе пятно, пусть даже тебя в конце концов и оправдали».

И она вспомнила, что следователь в своем заключении отметил ее присутствие духа и храбрость. Да, следствие прошло хорошо, просто

лучше и желать нельзя. И миссий Хамилтон была так добра к ней… если б только не Хьюго. (Нет, нет, она не будет думать о Хьюго!)

Несмотря на жару, по коже у нее пошли мурашки, она пожалела, что едет к морю. Перед глазами возникла знакомая картина. Сирил плывет к скале, голова его то выныривает на поверхность, то погружается в море… Выныривает и погружается — погружается и выныривает… А она плывет, легко разрезает волны, привычно выбрасывая руки, и знает, слишком хорошо знает, что не успеет доплыть…

Море — теплые голубые волны — долгие часы на жарком песке — и Хьюго — он говорит, что любит се… Нет, нельзя думать о Хьюго…

Она открыла глаза и недовольно посмотрела на сидящего напротив мужчину. Высокий, дочерна загорелый, светлые глаза довольно близко посажены, жесткая складка дерзкого рта. И подумала: «Держу пари, он немало путешествовал по свету и немало повидал…»

Филиппу Ломбард достаточно было одного взгляда, чтобы составить впечатление о девушке напротив: хорошенькая, но что-то в ней от учительши… Хладнокровная и наверняка умеет за себя постоять, — и в любви, и в жизни. А ей,

пожалуй, стоило бы заняться…

Он нахмурился. Нет, нет, сейчас не до этого. Дело есть дело. Сейчас надо сосредоточиться на работе.

Интересно, что за работа его ждет? Моррис напустил туману:

— Вам решать, капитан Ломбард, — не хотите, не беритесь.

Филипп задумчиво сказал:

— Вы предлагаете сто гиней? — Этак небрежно, будто для него сто гиней — сущие пустяки. Целых сто гиней, когда ему не на что сегодня пообедать. Впрочем, он вряд ли обманул Морриса, насчет денег его не обманешь — не такой он человек: про деньги он знает все.

— И больше вы ничего мне не можете сообщить? — продолжал он так же небрежно.

Мистер Айзек Моррис решительно помотал лысой головенкой:

— Нет, мистер Ломбард, тут я должен поставить точку. Моему клиенту известно, что вы незаменимый человек в опасных переделках. Мне поручили передать вам сто гиней — взамен вы должны приехать в Стиклхевн, тот, что в Девоне. Ближайшая к нему станция — Оукбридж. Там вас встретят и доставят на машине в Стиклхевн,

оттуда переправят на моторке на Негритянский остров. А тут уж вы перейдете в распоряжение моего клиента.

— Надолго? — только и спросил Ломбард.

— Самое большее — на неделю.

Пощипывая усики, капитан Ломбард сказал:

— Вы, надеюсь, понимаете, что за незаконные дела я не берусь?

Произнеся эту фразу, он подозрительно посмотрел на собеседника. Мистер Моррис, хотя его толстые губы тронула улыбка, ответил совершенно серьезно:

— Если вам предложат что-нибудь противозаконное, вы, разумеется, в полном праве отказаться.

И улыбнулся — вот нахал! Улыбнулся так, будто знал, что в прошлом Ломбард вовсе не был таким строгим ревнителем законности.

Ломбард и сам не сдержал усмешки. Конечно, раз или два он чуть было не попался! Но ему все сходило с рук! Он почти ни перед чем не останавливался. Вот именно, что почти ни перед чем. Пожалуй, на Негритянском острове ему не придется скучать…

Мисс Брент — она ехала в вагоне для некурящих — сидела прямо, будто палку проглотила:

она не привыкла давать себе потачку. Ей было шестьдесят пять, и она не одобряла современной расхлябанности. Ее отец, старый служака полковник, придавал большое значение осанке. Современные молодые люди невероятно распущены — стоит только посмотреть на их манеры, да и вообще по всему видно…

Сознание своей праведности и непоколебимой твердости помогало мисс Эмили Брент переносить духоту и неудобства поездки в битком набитом вагоне третьего класса.

Нынче все так себя балуют. Зубы рвут только с обезболиванием, от бессонницы глотают разные снотворные, сидят только на мягких креслах или подсунув под спину подушку, а молодые девушки ходят Бог знает в чем, не носят корсетов, а летом и вовсе валяются на пляжах полуголые… Мисс Брент поджала губы. Своим примером она хотела бы показать, как полагается вести себя людям определенного круга… Ей вспомнилось прошлое лето. Нет, нет, в этом году все будет иначе. Негритянский остров… И она вновь мысленно пробежала письмо, которое столько раз перечитывала:

«Дорогая мисс Брент, надеюсь. Вы меня еще помните? Несколько лет тому назад в августе

мы жили в Беллхевнском пансионе, и, как мне казалось, у нас было много общего.

Теперь я открываю собственный пансионат на островке близ берегов Девона. По-моему, он как нельзя лучше подходит для пансиона с добротной кухней, без новомодных затей — словом, пансион для людей наших с Вами привычек, людей старой школы. Здесь не будет полуголой молодежи и граммофонов за полночь. Я была бы очень рада, если б Вы сочли возможным отдохнуть летом на Негритянском острове, разумеется, совершенно бесплатно, в качестве моей гостьи. Устроит ли Вас август? Скажем, числа с восьмого?

Искренне Ваша А. Н...»

Но как же ее все-таки зовут? Подпись удивительно неразборчивая. Теперь все подписываются так небрежно, возмущалась Эмили Брент.

Она перебрала в уме людей, с которыми встречалась в Беллхевне. Она провела там два лета подряд. Там жила та симпатичная пожилая женщина — миссис, миссис — как бишь ее фамилия? Ее отец был каноником. И еще там была мисс Олтон или Оден. Нет, нет, ее фамилия была Оньон! Ну конечно же Оньон!

Негритянский остров! Газеты много писали о Негритянском острове, прежде он будто бы при-

надлежал не то кинозвезде, не то американскому миллионеру. Конечно, зачастую эти острова продают задешево — остров не всякий захочет купить. Поначалу жизнь на острове кажется романтичной, а стоит там поселиться — и обнаруживается столько неудобств, что не чаешь от него избавиться. «Но как бы там ни было, — думала Эмили Брент, — бесплатный отдых мне обеспечен. Теперь, когда она так стеснена в средствах: ведь дивиденды то и дело не выплачиваются, не приходится пренебрегать возможностью сэкономить. Жаль только, что она почти ничего не может припомнить об этой миссис, а может быть, и мисс Оньон».

Генерал Макартур выглянул из окна. Поезд шел к Эксетеру — там генералу предстояла пересадка. Эти ветки, с их черепашьей скоростью, кого угодно выведут из терпения. А ведь по прямой до Негритянского острова — рукой подать.

Он так и не понял, кто же он все-таки, этот Оним, по-видимому, приятель Пройды Леггарда и Джонни Дайера.

«Приедет пара армейских друзей… хотелось бы поговорить о старых временах».

«Что ж, он с удовольствием поговорит о старых временах. Последние годы у него было ощущение,

будто прежние товарищи стали его сторониться. А все из-за этих гнусных слухов! Подумать только: ведь с тех пор прошло почти тридцать лет! Не иначе, как Армитидж проболтался, — решил он. — Нахальный щенок. Да и что он мог знать? Да ладно, не надо об этом думать. К тому же, скорее всего ему просто мерещится — мерещится, что то один, то другой товарищ поглядывает на него косо.

Интересно посмотреть, какой он, этот Негритянский остров. О нем ходит столько сплетен. Похоже, слухи о том, что его купило Адмиралтейство, Военное министерство или Военно-воздушные силы, не так уж далеки от истины…

Дом на острове построил Элмер Робсон, молодой американский миллионер. Говорили, ухлопал на него уйму денег. Так что роскошь там поистине королевская…

Эксетер! Еще целый час в поезде! Никакого терпения не хватит. Так хочется побыстрее приехать…»

Доктор Армстронг вел свой «моррис» по Солсберийской равнине. Он совсем вымотался… В успехе есть и своя оборотная сторона. Прошли те времена, когда он сидел в своем роскошном кабинете на Харли-стрит в безупречном костюме,

среди самой что ни на есть современной аппаратуры и ждал, ждал дни напролет, не зная, что впереди — успех или провал…

Он преуспел. Ему повезло! Впрочем, одного везения мало, нужно еще и быть хорошим профессионалом. Он знал свое дело — но и этого недостаточно для успеха. Требовалось еще, чтоб тебе повезло. А ему повезло! Неопределенный диагноз, одна-две благодарные пациентки — состоятельные и с положением в обществе, — и вот уже о нем заговорили: «Вам надо обратиться к Армстронгу, он хотя и молодой, но такой знающий: возьмите Пэм, у кого только она ни лечилась — годами, я вам говорю, годами, а Армстронг только взглянул — и понял, что с ней».

И пошло-поехало.

Так доктор Армстронг стал модным врачом. Теперь дни его были расписаны по минутам. У него не оставалось времени на отдых. Вот почему этим августовским утром он радовался, что покидает Лондон и уезжает на несколько дней на остров у берегов Девона. Конечно, это не отдых в полном смысле слова. Письмо было написано в выражениях весьма неопределенных, зато чек, приложенный к письму, был весьма определенным. Гонорар просто неслыханный. У

этих Онимов, должно быть, денег куры не клюют. Похоже, мужа беспокоит здоровье жены, и он хочет узнать, как обстоят дела, не потревожив ее. Она ни за что не хочет показаться доктору. А при ее нервах…

«Ох, уж мне эти нервы! — Брови доктора взлетели вверх. — Ох, уж мне эти женщины и их нервы!» Ничего не скажешь, их капризы шли ему на пользу. Половина женщин, которые к нему обращались, ничем не болели, а просто бесились от скуки, но попробуй только заикнись об этом! И в конце концов, разве трудно отыскать то или иное недомогание: «У вас (какой-нибудь научный термин подлиннее) несколько не в норме, ничего серьезного, но вам следует подлечиться. Лечение самое несложное…» Ведь в медицине чаще всего лечит вера. А доктор Армстронг знал свое дело, что-что, а обнадежить, успокоить он умел.

«К счастью, после того случая, когда же это было — десять, да нет, уже пятнадцать лет тому назад, он сумел взять себя в руки. Он просто чудом выпутался. Да, тогда он совсем опустился. Но потрясение заставило его собраться с силами. На следующий же день он бросил пить. Ей-ей, просто чудо, что он тогда выпутался…»

Его оглушил пронзительный автомобильный

гудок — мимо со скоростью километров сто тридцать как минимум промчался огромный «супер спорте далмейн». Доктор Армстронг чуть не врезался в забор. «Наверняка, один из этих молодых остолопов, которые носятся по дорогам сломя голову. До чего они ему надоели. А ведь он чудом спасся — и на этот раз тоже. Черт бы побрал этого остолопа!»

Тони Марстон, с ревом проносясь через деревушку Мир, думал: «И откуда только берутся эти колымаги? Ползут, как черепахи, и что самое противное — обязательно тащатся посреди дороги — нет чтоб посторониться! На наших английских дорогах класс езды не покажешь. Вот во Франции, там другое дело…

Остановиться здесь выпить или ехать дальше? Времени у него вагон. Осталось проехать всего какие-нибудь полторы сотни километров. Он, пожалуй, выпьет джину с имбирным лимонадом. Жара просто невыносимая!

А на этом островке наверняка можно будет недурно провести время, если погода не испортится. Интересно, кто они, эти Онимы? Не иначе, как выскочки, которым денег некуда девать. У Рыжика нюх на таких людей. Да и, по правде говоря, что ему, бедняге, остается: своих-то денег

у него нет…

Надо надеяться, что с выпивкой они не жмутся. Хотя с этими выскочками ничего наперед не известно. А жаль, что слухи, будто остров купила Габриелла Терл, не подтвердились. Он бы не прочь повращаться среди кинозвезд. Что ж, надо полагать, какие-то девушки там все же будут…»

Он вышел из гостиницы, потянулся, зевнул, посмотрел на безоблачно голубое небо и сел в «далмейн».

Отличная фигура, высокий рост, вьющиеся волосы, ярко-голубые глаза на загорелом лице приковывали взгляды молодых женщин.

Он выжал акселератор, мотор взревел, и автомобиль нырнул в узкую улочку. Старики и мальчишки-посыльные поспешно посторонились. Уличная ребятня восхищенно провожала мешину глазами.

Антони Марстон продолжал свой триумфальный путь.

Мистер Блор ехал поездом с замедленной скоростью из Плимута. Кроме него, в купе был всего один пассажир — старый моряк с мутными от пьянства глазами. Впрочем, сейчас он клевал носом. Мистер Блор аккуратно вносил какие-то записи в блокнот. «Вот они все, голубчики, —

бормотал он себе под нос, — Эмили Брент, Вера Клейторн, доктор Армстронг, Антони Марстон, старый судья Уоргрейв, Филипп Ломбард, генерал Макартур, кавалер ордена святого Михаила и Георгия и ордена „За боевые заслуги“, двое слуг — мистер и миссис Роджерс».

Он захлопнул блокнот и положил его в карман. Покосился на моряка, прикорнувшего в углу.

Набрался, будь здоров, с ходу определил мистер Блор.

И снова методично и основательно перебрал все в уме.

«Работа вроде несложная, — размышлял он. — Думаю, что осечки тут не будет. Вид у меня, по-моему, подходящий».

Он встал, придирчиво поглядел на себя в зеркало. В зеркале отражался человек не слишком выразительной наружности. Серые глаза поставлены довольно близко, маленькие усики. В облике что-то военное. «Могу сойти и за майора, — сказал своему отражению мистер Блор. — Ах ты, черт, забыл, там же будет тот генерал. Он меня сразу выведет на чистую воду. Южная Африка — вот что нужно! Никто из этой компании там не был, а я только что прочел рекламный проспект туристского агентства и смогу поддержать разго-

вор. К счастью, жители колоний занимаются чем угодно. Так что я вполне могу сойти за дельца из Южной Африки.

Негритянский остров. Он как-то был там еще мальчишкой…

…Вонючая скала, засиженная чайками, километрах в двух от берега. Остров назвали так потому, что его очертания напоминают профиль человека с вывороченными губами.

Странная затея — построить дом на таком острове! В плохую погоду там и вовсе жить нельзя. Впрочем, каких только причуд не бывает у миллионеров!»

Старик в углу проснулся и сказал:

— На море ничего нельзя знать наперед — ниче-го!

— Вы совершенно правы, ничего нельзя знать наперед, — поддакнул ему мистер Блор.

Старик икнул раз-другой и жалобно сказал:

— Шторм собирается.

— Да нет, приятель, — сказал Блор. — Погода отличная.

— А я вам говорю, что скоро будет буря, — рассердился старик, — у меня на это нюх.

— Может, вы и правы, — миролюбиво согласился мистер Блор.

Поезд остановился, старик, покачиваясь, поднялся.

— Мне сходить здесь, — сказал он и дернул дверь, но справиться с ней не смог. Мистер Блор пришел ему на помощь.

Старик остановился в двери, торжественно поднял руку, мутные глаза его моргали.

— Блюди себя, молись, — сказал он. — Блюди себя, молись. Судный день грядет

И вывалился на перрон. Раскинувшись на перроне, он посмотрел на мистера Блора и торжественно возгласил:

— Я обращаюсь к Вам, молодой человек. Судный день грядет.

«Для него судный день, наверняка, нагрянет скорее, чем для меня», — подумал мистер Блор, возвращаясь на свое место. И, как оказалось, ошибся.

Глава вторая

Перед зданием Оукбриджской станции в нерешительности сгрудилась кучка пассажиров. За ними выстроились носильщики с чемоданами.

Кто-то из носильщиков крикнул:

— Джим!

Из такси вышел шофер.

— Вы не на Негритянский остров собрались? — спросил он.

На его вопрос откликнулись сразу четверо, — удивленные пассажиры исподтишка оглядели друг друга.

— У нас здесь два такси, сэр, — обратился к судье Уоргрейву, как к старшему в группе, шофер. — Какое-то из них должно ждать поезд из Эксетера — с ним приедет еще один джентльмен. На это уйдет минут пять. Если кто-нибудь из вас согласится подождать, ехать будет удобнее.

Вера Клейторн, помня о своих секретарских обязанностях, сказала непререкаемым тоном, свойственным людям, привыкшим командовать:

— Я остаюсь, — и поглядела на остальных чле-

нов группы. Точь-в-точь так же она, должно быть, разбивала девочек на команды.

Мисс Брент чопорно сказала:

— Благодарю вас, — и села в такси.

Таксист почтительно придержал перед ней дверь.

Судья Уоргрейв последовал за ней.

Капитан Ломбард сказал:

— Я подожду с мисс…

— Клейторн, — сказала Вера.

— А меня зовут Ломбард, Филипп Ломбард.

Носильщики погрузили багаж. Уже в такси судья Уоргрейв сказал, выбрав тему с осмотрительностью старого законника:

— Отличная погода стоит.

— Прекрасная, — отозвалась мисс Брент.

«В высшей степени достойный старый джентльмен, — думала она. — В приморских пансионах таких обычно не встретишь. По-видимому, у этой миссис или мисс Оньон прекрасные связи…»

— Вы хорошо знаете эти места? — осведомился судья Уоргрейв.

— Я бывала в Корноуолле и в Торки, но в этой части Девона я впервые.

— Я тоже совсем не знаю здешних мест, — сказал судья.

Такси тронулось. Второй таксист сказал:

— Может, вам лучше подождать в машине?

— Нет, спасибо, — решительно отказалась Вера.

Капитан Ломбард улыбнулся:

— На мой вкус — освещенные солнцем стены куда привлекательнее, но, может быть, вам хочется пройти в вокзал.

— Нет, нет. На воздухе очень приятно после вагонной духоты.

— Да, путешествовать в поезде по такой погоде очень утомительно, — отозвался он.

— Надо надеяться, что она продержится, я имею в виду погоду, — вежливо поддержала разговор Вера. — Наше английское лето такое неустойчивое.

— Вы хорошо знаете эти места? — задал капитан Ломбард не отличавшийся особой оригинальностью вопрос.

— Нет, раньше я никогда здесь не бывала, — и быстро добавила, твердо решив сразу же поставить все точки над «i»: — Я до сих пор не познакомилась с моей хозяйкой.

— Хозяйкой?

— Я секретарь миссис Оним.

— Вот как! — Манеры Ломбарда заметно пе-

ременились: он заговорил более уверенно, развязно. — А вам это не кажется странным? — спросил он.

Вера рассмеялась:

— Ничего странного тут нет. Секретарь миссис Оним внезапно заболела, она послала телеграмму в агентство с просьбой прислать кого-нибудь взамен — и они рекомендовали меня.

— Вот оно что. А вдруг вы познакомитесь со своей хозяйкой и она вам не понравится?

Вера снова рассмеялась:

— Да ведь я нанимаюсь только на каникулы. Постоянно я работаю в женской школе. К тому же мне не терпится посмотреть на Негритянский остров. О нем столько писали в газетах. Скажите, там действительно так красиво?

— Не знаю. Я там никогда не был, — сказал Ломбард.

— Неужели? Онимы, похоже, от него без ума. А какие они? Расскажите, пожалуйста.

«Дурацкое положение, — думал Ломбард, — интересно, знаком я с ними или нет?»

— У вас по руке ползет оса, — быстро сказал он. — Нет, нет, не двигайтесь, — и сделал вид, будто сгоняет осу. — Ну, вот! Улетела.

— Спасибо, мистер Ломбард. Этим летом такое

множество ос.

— А все жара. Кстати, вы не знаете, кого мы ждем?

— Понятия не имею.

Послышался гудок приближающегося поезда.

— А вот и наш поезд, — сказал Ломбард.

У выхода с перрона появился рослый старик, судя по седому ежику и аккуратно подстриженным седым усикам, военный в отставке. Носильщик, пошатывавшийся под тяжестью большого кожаного чемодана, указал ему на Веру и Ломбарда.

Вера выступила вперед, деловито представилась.

— Я секретарь миссис Оним, — сказала она. — Нас ждет машина, — и добавила: — А это мистер Ломбард.

Выцветшие голубые глаза старика, проницательные, несмотря на возраст, оглядели Ломбарда, и, если бы кто-то заинтересовался его выводами, он мог бы в них прочесть: «Красивый парень. Но что-то в нем есть подозрительное…»

Трое сели в такси. Проехали по сонным улочкам Оукбриджа, потом еще километра два по Плимутскому шоссе и нырнули в лабиринт деревенских дорог — крутых, узких, поросших травой.

Генерал Макартур сказал:

— Я совсем не знаю этих мест. У меня домик в Восточном Девоне, на границе с Дорсетом.

— А здесь очень красиво, — сказала Вера. — Холмы, рыжая земля, все цветет и трава такая густая.

— На мой вкус здесь как-то скученно. Я предпочитаю большие равнины. Там к тебе никто не может подкрасться… — возразил ей Филипп Ломбард.

— Вы, наверное, много путешествовали? — спросил Ломбарда генерал.

Ломбард дернул плечом.

— Да, пришлось пошататься по свету.

И подумал; «Сейчас он меня спросит, успел ли я участвовать в войне. Этих старых вояк больше ничего не интересует».

Однако генерал Макартур и не заикнулся о войне.

Преодолев крутой холм, они спустились петляющей проселочной дорогой к Стиклхевну — прибрежной деревушке в несколько домишек, неподалеку от которых виднелись одна-две рыбацкие лодки. Лучи закатного солнца осветили скалу, вставшую на юге из моря.

И тут они впервые увидели Негритянский остров.

— А он довольно далеко от берега, — удивилась Вера.

Она представляла остров совсем иначе — небольшой островок у берега, на нем красивый белый дом. Но никакого дома не было видно, из моря круто вздымалась скала, чьи очертания отдаленно напоминали гигантскую голову негра. В ней было что-то жутковатое. Вера вздрогнула.

У гостиницы «Семь звезд» их поджидала группа людей. Согбенный старик судья, прямая как палка мисс Эмили Брент и крупный, грубоватый с виду мужчина — он выступил вперед и представился.

— Мы решили, что лучше будет вас подождать, — сказал он, — и уехать всем разом. Меня зовут Дейвис. Родом из Наталя, прошу не путать с Трансвалем. Ха-ха-ха, — закатился он смехом.

Судья Уоргрейв посмотрел на него с откровенным недоброжелательством. Видно было, что ему не терпится дать приказ очистить зал суда. Мисс Эмили Брент явно пребывала в нерешительности, не зная, как следует относиться к жителям колоний.

— Не хотите промочить горло перед отъездом? — любезно предложил Дейвис.

Никто не откликнулся на его предложение, и мистер Дейвис повернулся на каблуках, поднял

палец и сказал:

— В таком случае, не будем задерживаться. Наши хозяева ждут нас.

При этих словах на лицах гостей отразилось некоторое замешательство. Казалось, упоминание о хозяевах подействовало на них парализующе.

Дейвис сделал знак рукой — от стены отделился человек и подошел к ним. Качающаяся походка выдавала моряка.

Обветренное лицо, уклончивый взгляд темных глаз.

— Вы готовы, леди и джентльмены? — спросил он. — Лодка вас ждет. Еще два господина прибудут на своих машинах, но мистер Оним распорядился их не ждать: неизвестно, когда они приедут.

Группа пошла вслед за моряком по короткому каменному молу, у которого была пришвартована моторная лодка.

— Какая маленькая! — сказала Эмили Брент.

— Отличная лодка, мэм, лодка что надо, — возразил моряк. — Вы и глазом не успеете моргнуть, как она вас доставит хоть в Плимут.

— Нас слишком много, — резко оборвал его судья Уоргрейв.

— Она и вдвое больше возьмет, сэр.

— Значит, все в порядке, — вмешался Филипп Ломбард. — Погода отличная, море спокойное.

Мисс Брент, не без некоторого колебания, разрешила усадить себя в лодку. Остальные последовали за ней. Все они пока держались отчужденно. Похоже было, что они недоумевают, почему хозяева пригласили такую разношерстную публику.

Они собирались отчалить, но тут моряк — он уже держал в руках концы — замер. По дороге, спускающейся с крутого холма, в деревню въезжал автомобиль. Удивительно мощный и красивый, он казался каким-то нездешним видением. За рулем сидел молодой человек, волосы его развевал ветер. В отблесках заходящего солнца он мог сойти за молодого Бога из Северных саг. Молодой человек нажал на гудок, и прибрежные скалы откликнулись эхом мощному реву гудка.

Антони Марстон показался им тогда не простым смертным, а чуть ли не небожителем. Эта впечатляющая сцена врезалась в память всем.

Фред Нарракотт, сидя у мотора, думал, что компания подобралась довольно чудная. Он совсем иначе представлял себе гостей мистера Онима. Куда шикарнее. Разодетые дамочки, мужчины

в яхтсменских костюмах — словом, важные шишки.

«Вот у мистера Элмера Робсона были гости так гости. — Фред Нарракотт ухмыльнулся. — Да уж те веселились — аж чертям тошно, а как пили!

Мистер Оним, видно, совсем другой. Странно, — думал Фред, — что я в глаза не видел ни мистера Онима, ни его хозяйку. Он ведь ни разу сюда не приехал, так и не побывал здесь. Всем распоряжается и за все платит мистер Моррис. Указания он дает точные, деньги платит сразу, а только все равно не дело это. В газетах писали, что с мистером Онимом связана какая-то тайна. Видно, и впрямь так, — думал Фред Нарракотт.

А может, остров действительно купила мисс Габриелла Терл. — Но, окинув взглядом пассажиров, он тут же отмел это предположение. Ну что они за компания для кинозвезды? — Он приглядел ся к своим спутникам. — Старая дева, кислая, как уксус, он таких много повидал. И злющая, это бросается в глаза. Старик — настоящая военная косточка с виду. Хорошенькая молодая барышня, но ничего особенного — никакого тебе голливудского шику-блеску.

А веселый простоватый джентльмен — вовсе никакой и не джентльмен, а так — торговец на

покое, — думал Фред Нарракотт. — Зато в другом джентльмене, поджаром, с быстрым взглядом, и впрямь есть что-то необычное. Вот он, пожалуй что, и имеет какое-то отношение к кино.

Из всех пассажиров в компанию кинозвезде годится только тот, что приехал на своей машине (и на какой машине! Да таких машин в Стиклхевне сроду не видели. Небось, стоит не одну сотню фунтов). Вот это гость что надо! По всему видать, денег у него куры не клюют. Вот если б все пассажиры были такие, тогда другое дело…

Да, если вдуматься, что-то здесь не так…»

Лодка, вспенивая воду, обогнула скалу. И тут они увидели дом. Южная сторона острова, в отличие от северной, отлого спускалась к морю. Дом расположился на южном склоне-низкий, квадратный, построенный в современном стиле, с огромными закругленными окнами. Красивый дом — дом, во всяком случае, не обманул ничьих ожиданий!

Фред Нарракотт выключил мотор, и лодка проскользнула в естественную бухточку между скалами.

— В непогоду сюда, должно быть, трудно причалить, — заметил Филипп Ломбард.

— Когда дует юго-восточный, — бодро ответил

Фред Нарракотт, — к Негритянскому острову и вовсе не причалишь. Он бывает отрезан от суши на неделю, а то и больше.

Вера Клейторн подумала: «С доставкой продуктов наверняка бывают сложности. Чем плохи эти острова — здесь трудно вести хозяйство».

Борт моторки уперся в скалу — Фред Нарракотт спрыгнул на берег, и они с Ломбардом помогли остальным высадиться. Нарракотт привязал лодку к кольцу и повел пассажиров по вырубленным в скале ступенькам наверх.

— Недурной вид! — сказал генерал Макартур. Но ему было не по себе. «Странное место, что ни говори», — думал он.

Но вот, преодолев каменные ступени, компания вышла на площадку, и тут настроение у всех поднялось. В распахнутых дверях стоял представительный дворецкий — его торжественный вид подействовал на всех успокаивающе. Да и сам дом был удивительно красив, и пейзаж с площадки открывался великолепный.

Седой дворецкий, высокий, худощавый, весьма почтенного вида, пошел навстречу гостям.

— Извольте сюда, — сказал он.

В просторном холле гостей ожидали длинные ряды бутылок. Антони Марстон несколько взбод-

рился.

«И откуда только выкопали этих типов? — думал он. — Что у меня с ними общего? Интересно, о чем думал Рыжик, когда звал меня сюда? Одно хорошо, на выпивку здесь не скупятся. Да и льду хватает. Что там говорит дворецкий?»

— К сожалению, мистера Онима задерживают дела — он приедет только завтра. Мне приказано выполнять все пожелания гостей — и не хотят ли гости пройти в свои комнаты? Обед будет подан в восемь…

Вера поднялась вверх по лестнице следом за миссис Роджерс. Служанка распахнула настежь дверь в конце коридора, и Вера прошла в великолепную спальню с двумя большими окнами — из одного открывался вид на море, другое выходило на восток. Вера даже вскрикнула от восторга — так ей понравилась комната.

— Я надеюсь, здесь есть все, что вам нужно, мисс? — сказала миссис Роджерс.

Вера огляделась. Ее чемодан принесли и распаковали. Одна из дверей вела в ванную комнату, облицованную голубым кафелем.

— Да, да, все.

— Если вам что-нибудь понадобится, мисс, позвоните.

Голос у миссис Роджерс был невыразительный, унылый. Вера с любопытством посмотрела на нее. Бледная, бескровная — ни дать ни взять привидение! Волосы собраны в пучок, черное платье. Словом, внешность самая что ни на есть респектабельная. Вот только светлые глаза беспокойно бегают по сторонам.

«Да она, похоже, и собственной тени боится», — подумала Вера. И, похоже, попала в самую точку. Вид у миссис Роджерс был насмерть перепуганный… У Веры по спине пошли мурашки. «Интересно, чего может бояться эта женщина» — но вслух она любезно сказала:

— Я новый секретарь миссис Оним. Впрочем, вы наверняка об этом знаете.

— Нет, мисс, я ничего не знаю, — сказала миссис Роджерс. — Я получила только список с именами гостей и с указаниями, кого в какую комнату поместить.

— А разве миссис Оним не говорила вам обо мне? — спросила Вера.

— Я не видела миссис Оним, — сморгнула миссис Роджерс. — Мы приехали всего два дня назад.

«В жизни не встречала таких людей, как эти Онимы», — думала Вера. Но вслух сказала:

— Здесь есть еще прислуга?

— Только мы с Роджерсом, мисс.

Вера недовольно сдвинула брови: «Восемь человек, с хозяином и хозяйкой — десять, и только двое слуг».

— Я хорошо готовлю, — сказала миссис Роджерс. — Роджерс все делает по дому. Но я не ожидала, что они пригласят так много гостей.

— Вы справитесь? — спросила Вера.

— Не беспокойтесь, мисс, я справлюсь. Ну а если гости будут приезжать часто, надо думать, миссис Оним пригласит кого-нибудь мне в помощь.

— Надеюсь, — сказала Вера.

Миссис Роджерс удалилась бесшумно, как тень.

Вера подошла к окну и села на подоконник. Ею овладело смутное беспокойство. Все здесь казалось странным — и отсутствие Онимов, и бледная, похожая на привидение, миссис Роджерс. А уж гости и подавно: на редкость разношерстная компания. Вера подумала: «Жаль, что я не познакомилась с Онимами заранее… Хотелось бы знать, какие они…»

Она встала и, не находя себе места, заходила по комнате. Отличная спальня, обставленная в ультрасовременном стиле. На сверкающем

паркетном полу кремовые ковры, светлые стены, длинное зеркало в обрамлении лампочек. На каминной полке никаких украшений, лишь скульптура в современном духе — огромный медведь, высеченный из глыбы белого мрамора, в него вделаны часы. Над часами, в блестящей металлической рамке кусок пергамента, на нем стихи. Вера подошла поближе — это была старая детская считалка, которую она помнила еще с детских лет:

— Десять негритят отправились обедать,
Один поперхнулся, их осталось девять.
Девять негритят, поев, клевали носом,
Один не смог проснуться, их осталось восемь.
Восемь негритят в Девон ушли потом,
Один не возвратился, остались всемером.
Семь негритят дрова рубили вместе,
Зарубил один себя — и осталось шесть их.
Шесть негритят пошли на пасеку гулять,
Одного ужалил шмель, их осталось пять.
Пять негритят судейство учинили,
Засудили одного, осталось их четыре.
Четыре негритенка пошли купаться в море,
Один попался на приманку, их осталось трое.
Трое негритят в зверинце оказались,
Одного схватил медведь, и вдвоем остались.

Двое негритят легли на солнцепеке,
Один сгорел — и вот один, несчастный, одинокий.
Последний негритенок поглядел устало,
Он пошел повесился, и никого не стало.

Вера улыбнулась: «Понятное дело: Негритянский остров!» Она подошла к окну, выходящему на море, и села на подоконник. Перед ней простиралось бескрайнее море. Земли не было видно: всюду, куда ни кинь взгляд, — голубая вода, покрытая легкой рябью и освещенная предзакатным солнцем.

«Море… Сегодня такое тихое, порой бывает беспощадным… Оно утягивает на дно. Утонул… Нашли утопленника… Утонул в море… Утонул, утонул, утонул… Нет, она не станет вспоминать… Не станет думать об этом! Все это в прошлом».

Доктор Армстронг Прибыл на Негритянский остров к закату. По дороге он поболтал с лодочником — местным жителем. Ему очень хотелось что-нибудь выведать о владельцах Негритянского острова, но Нарракотт, как ни странно, ничего толком не знал, а возможно, и не хотел говорить. Так что доктору Армстронгу пришлось ограничиться обсуждением погоды и видов на рыбную ловлю.

Он долго просидел за рулем и очень устал. У него болели глаза. Когда едешь на запад, весь день в глаза бьет солнце. «До чего же он устал! Море и полный покой — вот что ему нужно. Конечно, ему бы хотелось отдохнуть подольше, но этого он, увы, не мог себе позволить. То есть он, конечно, мог это себе позволить в смысле финансовом, но надолго отойти от дел он не мог. Так того гляди и клиентуру растеряешь. Теперь, когда он добился успеха, ни о какой передышке не может быть и речи. И все равно, — думал он, — хотя бы на сегодня забуду о Лондоне и о Харлистрит, и обо всем прочем, представлю себе, что я никогда больше туда не вернусь.

В самом слове «остров» есть какая-то магическая притягательная сила. Живя на острове, теряешь связь с миром; остров-это самостоятельный мир. Мир, из которого можно и не вернуться. Оставлю-ка я на этот раз повседневную жизнь со всеми ее заботами позади», — думал он. Улыбка тронула его губы: он принялся строить планы, фантастические планы на будущее. Поднимаясь по вырубленным в скале ступенькам, он продолжал улыбаться.

На площадке сидел в кресле старик — лицо его показалось доктору Армстронгу знакомым. «Где

он мог видеть это жабье лицо, тонкую черепашью шею, ушедшую в плечи, и главное — эти светлые глаза-буравчики? Ну, как же, это старый судья Уоргрейв. Однажды он проходил свидетелем на его процессе. Вид у судьи был всегда сонный, но его никто не мог обойти. На присяжных он имел колоссальное влияние: говорили, что он может обвести вокруг пальца любой состав. Не раз и не два, когда обвиняемого должны были наверняка оправдать, ему удавалось добиться сурового приговора. Недаром его прозвали вешателем в мантии. Вот уж никак не ожидал встретить его здесь».

Судья Уоргрейв думал: «Армстронг?»

Помню, как он давал показания. Весьма осторожно и осмотрительно. Все доктора — олухи. А те, что с Харлистрит, глупее всех». И он со злорадством вспомнил о недавней беседе с одним лощеным типом с этой самой улицы.

Вслух он проворчал:

— Спиртное в холле.

— Должен пойти поздороваться с хозяевами, — сказал доктор Армстронг.

Судья Уоргрейв закрыл глаза, отчего достиг еще большего сходства с ящером, и сказал:

— Это невозможно.

— Почему? — изумился доктор Армстронг.

— Ни хозяина, ни хозяйки здесь нет, — сказал судья. — Весьма странный дом. Ничего не могу понять.

Доктор Армстронг вытаращил на него глаза. Чуть погодя, когда ему стало казаться, что старик заснул, Уоргрейв вдруг сказал:

— Знаете Констанцию Калмингтон?

— К сожалению, нет.

— Это не важно, — сказал судья, — в высшей степени рассеянная женщина, да и почерк ее практически невозможно разобрать. Я начинаю думать, может быть, я не туда приехал.

Доктор Армстронг покачал головой и прошел в дом.

А судья Уоргрейв еще некоторое время размышлял о Констанции Калмингтон: «Ненадежная женщина, но разве женщины бывают надежными?» И мысли его перескочили на двух женщин, с которыми он приехал: старую деву с поджатыми губами и молодую девушку. Девчонка ему не понравилась, хладнокровная вертушка. «Хотя нет, здесь не две, а три женщины, если считать миссис Роджерс.

Странная тетка, похоже, она всего боится. А впрочем, Роджерсы вполне почтенная пара и

дело свое знают».

Тут на площадку вышел Роджерс.

— Вы не знаете, к вашим хозяевам должна приехать леди Констанция Калмингтон?

Роджерс изумленно посмотрел на него:

— Мне об этом ничего не известно, сэр.

Судья поднял было брови, но лишь фыркнул в ответ.

«Недаром этот остров называют Негритянским, — подумал он, — тут дело и впрямь темное».

Антони Марстон принимал ванну. Он нежился в горячей воде. Отходил после долгой езды. Мысли не слишком обременяли его. Антони жил ради ощущений и действий.

«Ну, да ладно — как-нибудь перебьюсь», — решил он и выбросил всякие мысли из головы.

Он отлежится в горячей ванне, сгонит усталость, побреется, выпьет коктейль, пообедает… А что потом?

Мистер Блор завязывал галстук. Он всегда с этим плохо справлялся. Поглядел в зеркало: все ли в порядке? Похоже, да.

С ним здесь не слишком приветливы… Они подозрительно переглядываются, будто им известно… Впрочем, все зависит от него. Он свое

дело знает и сумеет его выполнить. Он поглядел на считалку в рамке над камином. Недурной штришок.

«Помню, я как-то был здесь еще в детстве, — думал он. — Вот уж не предполагал, что мне придется заниматься таким делом на этом острове. Одно хорошо: никогда не знаешь наперед, что с тобой случится…»

Генерал Макартур пребывал в мрачной задумчивости. «Черт побери, до чего все странно! Совсем не то, на что он рассчитывал… Будь хоть малейшая возможность, он бы под любым предлогом уехал… Ни минуты здесь не остался бы… Но моторка ушла. Так что хочешь не хочешь, а придется остаться. А этот Ломбард подозрительный тип. Проходимец какой-то. Ей-ей, проходимец».

С первым ударом гонга Филипп вышел из комнаты и направился к лестнице. Он двигался легко и бесшумно, как ягуар. И вообще во всем его облике было что-то от ягуара. Красивого хищника — вот кого он напоминал. «Всего одна неделя, — улыбнулся он. — Ну, что ж, он скучать не будет».

Эмили Брент, переодевшись к обеду в черные шелка, читала у себя в спальне Библию.

Губы ее бесшумно двигались:

«Обрушились народы в яму, которую выкопали;

в сети, которую скрыли они, запуталась нога их.

Познан был Господь по суду, который Он совершил: нечестивый уловлен делами рук своих. Да обратятся нечестивые в ад»

Она поджала губы. И захлопнула Библию.

Поднялась, приколола на грудь брошь из дымчатого хрусталя и спустилась к обеду.

Глава третья

Обед близился к концу. Еда была отменная, вина великолепные. Роджерс прислуживал безукоризненно.

Настроение у гостей поднялось, языки развязались. Судья Уоргрейв, умягченный превосходным портвейном, в присущей ему саркастической манере рассказывал какуюто занятную историю; доктор Армстронг и Тони Марстон слушали. Мисс Брент беседовала с генералом Макартуром — у них нашлись общие знакомые. Вера Клейторн задавала мистеру Дейвису дельные вопросы о Южной Африке. Мистер Дейвис бойко отвечал. Ломбард прислушивался к их разговору. Раз-другой он глянул на Дейвиса, и его глаза сощурились. Время от времени он обводил взглядом стол, присматривался к сотрапезникам.

— Правда, занятные фигурки? — воскликнул вдруг Антони Марстон.

В центре круглого стола на стеклянной подставке а форме круга стояли маленькие фарфоровые фигурки.

— Понятно, — добавил Тони, — раз здесь Негри-

тянский остров, как же без негритят.

Вера наклонилась, чтобы рассмотреть фигурки поближе.

— Интересно, сколько их здесь? Десять?

— Да, десять.

— Какие смешные! — умилилась Вера. — Да это же десять негритят из считалки. У меня в комнате она висит в рамке над камином.

Ломбард сказал:

— И у меня.

— И у меня.

— И у меня, — подхватил хор голосов.

— Забавная выдумка, вы не находите? — сказала Вера.

— Скорее детская, — буркнул судья Уоргрейв и налил себе портвейн.

Эмили Брент и Вера Клейторн переглянулись и поднялись с мест.

В распахнутые настежь стеклянные двери столовой доносился шум бившегося о скалы прибоя.

— Люблю шум моря, — сказала Эмили Брент.

— А я его ненавижу, — вырвалось у Веры.

Мисс Брент удивленно посмотрела на нее. Вера покраснела и, овладев собой, добавила:

— Мне кажется, в шторм здесь довольно неуютно.

Эмили Брент согласилась.

— Но я уверена, что на зиму дом закрывают, — сказала она. — Хотя бы потому, что слуг ни за какие деньги не заставишь остаться здесь на зиму.

Вера пробормотала:

— Я думаю, найти прислугу, которая согласилась бы жить на острове, и вообще трудно.

Эмили Брент сказала:

— Миссис Оним очень повезло с прислугой. Миссис Роджерс отлично готовит.

Вера подумала: «Интересно, что пожилые люди всегда путают имена».

— Совершенно с вами согласна, миссис Оним действительно очень повезло.

Мисс Брент — она только что вынула из сумки вышиванье и теперь вдевала нитку в иголку — так и застыла с иголкой в руке.

— Оним? Вы сказали Оним? — переспросила она.

— Да.

— Никаких Онимов я не знаю, — отрезала Эмили Брент.

Вера уставилась на нее:

— Но как же…

Она не успела закончить предложения. Двери

отворились — пришли мужчины. За ними следовал Роджерс — он нес поднос с кофе.

Судья подсел к мисс Брент. Армстронг подошел к Вере. Тони Марстон направился к открытому окну. Блор в недоумении уставился на медную статуэтку, он никак не мог поверить, что эти странные углы и зигзаги изображают женскую фигуру. Генерал Макартур, прислонившись к каминной полке, пощипывал седые усики. Лучшего обеда и желать нельзя. Настроение у него поднялось. Ломбард взял «Панч», лежавший в кипе журналов на столике у стены, и стал перелистывать его. Роджерс обносил гостей кофе.

Кофе, крепкий, горячий, был очень хорош. После отличного обеда гости были довольны жизнью и собой.

Стрелки часов показывали двадцать минут десятого. Наступило молчание — спокойное, блаженное молчание.

И вдруг молчание нарушил ГОЛОС. Он ворвался в комнату — грозный, нечеловеческий, леденящий душу.

— Дамы и испода! Прошу тишины!

Все встрепенулись. Огляделись по сторонам, посмотрели друг на друга, на стены.

Кто бы это мог говорить?

А голос продолжал, громкий, отчетливый:

— Вам предъявляются следующие обвинения:

Эдуард Джордж Армстронг, вы ответственны за смерть Луизы Мэри Клине, последовавшую 14 марта 1925 года.

Эмили Каролина Брент, вы виновны в смерти Беатрисы Тейлор, последовавшей 5 ноября 1931 года.

Уильям Генри Блор, вы были причиной смерти Джеймса Стивена Ландора, последовавшей 10 октября 1928 года.

Вера Элизабет Клейторн, 11 августа 1935 года вы убили Сирила Огилви Хамилтона.

Филипп Ломбард, вы в феврале 1932 года обрекли на смерть 20 человек из восточно-африканского племени.

Джон Гордон Макартур, вы 4 февраля 1917 года намеренно послали на смерть любовника вашей жены Артура Ричмонда.

Антони Джеймс Марстон, вы убили Джона и Лоси Комбс 14 ноября прошлого года.

Томас Роджерс и Этель Роджерс, 6 мая 1929 года вы обрекли на смерть Дженнифер Брейди.

Лоренс Джон Уоргрейв, вы виновник смерти Эдуарда Ситона, последовавшей 10 июня 1930 года.

Обвиняемые, что вы можете сказать в свое оправдание?

Голос умолк.

На какой-то миг воцарилось гробовое молчание, потом раздался оглушительный грохот. Роджерс уронил поднос. И тут же из коридора донесся крик и приглушенный шум падения.

Первым вскочил на ноги Ломбард. Он бросился к двери, широко распахнул ее. На полу лежала миссис Роджерс.

— Марстон! — крикнул Ломбард.

Антони поспешил ему на помощь. Они подняли женщину и перенесли в гостиную. Доктор Армстронг тут же кинулся к ним. Он помог уложить миссис Роджерс на диван, склонился над ней.

— Ничего страшного, — сказал он, — потеряла сознание, только и всего. Скоро придет в себя.

— Принесите коньяк, — приказал Роджерсу Ломбард.

Роджерс был бел как мел, у него тряслись руки.

— Сейчас, сэр, — пробормотал он и выскользнул из комнаты.

— Кто это мог говорить? И где скрывается этот человек? — сыпала вопросами Вера. — Этот голос… он похож… похож…

— Да что же это такое? — бормотал генерал

Макартур. — Кто разыграл эту скверную шутку?

Руки у него дрожали. Он сгорбился. На глазах постарел лет на десять.

Блор вытирал лицо платком. Только судья Уоргрейв и мисс Брент сохраняли спокойствие. Эмили Брент — прямая, как палка, высоко держала голову. Лишь на щеках ее горели темные пятна румянца. Судья сидел в своей обычной позе — голова его ушла в плечи, рукой он почесывал ухо. Но глаза его, живые и проницательные, настороженно шныряли по комнате.

И снова первым опомнился Ломбард. Пока Армстронг занимался миссис Роджерс, Ломбард взял инициативу в свои руки:

— Мне показалось, что голос шел из этой комнаты.

— Но кто бы это мог быть? — вырвалось у Веры. — Кто? Ясно, что ни один из нас говорить не мог.

Ломбард, как и судья, медленно обвел глазами комнату. Взгляд его задержался было на открытом окне, но он тут же решительно покачал головой. Внезапно его глаза сверкнули. Он кинулся к двери у камина, ведущей в соседнюю комнату. Стремительно распахнул ее, ворвался туда.

— Ну, конечно, так оно и есть, — донесся до них

его голос.

Остальные поспешили за ним. Лишь мисс Брент не поддалась общему порыву и осталась на месте.

К общей с гостиной стене смежной комнаты был придвинут столик. На нем стоял старомодный граммофон — его раструб упирался в стену. Ломбард отодвинул граммофон, и все увидели несколько едва заметных дырочек в стене, очевидно, просверленных тонким сверлом.

Он завел граммофон, поставил иглу на пластинку, и они снова услышали:

«Вам предъявляются следующие обвинения».

— Выключите! Немедленно выключите, — закричала Вера, — Какой ужас!

Ломбард поспешил выполнить ее просьбу. Доктор Армстронг с облегчением вздохнул.

— Я полагаю, что это была глупая и злая шутка, — сказал он.

— Вы думаете, что это шутка? — тихо, но внушительно спросил его судья Уоргрейв.

— А как по-вашему? — уставился на него доктор.

— В настоящее время я не берусь высказаться по этому вопросу, — сказал судья, в задумчивости поглаживая верхнюю губу.

— Послушайте, вы забыли об одном, — прервал их Антони Марстон. — Кто, шут его дери, мог завести граммофон и поставить пластинку?

— Вы правы, — пробормотал Уоргрейв. — Это следует выяснить.

Он двинулся обратно в гостиную. Остальные последовали за ним.

Тут в дверях появился Роджерс со стаканом коньяка в руках. Мисс Брент склонилась над стонущей миссис Роджерс. Роджерс ловко вклинился между женщинами:

— С вашего разрешения, мэм, я поговорю с женой.

Этель, послушай, Этель, не бойся. Ничего страшного не случилось. Ты меня слышишь? Соберись с силами.

Миссис Роджерс дышала тяжело и неровно. Ее глаза, испуганные и настороженные, снова и снова обводили взглядом лица гостей.

— Ну же, Этель. Соберись с силами! — увещевал жену Роджерс.

— Вам сейчас станет лучше, — успокаивал миссис Роджерс доктор Армстронг. — Это была шутка.

— Я потеряла сознание, сэр? — спросила она.

— Да.

— Это все из-за голоса — из-за этого ужасного голоса, можно подумать, он приговор зачитывал. — Лицо ее снова побледнело, веки затрепетали.

— Где же, наконец, коньяк? — раздраженно спросил доктор Армстронг.

Роджерс поставил стакан на маленький столик. Стакан передали доктору, он поднес его задыхающейся миссис Роджерс.

— Выпейте, миссис Роджерс.

Она выпила, поперхнулась, закашлялась. Однако коньяк все же помог — щеки ее порозовели.

— Мне гораздо лучше, — сказала она. — Все вышло до того неожиданно, что я сомлела.

— Еще бы, — прервал ее Роджерс. — Я и сам поднос уронил. Подлые выдумки, от начала и до конца. Интересно бы узнать…

Но тут его прервали. Раздался кашель — деликатный, короткий кашель, однако он мигом остановил бурные излияния дворецкого. Он уставился на судью Уоргрейва — тот снова кашлянул.

— Кто завел граммофон и поставил пластинку? Это были вы, Роджерс? — спросил судья.

— Кабы я знал, что это за пластинка, — оправдывался Роджерс. — Христом Богом клянусь, я ничего не знал, сэр. Кабы знать, разве бы я ее

поставил?

— Охотно вам верю, но все же, Роджерс, вам лучше объясниться, — не отступался судья.

Дворецкий утер лицо платком.

— Я выполнял указания, сэр, только и всего, — оправдывался он.

— Чьи указания?

— Мистера Онима.

Судья Уоргрейв сказал:

— Расскажите мне все как можно подробнее. Какие именно указания дал вам мистер Оним?

— Мне приказали поставить пластинку на граммофон, — сказал Роджерс. — Я должен был взять пластинку в ящике, а моя жена завести граммофон в тот момент, когда я буду обносить гостей кофе.

— В высшей степени странно, — пробормотал судья.

— Я вас не обманываю, сэр, — оправдывался Роджерс. — Христом Богом клянусь, это чистая правда. Знал бы я, что это за пластинка, а мне и невдомек. На ней была наклейка, на наклейке название — все честь по чести, ну я и подумал, что это какая-нибудь музыка.

Уоргрейв перевел взгляд на Ломбарда:

— На пластинке есть название?

Ломбард кивнул.

— Совершенно верно, сэр, — оскалил он в улыбке острые белые зубы. — Пластинка называется «Лебединая песня».

Генерала Макартура прорвало.

— Неслыханная наглость! — возопил он. — Ни с того ни с сего бросить чудовищные обвинения. Мы должны чтото предпринять. Пусть этот Оним, кто б он ни был…

— Вот именно, — прервала его Эмили Брент. — Кто он такой? — сказала она сердито.

В разговор вмешался судья. Властно — годы, проведенные в суде, прошли недаром — он сказал:

— Прежде всего мы должны узнать, кто этот мистер Оним. А вас, Роджерс, я попрошу уложить вашу жену, потом возвратиться сюда.

— Слушаюсь, сэр.

— Я помогу вам, Роджерс, — сказал доктор Армстронг.

Миссис Роджерс — ее поддерживали под руки муж и доктор, — шатаясь, вышла из комнаты. Когда за ними захлопнулась дверь, Тони Марстон сказал:

— Не знаю, как вы, сэр, а я не прочь выпить.

— Идет, — сказал Ломбард.

— Пойду на поиски, посмотрю, где тут что, — сказал Тони, вышел и тут же вернулся. — Выпивка стояла на подносе прямо у двери — ждала нас.

Он бережно поставил поднос на стол и наполнил бокалы. Генерал Макартур и судья пили неразбавленное виски.

Всем хотелось взбодриться. Одна Эмили Брент попросила принести ей стакан воды.

Вскоре доктор Армстронг вернулся в гостиную.

— Оснований для беспокойства нет, — сказал он. — Я дал ей снотворное. Что это вы пьете? Я, пожалуй, последую вашему примеру.

Мужчины наполнили бокалы по второму разу. Чуть погодя появился Роджерс. Судья Уоргрейв взял на себя расследование. Гостиная на глазах превратилась в импровизированный зал суда.

— Теперь, Роджерс, — сказал судья, — мы должны добраться до сути. Кто такой мистер Оним?

— Владелец этого острова, сэр, — уставился на судью Роджерс.

— Это мне известно. Что знаете вы лично об этом человеке?

Роджерс покачал головой:

— Ничего не могу вам сообщить, сэр, я его никогда не видел.

Гости заволновались.

— Никогда не видели его? — спросил генерал Макартур. — Что же все это значит?

— Мы с женой здесь всего неделю. Нас наняли через агентство. Агентство «Регина» в Плимуте прислало нам письмо.

Блор кивнул.

— Старая почтенная фирма, — сообщил он.

— У вас сохранилось это письмо? — спросил Уоргрейв.

— Письмо, в котором нам предлагали работу? Нет, сэр. Я его не сохранил.

— Ну, что же, продолжайте. Вы утверждаете, что вас наняли на работу письмом.

— Да, сэр. Нам сообщили, в какой день мы должны приехать. Так мы и сделали. Дом был в полном порядке. Запасы провизии, налаженное хозяйство. Нам осталось только стереть пыль.

— А дальше что?

— Да ничего, сэр. Нам было велено — опять же в письме — приготовить комнаты для гостей, а вчера я получил еще одно письмо от мистера Онима. В нем сообщалось, что они с миссис Оним задерживаются, и мы должны принять гостей как можно лучше. Еще там были распоряжения насчет обеда, а после обеда, когда я буду обносить гостей кофе, мне приказали поставить

пластинку.

— Но хоть это письмо вы сохранили? — раздраженно спросил судья.

— Да, сэр, оно у меня с собой.

Он вынул письмо из кармана и протянул судье.

— Хм, — сказал судья, — отправлено из «Ритца» и напечатано на машинке.

— Разрешите взглянуть? — кинулся к судье Блор.

Выдернул письмо из рук судьи и пробежал его.

— Пишущая машинка «Коронейшн», — пробурчал он. — Новехонькая — никаких дефектов. Бумага обыкновенная, на такой пишут все. Письмо нам ничего не дает. Вряд ли на нем есть отпечатки пальцев.

Уоргрейв испытующе посмотрел на Блора.

Антони Марстон — он стоял рядом с Блором — разглядывал письмо через его плечо:

— Ну и имечко у нашего хозяина. Алек Норман Оним. Язык сломаешь.

Судья чуть не подскочил.

— Весьма вам признателен, мистер Марстон, — сказал он. — Вы обратили мое внимание на любопытную и наталкивающую на размышления деталь, — обвел глазами собравшихся и,

вытянув шею, как разъяренная черепаха, сказал: — Я думаю, настало время поделиться друг с другом своими сведениями. Каждому из нас следует рассказать все, что он знает о хозяине дома, — сделал паузу и продолжал: — Все мы приехали на остров по его приглашению. Я думаю, для всех нас было бы небесполезно, если бы каждый объяснил, как он очутился здесь.

Наступило молчание, но его чуть не сразу же нарушила Эмили Брент.

— Все это очень подозрительно, — сказала она. — Я получила письмо, подписанное очень неразборчиво. Я решила, что его послала одна женщина, с которой познакомилась на курорте летом года два-три тому назад. Мне кажется, ее звали либо миссис Оден, либо Оньон. Я знаю миссис Оньон, знаю также и мисс Оден. Но со всей уверенностью могу утверждать, что у меня нет ни знакомых, ни друзей по фамилии Оним.

— У вас сохранилось это письмо, мисс Брент? — спросил судья.

— Да, я сейчас принесу его.

Мисс Брент ушла и через минуту вернулась с письмом.

— Кое-что начинает проясняться, — сказал судья, прочтя письмо. — Мисс Клейторн?

Вера объяснила, как она получила место секретаря.

— Марстон? — сказал судья.

— Получил телеграмму от приятеля, — сказал Антони, — Рыжика Беркли. Очень удивился — думал, он в Норвегии. Он просил приехать побыстрее сюда.

Уоргрейв кивнул.

— Доктор Армстронг? — сказал он.

— Меня пригласили в профессиональном качестве.

— Понятно. Вы не знали эту семью прежде?

— Нет. В полученном мною письме ссылались на одного моего коллегу.

— Для пущей достоверности, конечно, — сказал судья. — Ваш коллега, я полагаю, в это время находился где-то вне пределов досягаемости?

— Да.

Ломбард — он все это время не сводил глаз с Блора — вдруг сказал: — Послушайте, а мне только что пришло в голову… Судья поднял руку:

— Минуточку…

— Но мне…

— Нам следует придерживаться определенного порядка, мистер Ломбард. Сейчас мы расследуем причины, которые привели нас на этот остров.

Генерал Макартур?

Генерал пробормотал, пощипывая усики:

— Получил письмо… от этого типа Онима… он упоминал старых армейских друзей, которых я здесь повидаю. Писал: «Надеюсь, Вы не посетуете на то, что я счел возможным без всяких церемоний обратиться к Вам». Письма я не сохранил.

— Мистер Ломбард? — сказал Уоргрейв.

Ломбард лихорадочно думал, выложить все начистоту или нет.

— То же самое, — сказал, наконец, он, — и получил приглашение, где упоминались общие знакомые, попался на удочку. Письмо я порвал.

Судья Уоргрейв перевел взгляд на мистера Блора. Судья поглаживал пальцем верхнюю губу, в голосе его сквозила подозрительная вежливость.

— Только что мы пережили весьма неприятные минуты. Некий бестелесный голос, обратившись к нам поименно, предъявил всем определенные обвинения. Ими мы займемся в свое время. Теперь же я хочу выяснить одно обстоятельство: среди перечисленных имен упоминалось имя некоего Уильяма Генри Блора. Насколько нам известно, среди нас нет человека по имени Блор. Имя Дейвис упомянуто не было. Что вы на это скажете, мистер Дейвис?

— Дальше играть в прятки нет смысла, — помрачнел Блор. — Вы правы, моя фамилия вовсе не Дейвис.

— Значит, вы и есть Уильям Генри Блор?

— Так точно.

— Я могу еще кое-что добавить к этому, — вмешался Ломбард. — То, что вы здесь под чужой фамилией, мистер Блор, это еще полбеды, вы еще и враль, каких мало. Вы утверждаете, что жили в Южной Африке, и в частности в Натале. Я знаю Южную Африку и знаю Наталь, и готов присягнуть, что вы в жизни своей там не были.

Восемь пар глаз уставились на Блора. Подозрительно, сердито. Антони Марстон, сжав кулаки, двинулся было к нему.

— Это твои шуточки, подлюга? Отвечай!

Блор откинул голову, упрямо выдвинул тяжелую челюсть.

— Вы ошиблись адресом, господа, — сказал он, — у меня есть с собой удостоверение личности — вот оно. Я — бывший чиновник отдела по расследованию уголовных дел Скотланд-Ярда. Теперь я руковожу сыскным агентством в Плимуте. Сюда меня пригласили по делу.

— Кто вас пригласил? — спросил Уоргрейв.

— Оним. Вложил в письмо чек — и немалый

— на расходы, указал, что я должен делать. Мне было велено втереться в компанию, выдав себя за гостя. Я должен был следить за вами — ваши имена мне сообщили заранее. — Вам объяснили почему?

— Из-за драгоценностей миссис Оним, — удрученно сказал Блор, — миссис Оним! Чтоб такой стреляный воробей, как я, попался на мякине. Да никакой миссис Оним и в помине нет.

Судья снова погладил верхнюю губу, на этот раз задумчиво.

— Ваши заключения представляются мне вполне обоснованными, — сказал он, — Алек Норман Оним! Под письмом мисс Брент вместо фамилии стоит закорючка, но имена написаны вполне ясно — Анна Нэнси — значит, оба раза фигурируют одинаковые инициалы: Алек Норман Оним — Анна Нэнси Оним, то есть каждый раз — А. Н. Оним. И если слегка напрячь воображение, мы получим — аноним!

— Боже мой, это же безумие! — вырвалось у Веры. Судья согласно кивнул головой.

— Вы правы, — сказал он. — Я нисколько не сомневаюсь, что нас пригласил на остров человек безумный. И, скорее всего, опасный маньяк.

Глава четвертая

Наступила тишина — гости в ужасе застыли на своих местах. Молчание нарушил тонкий въедливый голосок судьи.

— А теперь приступим к следующей стадии расследования. Но прежде всего я хочу приобщить к делу и свои показания. — Он вынул из кармана письмо, бросил его на стол. — Письмо написано якобы от имени моей старинной приятельницы — леди Констанции Калмингтон. Я давно не видел ее. Несколько лет тому назад она уехала на Восток. Письмо выдержано в ее духе — именно такое несуразное, сумасбродное письмо сочинила бы она. В нем она приглашала меня приехать, о своих хозяевах упоминала в самых туманных выражениях. Как видите, прием тот же самый, а это само собой подводит нас к одному немаловажному выводу. Кто бы ни был человек, который заманил нас сюда, — мужчина или женщина, — он нас знает или, во всяком случае, позаботился навести справки о каждом из нас. Он знает о моих дружеских отношениях с леди Констанцией и знаком с ее эпистолярным

стилем. Знает он и коллег доктора Армстронга и то, где они сейчас находятся. Ему известно прозвище друга мистера Марстона. Он в курсе того, где отдыхала два года назад мисс Брент и с какими людьми она там встречалась. Знает он и об армейских друзьях генерала Макартура, — и, помолчав, добавил: — Как видите, наш хозяин знает о нас не так уж мало. И на основании этих сведений он предъявил нам определенные обвинения.

Его слова вызвали бурю негодования.

— Ложь!.. — вопил генерал Макартур. — Наглая клевета!

— Это противозаконно! — вторила Вера. Голос ее пресекался. — Какая низость!

— Понятия не имею, что имел в виду этот идиот! — буркнул Антони Марстон.

Судья Уоргрейв поднял руку, призывая к молчанию.

— Вот что я хочу заявить. Наш неизвестный друг обвиняет меня в убийстве некоего Эдуарда Ситона. Я отлично помню Ситона. Суд над ним состоялся в июне 1930 года. Ему было предъявлено обвинение в убийстве престарелой женщины. У него был ловкий защитник, и он сумел произвести хорошее впечатление на присяжных. Тем

не менее свидетельские показания полностью подтвердили его виновность. Я построил обвинительное заключение на этом, и присяжные пришли к выводу, что он виновен. Вынося ему смертный приговор, я действовал в соответствии с их решением. Защита подала на апелляцию, указывая, что на присяжных было оказано давление. Апелляцию отклонили, и приговор привели в исполнение. Я заявляю, что совесть моя в данном случае чиста. Приговорив к смерти убийцу, я выполнил свой долг, и только.

— …Ну как же, дело Ситона! — вспоминал Армстронг. — Приговор тогда удивил всех. Накануне он встретил в ресторане адвоката Маттьюза. «Оправдательный приговор у нас в кармане — никаких сомнений тут быть не может», — уверил он Армстронга. Потом до Армстронга стали доходить слухи, будто судья был настроен против Ситона, сумел обвести присяжных, и они признали Ситона виновным. Сделано все было по закону: ведь старый Уоргрейв знает закон как свои пять пальцев. Похоже, что у него были личные счеты с этим парнем. Воспоминания молниеносно пронеслись в мозгу доктора.

— А вы встречались с Ситоном? Я имею в виду-до процесса, — вырвался у него вопрос; если

б он дал себе труд подумать, он никогда бы его не задал.

Прикрытые складчатыми, как у ящера, веками, глаза остановились на его лице.

— Я никогда не встречал Ситона до процесса, — невозмутимо сказал судья.

«Как пить дать врет», — подумал Армстронг.

— Я хочу вам рассказать про этого мальчика — Сирила Хамилтона, — сказала Вера. Голос у нее дрожал. — Я была его гувернанткой. Ему запрещали заплывать далеко. Однажды я отвлеклась, и он уплыл. Я кинулась за ним… Но опоздала… Это был такой ужас… Но моей вины в этом нет. Следователь полностью оправдал меня. И мать Сирила была ко мне очень добра. Если даже она ни в чем меня не упрекала, кому… кому могло понадобиться предъявить мне такое обвинение? Это чудовищная несправедливость… — она зарыдала.

Генерал Макартур потрепал ее по плечу.

— Успокойтесь, милочка, успокойтесь, — сказал он. — Мы вам верим. Да он просто ненормальный, этот тип. Ему место в сумасшедшем доме. Мало ли что может прийти в голову сумасшедшему. — Генерал приосанился, расправил плечи. — На подобные обвинения лучше всего просто не

обращать внимания. И все же я считаю своим долгом сказать, что в этой истории про молодого Ричмонда нет ни слова правды. Ричмонд был офицером в моем полку. Я послал его в разведку. Он был убит. На войне это случается сплошь и рядом. Больше всего меня огорчает попытка бросить тень на мою жену. Во всех отношениях безупречная женщина. Словом, жена Цезаря…

Генерал сел. Трясущейся рукой пощипывал усики. Видно, эта речь стоила ему немалых усилий.

Следующим взял слово Ломбард. В глазах его прыгали чертики.

— Так вот, насчет этих туземцев… — начал он.

— Да, так как же с туземцами? — сказал Марстон.

Ломбард ухмыльнулся.

— Все — чистая правда! Я их бросил на произвол судьбы. Вопрос самосохранения. Мы заблудились в буше. И тогда я с товарищами смылся, а оставшийся провиант прихватил с собой.

— Вы покинули ваших людей? — возмутился генерал Макартур. — Обрекли их на голодную смерть?

— Конечно, поступок не вполне достойный представителя белой расы, но самосохранение — наш первый долг. И потом, туземцы не боятся

умереть — не то что мы, европейцы.

Вера подняла глаза на Ломбарда.

— И вы оставили их умирать с голоду?

— Вот именно, — ответил Ломбард, и его смеющиеся глаза прямо посмотрели в испуганные глаза девушки.

— Я все пытаюсь вспомнить — Джон и Люси Комбс, — протянул Антони Марстон. — Это, наверное, те ребятишки, которых я задавил неподалеку от Кембриджа. Жутко не повезло.

— Кому не повезло — им или вам? — ехидно спросил судья Уоргрейв.

— По правде говоря, я думал, что мне, но вы, разумеется, правы, не повезло им. Хотя это был просто несчастный случай. Они выбежали прямо на дорогу. У меня на год отобрали права. Нешуточная неприятность.

Доктор Армстронг вспылил:

— Недопустимо ездить с такой скоростью — за это следует наказывать. Молодые люди вроде вас представляют опасность для общества.

Антони пожал плечами:

— Но мы живем в век больших скоростей! И потом дело не в скорости, а в наших отвратительных дорогах. На них толком не разгонишься. — Он поискал глазами свой бокал, подошел к столику с

напитками, налил себе еще виски с содовой. — Во всяком случае, моей вины тут не было. Это просто несчастный случай, — бросил он через плечо.

Дворецкий Роджерс, ломая руки, то и дело облизывал пересохшие губы.

— С вашего позволения, господа, мне бы тоже хотелось кое-что добавить, — сказал он почтительно.

— Валяйте, — сказал Ломбард.

Роджерс откашлялся, еще раз провел языком по губам:

— Тут упоминалось обо мне и миссис Роджерс. Ну и о мисс Брейди. Во всем этом нет ни слова правды. Мы с женой были с мисс Брейди, пока она не отдала Богу душу. Она всегда была хворая, вечно недомогала. В ту ночь, сэр, когда у нее начался приступ, разыгралась настоящая буря. Телефон не работал, и мы не могли позвать доктора. Я пошел за ним пешком. Но врач подоспел слишком поздно. Мы сделали все, чтобы ее спасти, сэр. Мы ее любили, это все кругом знали. Никто о нас худого слова не мог сказать. Святой истинный крест.

Ломбард задумчиво посмотрел на дворецкого — дергающиеся пересохшие губы, испуганные глаза. Вспомнил, как тот уронил поднос. Подумал:

«Верится с трудом», — но вслух ничего не сказал.

— А после ее смерти вы, конечно, получили маленькое наследство? — спросил Блор нагло, нахраписто, как и подобает бывшему полицейскому.

— Мисс Брейди оставила нам наследство в награду за верную службу. А почему бы и нет, хотел бы я знать? — вспылил Роджерс.

— А что вы скажете, мистер Блор? — спросил Ломбард.

— Я?

— Ваше имя числилось в списке.

Блор побагровел.

— Вы имеете в виду дело Ландора? Это дело об ограблении Лондонского коммерческого банка.

— Ну как же, помню, помню, хоть я и не участвовал в этом процессе, — зашевелился в кресле судья Уоргрейв. — Ландора осудили на основании ваших показаний, Блор.

Вы тогда служили в полиции и занимались этим делом.

— Верно, — согласился Блор.

— Ландора приговорили к пожизненной каторге, и он умер в Дартмуре через год. Он был слабого здоровья.

— Ландор был преступник, — сказал Блор. —

Ночного сторожа ухлопал он — это доказано.

— Если я не ошибаюсь, вы получили благодарность за умелое ведение дела, — процедил Уоргрейв.

— И даже повышение, — огрызнулся Блор. И добавил неожиданно севшим голосом: — Я только выполнил свой долг.

— Однако какая подобралась компания! — расхохотался Ломбард. — Все, как один, законопослушные, верные своему долгу граждане. За исключением меня, конечно. Ну, а вы, доктор, что нам скажете вы? Нашалили по врачебной части? Запрещенная операция? Не так ли?

Эмили Брент метнула на Ломбарда презрительный взгляд и отодвинулась подальше от него.

Доктор Армстронг отлично владел собой — он только добродушно покачал головой.

— Признаюсь, я в полном замешательстве, — сказал он, — имя моей жертвы ни о чем мне не говорит. Как там ее называли: Клис? Клоуз? Не помню пациентки с такой фамилией, да и вообще не помню, чтобы кто-нибудь из моих пациентов умер по моей вине. Правда, дело давнее. Может быть, речь идет о какой-нибудь операции в больнице? Многие больные обращаются к нам слишком поздно. А когда пациент умирает, их

родные обвиняют хирурга.

Он вздохнул и покачал головой.

«Я был пьян, — думал он, — мертвецки пьян… Оперировал спьяну. Нервы ни к черту, руки трясутся. Конечно, я убил ее. Бедняге — она была уже на возрасте — ужасно не повезло: сделать эту операцию — пара пустяков. В трезвом виде, конечно. Хорошо еще, что существует такая вещь, как профессиональная тайна. Сестра знала, но держала язык за зубами. Меня тогда сильно тряхануло. И я сразу взял себя в руки. Но кто мог это раскопать — после стольких лет?»

В комнате опять наступило молчание. Все — кто прямо, кто исподтишка — глядели на мисс Брент. Прошла одна минута, другая, прежде чем она заметила нацеленные на нее взгляды. Брови се взлетели, узкий лобик пошел морщинами.

— Вы ждете моих признаний? — сказала она. — Но мне нечего сказать. — Решительно нечего? — переспросил судья. — Да, нечего, — поджала губы старая дева. Судья провел рукой по лицу.

— Вы откладываете свою защиту? — вежливо осведомился он.

— Ни о какой защите не может быть и речи, — отрезала мисс Брент. — Я всегда следовала велению своей совести. Мне не в чем себя упрек-

нуть.

Ее слова были встречены неодобрительно. Однако Эмили Брент была не из тех, кто боится общественного мнения. Ее убеждений никто не мог поколебать.

Судья откашлялся.

— Ну что ж, на этом расследование придется прекратить. А теперь, Роджерс, скажите, кто еще находится на острове, кроме вас и вашей жены?

— Здесь никого больше нет, сэр.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно.

— Мне не вполне ясно, — сказал Уоргрейв, — зачем нашему анонимному хозяину понадобилось собрать нас здесь. По-моему, этот человек, кто бы он ни был, не может считаться нормальным в общепринятом смысле этого слова. Более того, он представляется мне опасным. Помоему, нам лучше всего как можно скорее уехать отсюда. Я предлагаю уехать сегодня же вечером.

— Прошу прощения, сэр, — прервал его Роджерс, — но на острове нет лодки.

— Ни одной?

— Да, сэр.

— А как же вы сообщаетесь с берегом?

— Каждое утро, сэр, приезжает Фред Нарракотт.

Он привозит хлеб, молоко, почту и передает заказы нашим поставщикам.

— В таком случае, — сказал судья, — нам следует уехать завтра, едва появится Нарракотт со свой лодкой.

Все согласились, против был один Марстон.

— Я не могу удрать, — сказал он. — Как-никак я спортсмен. Я не могу уехать, не разгадав эту тайну. Захватывающая история — не хуже детективного романа.

— В мои годы, — кисло сказал судья, — такие тайны уже не очень захватывают.

Антони ухмыльнулся.

— Вы, юристы, смотрите на преступления с узкопрофессиональной точки зрения. А я люблю преступления и пью за них! — Он опрокинул бокал. Очевидно, виски попало ему не в то горло. Антони поперхнулся. Лицо его исказилось, налилось кровью. Он хватал ртом воздух, потом соскользнул с кресла, рука его разжалась, бокал покатился по ковру.

Глава пятая

Все обомлели от неожиданности. Стояли как вкопанные, уставившись на распростертое на ковре тело. Первым опомнился Армстронг. Он кинулся к Марстону. Когда минуту спустя он поднял глаза, в них читалось удивление.

— Боже мой, он мертв! — пробормотал Армстронг хриплым от ужаса голосом.

Его слова не сразу дошли до гостей. Умер? Умер вот так, в мгновение ока? Этот пышущий здоровьем юный Бог, словно вышедший из северной саги?

Доктор Армстронг вглядывался в лицо мертвеца, обнюхивал синие, искривленные в предсмертной гримасе губы. Поднял бокал, из которого пил Марстон.

— Он мертв? — спросил генерал Макартур. — Вы хотите сказать, что он поперхнулся и от этого помер?

— Поперхнулся? — переспросил врач. — Что ж, если хотите, называйте это так. Во всяком случае, он умер от удушья. — Армстронг снова понюхал стакан, окунул палец в осадок на дне, осторожно

лизнул его кончиком языка и изменился в лице.

— Никогда не думал, — продолжал генерал Макартур, — что человек может умереть, поперхнувшись виски.

— Все мы под Богом ходим, — наставительно сказала Эмили Брент.

Доктор Армстронг поднялся с колен.

— Нет, человек не может умереть, поперхнувшись глотком виски, — сердито сказал он. — Смерть Марстона нельзя назвать естественной.

— Значит, в виски… что-то было подмешано, — еле слышно прошептала Вера.

Армстронг кивнул.

— Точно сказать не могу, но похоже, что туда подмешали какой-то цианид. Я не почувствовал характерного запаха синильной кислоты. Скорее всего, это цианистый калий. Он действует мгновенно.

— Яд был в стакане? — спросил судья.

— Да.

Доктор подошел к столику с напитками. Откупорил виски, принюхался, отпил глоток. Потом попробовал содовую. И покачал головой. — Там ничего нет.

— Значит, вы считаете, — спросил Ломбард, — что он сам подсыпал яду в свой стакан?

Армстронг кивнул, но лицо его выражало неуверенность. — Похоже на то, — сказал он.

— Вы думаете, это самоубийство? — спросил Блор. — Очень сомнительно.

Вера задумчиво пробормотала:

— Никогда бы не подумала, что он мог покончить с собой. Он так радовался жизни. Когда он съезжал с холма в автомобиле, он был похож на… на… не знаю, как и сказать!

Но все поняли, что она имеет в виду. Антони Марстон, молодой, красивый, показался им чуть ли не небожителем! А теперь его скрюченный труп лежал на полу.

— У кого есть другая гипотеза? — спросил доктор Армстронг.

Все покачали головами. Нет, другого объяснения они найти не могли. Никто ничего не сыпал в бутылки. Все видели, что Марстон сам налил себе виски — следовательно, если в его бокале был яд, никто, кроме Марстона, ничего туда подсыпать не мог. И все же, зачем было Марстону кончать жизнь самоубийством?

— Что-то тут не то, доктор, — сказал задумчиво Блор. — Марстон никак не был похож на самоубийцу.

— Вполне с вами согласен, — ответил Арм-

стронг.

На этом обсуждение прекратилось. Да и что тут еще можно сказать? Армстронг и Ломбард перенесли бездыханное тело Марстона в спальню, накрыли его простыней.

Когда они вернулись в холл, гости, сбившись в кучку, испуганно молчали, а кое-кого била дрожь, хотя вечер стоял теплый.

— Пора спать. Уже поздно, — сказала, наконец, Эмили Брент.

Слова ее прозвучали весьма уместно: часы давно пробили полночь, и все же гости не спешили расходиться. Было видно, что они боятся остаться в одиночестве.

— Мисс Брент права, — поддержал ее судья, — нам пора отдохнуть.

— Но я еще не убрал в столовой, — сказал Роджерс.

— Уберете завтра утром, — распорядился Ломбард.

— Ваша жена чувствует себя лучше? — спросил дворецкого Армстронг.

— Поднимусь, посмотрю. — Чуть погодя Роджерс вернулся. — Она спит как убитая.

— Вот и хорошо, — сказал врач. — Не беспокойте ее.

— Разумеется, сэр. Я приберусь в столовой, закрою двери на ключ и пойду спать, — Роджерс вышел в столовую.

Гости медленно, неохотно потянулись к лестнице.

Будь они в старом доме со скрипящими половицами и темными закоулками, доме, где обшитые панелями стены скрывали потайные ходы, их страх был бы вполне объясним. Но здесь — в этом ультрасовременном особняке? Здесь нет ни темных закоулков, ни потайных дверей, а комнаты заливают потоки электрического света и все сверкает новизной! Нет, здесь не скроешься! Ничего таинственного тут нет! И быть не может! Но это-то и вселяло в них ужас…

На площадке второго этажа гости пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по комнатам. Войдя к себе, каждый машинально, даже не отдавая себе в этом отчета, запер дверь на ключ.

В веселой светлой спальне раздевался, готовясь ко сну, судья Уоргрейв. Он думал об Эдуарде Ситоне. Ситон стоял перед ним как живой. Блондин с голубыми глазами, чей искренний взгляд производил прямо-таки неотразимое впечатление на присяжных.

Государственный обвинитель Ллуэллин не обладал чувством меры. Он выступал крайне неудачно. Пережимал, доказывал то, что не нуждалось в доказательствах. Маттьюз, адвокат, напротив, оказался на высоте. Он умело подал факты в пользу обвиняемого. На перекрестном допросе ловко запугивал и запутывал свидетелей. Мастерски подготовил выступление своего клиента.

Да и сам Ситон на перекрестном допросе держался великолепно. Не волновался, не оправдывался, сумел расположить к себе присяжных. Маттьюз считал, что оправдательный приговор у него в кармане.

Судья Уоргрейв старательно завел часы, положил их на ночной столик. Он помнил это судебное заседание так, будто оно происходило вчера, помнил, как он слушал свидетелей, делал заметки, собирал по крохам улики против обвиняемого. Да, такие процессы бывают не часто! Маттьюз произнес блестящую речь. Ллуэллину не удалось рассеять хорошее впечатление от речи адвоката. А перед тем, как присяжным удалиться на совещание, судья произнес заключительное слово…

Судья осторожно вынул вставную челюсть, положил ее в стакан с водой. Сморщенные губы

запали, это придало его лицу жестокое, хищное выражение. Судья опустил складчатые веки и улыбнулся сам себе: «Да, он не дал Ситону убежать от расплаты».

Ревматически хрустя костями, старый судья залез в постель и выключил свет.

Внизу, в столовой, Роджерс глядел на фарфоровых негритят.

— Чудеса в решете! — бормотал он. — Мог бы поспорить, что их было десять.

Генерал Макартур ворочался с боку на бок. Никак не мог заснуть. Перед ним то и дело возникало лицо Артура Ричмонда. Ему нравился Артур, он даже к нему привязался. Ему было приятно, что и Лесли этот молодой человек нравится. На нее трудно было угодить. Сколько прекрасных молодых людей он приводил в дом, а она не желала их принимать, говорила, что они «нудные». И тут уж ничего не попишешь! Артур Ричмонд не казался ей нудным. Он с самого начала пришелся ей по душе. Они могли без конца разговаривать о литературе, музыке, живописи. Она шутила, смеялась с ним, любила поддразнить Артура. И генерал был в восторге от того, что Лесли принимает поистине материнское участие в юноше.

Материнское — это ж надо быть таким идиотом,

и как он не сообразил, что Ричмонду исполнилось двадцать восемь, а Лесли всего на год его старше. Он обожал Лесли. Она стояла перед ним как живая. Круглое, с острым подбородочком личико, искрящиеся темно-серые глаза, густые каштановые кудри. Он обожал Лесли, беспредельно верил ей.

И там во Франции, в передышках между боями, он думал о ней, вынимал ее фотографию из нагрудного кармана, подолгу смотрел на нее. Но однажды… он узнал обо всем. Произошло это точь-в-точь как в пошлых романах: Лесли писала им обоим и перепутала конверты. Она вложила письмо к Ричмонду в конверт с адресом мужа. Даже теперь, после стольких лет, ему больно вспоминать об этом… Боже, как он тогда страдал!

Их связь началась давно. Письмо не оставляло никаких сомнений на этот счет. Уик-энды! Последний отпуск Ричмонда… Лесли, Лесли и Артур… Черт бы его побрал! С его коварными улыбками, его почтительными: «Да, сэр. Слушаюсь, сэр!» Обманщик и лжец! Сказано же: «Не желай жены ближнего твоего!»

В нем исподволь жила мечта о мести, страшной мести. Но он ничем себя не выдал, держался с

Ричмондом, будто ничего не случилось. Удалось ли это ему? Похоже, что удалось. Во всяком случае, Ричмонд ничего не заподозрил. На вспышки гнева на фронте никто не обращал внимания — у всех нервы были порядком издерганы. Правда, Армитидж иногда поглядывал на него как-то странно. Мальчишка, сопляк, но голова у него работала. Да, видно, Армитидж разгадал его замысел. Он хладнокровно послал Ричмонда на смерть. Тот лишь чудом мог вернуться живым из разведки. Но чуда не произошло. Да, он послал Ричмонда на смерть и нисколько об этом не жалеет. Тогда это было проще простого. Ошибки случались сплошь и рядом, офицеров посылали на смерть без всякой необходимости. Всюду царили суматоха, паника. Может быть, потом и говорили: «Старик Макартур потерял голову, наделал глупостей, пожертвовал лучшими своими людьми», но и только.

А вот этого сопляка Армитиджа провести было не так просто. У него появилась неприятная манера нагло поглядывать на своего командира. Наверное, знал, что я нарочно послал Ричмонда на смерть. (А потом, когда война кончилась, интересно, болтал Армитидж потом или нет?)

Лесли ничего не знала. Она (как он предпола-

гал) оплакивала своего любовника, но к приезду мужа в Англию горечь утраты притупилась. Он никогда не позволил себе ни малейшего намека на ее отношения с Ричмондом.

Они зажили по-прежнему, но она стала его чуждаться…

А через три-четыре года после войны умерла от двустороннего воспаления легких. Все это было так давно. Сколько лет прошло с тех пор — пятнадцать, шестнадцать?

Он вышел в отставку, поселился в Девоне. Купил маленький домик, ему всегда хотелось иметь именно такой.

Красивая местность, любезные соседи. Рыбная ловля, охота… По воскресеньям — церковь…

(Но одно воскресенье он пропускал — то, когда читали, как Давид велел поставить Урию там, где «будет самое сильное сражение». Ничего не мог с собой поделать. Ужасно гадко становилось на душе.)

Соседи относились к нему как нельзя лучше. Поначалу.

Потом ему стало казаться, что люди шушукаются о нем, и от этого было не по себе. На него начали смотреть косо. Так, словно до них дошел порочащий его слух… (Армитидж? Что если Ар-

митидж болтал?)

Он стал сторониться людей, жил отшельником. Уж очень неприятно, когда о тебе сплетничают за твоей спиной.

Но все это было так давно.

Лесли осталась в далеком прошлом, Артур Ричмонд тоже. Да и какое значение может иметь теперь эта история? Хоть она и обрекла его на одиночество. Он даже старых армейских друзей теперь избегал. (Если Армитидж проболтался, эта история, несомненно, дошла и до них.)

А сегодня вечером этот голос обнародовал давно забытую историю. Как он себя вел? Не изменился в лице? Выразил ли подобающие гнев, возмущение? Не выдал ли своего смятения? Кто его знает. Конечно, никто из приглашенных не принял этого обвинения всерьез. Ведь среди прочих обвинений были и самые нелепые, Эту очаровательную девушку, например, обвинили в том, что она утопила ребенка. Вот уж ерунда! Ясно, что они имеют дело с сумасшедшим, которому доставляет удовольствие обвинять каждого встречного и поперечного! Эмили Брент, к примеру, племяннице его старого армейского приятеля Тома Брента, тоже предъявили обвинение в убийстве. А ведь надо быть слепым, чтоб

не заметить, какая она набожная: такие шагу не делают без священника.

«Все это, — думал генерал, — по меньшей мере дико, а попросту говоря, чистое безумие! Едва они приехали на остров… стоп, когда же это было? Сегодня днем, черт побери, ну да, они приехали только сегодня днем. Как долго тянется время! Интересно, когда мы уедем отсюда? — думал генерал. — Конечно же, завтра, едва прибудет моторка. Но странно, сейчас ему совсем не хотелось покидать остров… Снова жить затворником в своем домишке, снова те же самые тревоги, те же страхи». В открытое окно доносился шум прибоя: море грозно шумело, поднимался ветер. Генерал думал: «Убаюкивающий шум моря… спокойное местечко… Хорошо жить на острове — не надо ехать дальше… Ты словно на краю света…

Внезапно он понял, что ему совсем не хочется отсюда уезжать».

Вера Клейторн лежала с раскрытыми глазами и глядела в потолок. Она боялась темноты и поэтому не погасила свет.

«Хьюго, Хьюго, — думала она. — Почему мне кажется, что он сегодня вечером где-то совсем близко. Где он сейчас? Не знаю. И никогда не узнаю. Он исчез из моей жизни, исчез навсегда…

Зачем гнать от себя мысли о Хьюго? Она будет думать о нем, вспоминать…

Корнуолл… Черные скалы, мелкий желтый песок… Добродушная толстуха миссис Хамилтон… Маленький Сирил все время тянет ее за руку, канючит: «Я хочу поплыть к скале. Мисс Клейторн, я хочу к скале. Ну можно мне поплыть к скале?» И каждый раз, поднимая глаза, она видит устремленный на нее взгляд Хьюго… Вечером, когда Сирил спал…

— Вы не выйдете погулять, мисс Клейторн?

— Что ж, пожалуй, выйду…

В тот день они, как обычно, гуляли по пляжу. Был теплый, лунный вечер, Хьюго обнял ее за талию.

— Я люблю вас, Вера. Я люблю вас. Вы знаете, что я вас люблю?

Да, она знала. (По крайней мере, так ей казалось.)

— Я не решаюсь просить вашей руки… У меня нет ни гроша. Мне хватает на жизнь, и только. А ведь как-то у меня целых три месяца был шанс разбогатеть. Сирил появился на свет через три месяца после смерти Мориса…

Если бы родилась девочка, состояние унаследовал бы Хьюго. Он признался, что был тогда очень

огорчен:

— Я, разумеется, не строил никаких расчетов. И все же я тяжело перенес этот удар. Видно, не под счастливой звездой я родился. Но Сирил милый мальчик, и я к нему очень привязался!

И это была чистая правда. Хьюго и впрямь любил Сирила, готов был целыми днями играть с ним, выполнять все его капризы. Злопамятства в нем не было.

Сирил рос хилым ребенком. Тщедушным, болезненным. Он вряд ли прожил бы долго…

А дальше что?

— Мисс Клейторн, можно мне поплыть к скале? Почему мне нельзя к скале? — без конца канючил Сирил.

— Это слишком далеко, Сирил.

— Ну, мисс Клейторн, позвольте, ну, пожалуйста…»

Вера вскочила с постели, вынула из туалетного столика три таблетки аспирина и разом проглотила.

«Если бы мне понадобилось покончить с собой, — подумала она, — я приняла бы сильную дозу веронала или какое-нибудь другое снотворное, но уж никак не цианистый калий».

Она передернулась, вспомнив искаженное,

налившееся кровью лицо Антони Марстона.

Когда она проходила мимо камина, ее взгляд невольно упал на считалку.

Десять негритят отправились обедать,

Один поперхнулся, их осталось девять

«Какой ужас, — подумала она. — Ведь сегодня все именно так и было!

Почему Антони Марстон хотел умереть? Нет, она умереть не хочет. Сама мысль о смерти ей противна… Смерть — это не для нее…»

Глава шестая

Доктор Армстронг видел сон… В операционной дикая жара… Зачем здесь так натопили? С него ручьями льет пот. Руки взмокли, трудно держать скальпель… Как остро наточен скальпель… Таким легко убить. Он только что кого-то убил.

Тело жертвы кажется ему незнакомым. Та была толстая, нескладная женщина, а эта чахлая, изможденная. Лица ее не видно. Кого же он должен убить? Он не помнит. А ведь он должен знать! Что если спросить у сестры? Сестра следит за ним. Нет, нельзя ее спрашивать. Она и так его подозревает.

Да что же это за женщина лежит перед ним на операционном столе? Почему у нее закрыто лицо? Если б только он мог взглянуть на нее!.. Наконец-то молодой практикант поднял платок и открыл ее лицо.

Ну, конечно, это Эмили Брент. Он должен убить Эмили Брент. Глаза ее сверкают злорадством. Она шевелит губами. Что она говорит? «Все мы под Богом ходим».

А теперь она смеется.

— Нет, нет, мисс… — говорит он сестре, — не опускайте платок. Я должен видеть ее лицо, когда буду давать ей наркоз. Где эфир? Я должен был принести его с собой.

Куда вы его дели, мисс? Шато Неф-тю-Пап? Тоже годится. Уберите платок, сестра!

Ой, так я и знал! Это Антони Марстон! Его налитое кровью лицо искажено. Но он не умер, он скалит зубы.

Ей-Богу, он хохочет, да так, что трясется операционный стол. Осторожно, приятель, осторожно. Держите, держите стол, сестра!

Тут доктор Армстронг проснулся. Было уже утро — солнечный свет заливал комнату. Кто-то, склонившись над ним, тряс его за плечо. Роджерс. Роджерс с посеревшим от испуга лицом повторял:

— Доктор, доктор!

Армстронг окончательно проснулся, сел.

— В чем дело? — сердито спросил он.

— Беда с моей женой, доктор. Бужу ее, бужу и не могу добудиться. Да и вид у нее нехороший.

Армстронг действовал быстро: вскочил с постели, накинул халат и пошел за Роджерсом.

Женщина лежала на боку, мирно положив руку под голову. Наклонившись над ней, он взял ее

холодную руку, поднял веко.

— Неужто, неужто она… — пробормотал Роджерс и провел языком по пересохшим губам.

Армстронг кивнул головой:

— Увы, все кончено…

Врач в раздумье окинул взглядом дворецкого, перевел взгляд на столик у изголовья постели, на умывальник, снова посмотрел на неподвижную женщину.

— Сердце отказало, доктор? — заикаясь спросил Роджерс.

Доктор Армстронг минуту помолчал, потом спросил:

— Роджерс, ваша жена ничем не болела?

— Ревматизм ее донимал, доктор.

— У кого она в последнее время лечилась?

— Лечилась? — вытаращил глаза Роджерс. — Да я и не упомню, когда мы были у доктора.

— Вы не знаете, у вашей жены болело сердце?

— Не знаю, доктор. Она на сердце не жаловалась.

— Она обычно хорошо спала? — спросил Армстронг.

Дворецкий отвел глаза, крутил, ломал, выворачивал пальцы.

— Да нет, спала она не так уж хорошо, — про-

бормотал он. Сухое красное вино.

— Она принимала что-нибудь от бессонницы?

— От бессонницы? — спросил удивленно Роджерс. — Не знаю. Нет, наверняка не принимала — иначе я знал бы.

Армстронг подошел к туалетному столику. На нем стояло несколько бутылочек: лосьон для волос, лавандовая вода, слабительное, глицерин, зубная паста, эликсир…

Роджерс усердно ему помогал — выдвигал ящики стола, отпирал шкафы. Но им не удалось обнаружить никаких следов наркотиков — ни жидких, ни в порошках.

— Вчера вечером она принимала только то, что вы ей дали, доктор, — сказал Роджерс.

К девяти часам, когда удар гонга оповестил о завтраке, гости уже давно поднялись и ждали, что же будет дальше. Генерал Макартур и судья прохаживались по площадке, перекидывались соображениями о мировой политике. Вера Клейторн и Филипп Ломбард взобрались на вершину скалы за домом. Там они застали Уильяма Генри Блора — он тоскливо глядел на берег.

— Я уже давно здесь, — сказал он, — но моторки пока не видно.

— Девон — край лежебок. Здесь не любят рано

вставать, — сказала Вера с усмешкой.

Филипп Ломбард, отвернувшись от них, смотрел в открытое море.

— Как вам погодка? — спросил он.

Блор поглядел на небо.

— Да вроде ничего.

Ломбард присвистнул.

— К вашему сведению, к вечеру поднимется ветер.

— Неужто шторм? — спросил Блор.

Снизу донесся гулкий удар гонга.

— Зовут завтракать, — сказал Ломбард. — Весьма кстати, я уже проголодался.

Спускаясь по крутому склону, Блор делился с Ломбардом:

— Знаете, Ломбард, никак не могу взять в толк, с какой стати Марстону вздумалось покончить с собой. Всю ночь ломал над этим голову.

Вера шла впереди.

Ломбард замыкал шествие.

— А у вас есть другая гипотеза? — ответил Ломбард вопросом на вопрос.

— Мне хотелось бы получить доказательства. Для начала хотя бы узнать, что его подвигло на самоубийство. Судя по всему в деньгах этот парень не нуждался.

Из гостиной навстречу им кинулась Эмили Брент.

— Лодка уже вышла? — спросила она.

— Еще нет, — ответила Вера.

Они вошли в столовую. На буфете аппетитно дымилось огромное блюдо яичницы с беконом, стояли чайник и кофейник. Роджерс придержал перед ними дверь, пропустил их и закрыл ее за собой.

— У него сегодня совершенно больной вид, — сказала Эмили Брент.

Доктор Армстронг — он стоял спиной к окну — откашлялся.

— Сегодня нам надо относиться снисходительно ко всем недочетам, — сказал он. — Роджерсу пришлось готовить завтрак одному. Миссис Роджерс… э-э… была не в состоянии ему помочь.

— Что с ней? — недовольно спросила Эмили Брент.

— Приступим к завтраку, — пропустил мимо ушей ее вопрос Армстронг. — Яичница остынет. А после завтрака я хотел бы кое-что с вами обсудить.

Все последовали его совету. Наполнили тарелки, налили себе кто чай, кто кофе и приступили к завтраку. По общему согласию никто не касался

дел на острове. Беседовали о том о сем: о новостях, международных событиях, спорте, обсуждали последнее появление Лохнесского чудовища.

Когда тарелки опустели, доктор Армстронг откинулся в кресле, многозначительно откашлялся и сказал:

— Я решил, что лучше сообщить вам печальные новости после завтрака: миссис Роджерс умерла во сне.

Раздались крики удивления, ужаса.

— Боже мой! — сказала Вера. — Вторая смерть на острове!

— Гм-гм, весьма знаменательно, — сказал судья, как всегда чеканя слова. — А от чего последовала смерть?

Армстронг пожал плечами.

— Трудно сказать.

— Для этого нужно вскрытие?

— Конечно, выдать свидетельство о ее смерти без вскрытия я бы не мог. Я не лечил эту женщину и ничего не знаю о состоянии ее здоровья.

— Вид у нее был очень перепуганный, — сказала Вера. — И потом, прошлым вечером она пережила потрясение. Наверное, у нее отказало сердце?

— Отказать-то оно отказало, — отрезал Арм-

стронг, — но нам важно узнать, что было тому причиной.

— Совесть, — сказала Эмили Брент, и все оцепенели от ужаса.

— Что вы хотите сказать, мисс Брент? — обратился к ней Армстронг.

Старая дева поджала губы.

— Вы все слышали, — сказала старая дева, — ее обвинили в том, что она вместе с мужем убила свою хозяйку — пожилую женщину.

— И вы считаете…

— Я считаю, что это правда, — сказала Эмили Брент. — Вы видели, как она вела себя вчера вечером. Она до смерти перепугалась, потеряла сознание. Ее злодеяние раскрылось, и она этого не перенесла. Она буквально умерла со страху.

Армстронг недоверчиво покачал головой.

— Вполне правдоподобная теория, — сказал он, — но принять ее на веру, не зная ничего о состоянии здоровья умершей, я не могу. Если у нее было слабое сердце…

— Скорее это была кара Господня, — невозмутимо прервала его Эмили Брент.

Ее слова произвели тяжелое впечатление.

— Это уж слишком, мисс Брент, — укорил ее Блор.

Старая дева вскинула голову, глаза у нее горели.

— Вы не верите, что Господь может покарать грешника, а я верю.

Судья погладил подбородок.

— Моя дорогая мисс Брент, — сказал он, и в голосе его сквозила насмешка, — исходя из своего опыта, могу сказать, что Провидение предоставляет карать злодеев нам, смертным, и работу эту часто осложняют тысячи препятствий. Но другого пути нет.

Эмили Брент пожала плечами.

— А что она ела и пила вчера вечером, когда ее уложили в постель? — спросил Блор.

— Ничего, — ответил Армстронг.

— Так-таки ничего? Ни чашки чаю? Ни стакана воды? Пари держу, что она все же выпила чашку чая. Люди ее круга не могут обойтись без чая.

— Роджерс уверяет, что она ничего не ела и не пила.

— Он может говорить, что угодно, — сказал Блор, и сказал это так многозначительно, что доктор покосился на него.

— Значит, вы его подозреваете? — спросил Ломбард.

— И не без оснований, — огрызнулся Блор. —

Все слышали этот обвинительный акт вчера вечером. Может оказаться, что это бред сивой кобылы — выдумки какого-нибудь психа! А с другой стороны, что если это правда? Предположим, что Роджерс и его хозяйка укокошили старушку. Что же тогда получается? Они чувствовали себя в полной безопасности, радовались, что удачно обтяпали дельце — и тут на тебе…

Вера прервала его.

— Мне кажется, миссис Роджерс никогда не чувствовала себя в безопасности, — тихо сказала она.

Блор с укором посмотрел на Веру: «Вы, женщины, никому не даете слова сказать», — говорил его взгляд.

— Пусть так, — продолжал он. — Но Роджерсы, во всяком случае, знали, что им ничего не угрожает. А тут вчера вечером этот анонимный псих выдает их тайну. Что происходит? У миссис Роджерс сдают нервы. Помните, как муж хлопотал вокруг нее, пока она приходила в себя. И вовсе не потому, что его так заботило здоровье жены. Вот уж нет! Просто он чувствовал, что у него земля горит под ногами. До смерти боялся, что она проговорится. Вот как обстояли дела! Они безнаказанно совершили убийство. Но если

их прошлое начнут раскапывать, что с ними станется? Десять против одного, что женщина расколется. У нее не хватит выдержки все отрицать и врать до победного конца. Она будет вечной опасностью для мужа, вот в чем штука. С ним-то все в порядке. Он будет врать хоть до Страшного Суда, но в ней он не уверен! А если она расколется, значит и ему каюк. И он подсыпает сильную дозу снотворного ей в чай, чтобы она навсегда замолкла.

— На ночном столике не было чашки, — веско сказал Армстронг. — И вообще там ничего не было — я проверил.

— Еще бы, — фыркнул Блор. — Едва она выпила это зелье, он первым делом унес чашку с блюдцем и вымыл их.

Воцарилось молчание. Нарушил его генерал Макартур.

— Возможно, так оно и было, но я не представляю, чтобы человек мог отравить свою жену.

— Когда рискуешь головой, — хохотнул Блор, — не до чувств.

И снова все замолчали. Но тут дверь отворилась и вошел Роджерс.

— Чем могу быть полезен? — сказал он, обводя глазами присутствующих. — Не обессудьте,

что я приготовил так мало тостов: у нас вышел хлеб. Его должна была привезти лодка, а она не пришла.

— Когда обычно приходит моторка? — заерзал в кресле судья Уоргрейв.

— От семи до восьми, сэр. Иногда чуть позже восьми. Не понимаю, куда запропастился Нарракотт. Если он заболел, он прислал бы брата.

— Который теперь час? — спросил Филипп Ломбард.

— Без десяти десять, сэр.

Ломбард вскинул брови, покачал головой.

Роджерс постоял еще минуту-другую.

— Выражаю вам свое соболезнование, Роджерс, — неожиданно обратился к дворецкому генерал Макартур. — Доктор только что сообщил нам эту прискорбную весть.

Роджерс склонил голову.

— Благодарю вас, сэр, — сказал он, взял пустое блюдо и вышел из комнаты.

В гостиной снова воцарилось молчание. На площадке перед домом Филипп Ломбард говорил:

— Так вот, что касается моторки…

Блор поглядел на него и согласно кивнул.

— Знаю, о чем вы думаете, мистер Ломбард, — сказал он, — я задавал себе тот же вопрос. Моторка

должна была прийти добрых два часа назад. Она не пришла. Почему?

— Нашли ответ? — спросил Ломбард.

— Это не простая случайность, вот что я вам скажу. Тут все сходится. Одно к одному.

— Вы думаете, что моторка не придет? — спросил Ломбард.

— Конечно, не придет, — раздался за его спиной брюзгливый раздраженный голос.

Блор повернул могучий торс, задумчиво посмотрел на говорившего:

— Вы тоже так думаете, генерал?

— Ну, конечно, она не придет, — сердито сказал генерал, — мы рассчитываем, что моторка увезет нас с острова, Но мы отсюда никуда не уедем — так задумано. Никто из нас отсюда не уедет… Наступит конец, вы понимаете, конец… — запнулся и добавил тихим, изменившимся голосом: — Здесь такой покой — настоящий покой. Вот он конец, конец всему… Покой…

Он резко повернулся и зашагал прочь. Обогнул площадку, спустился по крутому склону к морю и прошел в конец острова, туда, где со скал с грохотом срывались камни и падали в воду. Он шел, слегка покачиваясь, как лунатик.

— Еще один спятил, — сказал Блор. — Похоже,

мы все рано или поздно спятим.

— Что-то не похоже, — сказал Ломбард, — чтобы вы спятили.

Отставной инспектор засмеялся.

— Да, меня свести с ума будет не так легко, — и не слишком любезно добавил: — Но и вам это не угрожает, мистер Ломбард.

— Правда ваша, я не замечаю в себе никаких признаков сумасшествия, — ответил Ломбард.

Доктор Армстронг вышел на площадку и остановился в раздумье. Слева были Блор и Ломбард. Справа, низко опустив голову, ходил Уоргрейв. После недолгих колебаний Армстронг решил присоединиться к судье. Но тут послышались торопливые шаги.

— Мне очень нужно поговорить с вами, сэр, — раздался у него за спиной голос Роджерса.

Армстронг обернулся и остолбенел: глаза у дворецкого выскочили из орбит. Лицо позеленело. Руки тряслись. Несколько минут назад он казался олицетворением сдержанности. Контраст был настолько велик, что Армстронг оторопел.

— Пожалуйста, сэр, мне очень нужно поговорить с вами с глазу на глаз. Наедине.

Доктор прошел в дом, ополоумевший дворецкий следовал за ним по пятам.

— В чем дело, Роджерс? — спросил Армстронг. — Возьмите себя в руки.

— Сюда, сэр, пройдите сюда.

Он открыл дверь столовой, пропустил доктора вперед, вошел сам и притворил за собой дверь.

— Ну, — сказал Армстронг, — в чем дело?

Кадык у Роджерса ходил ходуном. Казалось, он что-то глотает и никак не может проглотить.

— Здесь творится что-то непонятное, сэр, — наконец решился он.

— Что вы имеете в виду? — спросил Армстронг.

— Может, вы подумаете, сэр, что я сошел с ума. Скажете, что все это чепуха. Только это никак не объяснишь. Никак. И что это значит?

— Да скажите же, наконец, в чем дело. Перестаньте говорить загадками.

Роджерс снова проглотил слюну.

— Это все фигурки, сэр. Те самые, посреди стола. Фарфоровые негритята. Их было десять. Готов побожиться, что их было десять.

— Ну, да, десять, — сказал Армстронг, — мы пересчитали их вчера за обедом.

Роджерс подошел поближе.

— В этом вся загвоздка, сэр. Прошлой ночью, когда я убирал со стола, их было уже девять, сэр.

Я удивился. Но только и всего. Сегодня утром, сэр, когда я накрыл на стол, я на них и не посмотрел — мне было не до них… А тут пришел я убирать со стола и… Поглядите сами, если не верите. Их стало восемь, сэр! Всего восемь. Что это значит?

Глава седьмая

После завтрака Эмили Брент предложила Вере подняться на вершину скалы, поглядеть, не идет ли лодка.

Ветер свежел. На море появились маленькие белые барашки. Рыбачьи лодки не вышли в море — не вышла и моторка. Виден был только высокий холм, нависший над деревушкой Стиклхевн. Самой деревушки видно не было — выдающаяся в море рыжая скала закрывала бухточку.

— Моряк, который вез нас вчера, произвел на меня самое положительное впечатление. Странно, что он так опаздывает, — сказала мисс Брент.

Вера не ответила. Она боролась с охватившей ее тревогой. «Сохраняй хладнокровие, — повторяла она про себя. — Возьми себя в руки. Это так не похоже на тебя: у тебя всегда были крепкие нервы».

— Хорошо бы лодка поскорее пришла, — сказала она чуть погодя. — Мне ужасно хочется уехать отсюда.

— Не вам одной, — отрезала Эмили Брент.

— Все это так невероятно, — сказала Вера. — И

так бессмысленно.

— Я очень недовольна собой, — с жаром сказала мисс Брент. — И как я могла так легко попасться на удочку?

На редкость нелепое письмо, если вдуматься. Но тогда у меня не появилось и тени сомнения.

— Ну, конечно, — машинально согласилась Вера.

— Мы обычно склонны принимать все за чистую монету, — продолжала Эмили Брент.

Вера глубоко вздохнула.

— А вы и правда верите… в то, что сказали за завтраком? — спросила она.

— Выражайтесь точнее, милочка. Что вы имеете в виду?

— Вы и впрямь думаете, что Роджерс и его жена отправили на тот свет эту старушку? — прошептала она.

— Я лично в этом уверена, — сказала мисс Брент. — А вы?

— Не знаю, что и думать.

— Да нет, сомнений тут быть не может, — сказала мисс Брент. — Помните, она сразу упала в обморок, а он уронил поднос с кофе. Да и негодовал он как-то наигранно. Я не сомневаюсь, что они убили эту мисс Брейди.

— Мне казалось, миссис Роджерс боится собственной тени, — сказала Вера. — В жизни не встречала более перепуганного существа. Видно, ее мучила совесть.

Мисс Брент пробормотала:

— У меня в детской висела табличка с изречением: «ИСПЫТАЕТЕ НАКАЗАНИЕ ЗА ГРЕХ ВАШ», здесь именно тот случай.

— Но, мисс Брент, как же тогда… — вскинулась Вера.

— Что тогда, милочка?

— Как же остальные? Остальные обвинения.

— Я вас не понимаю.

— Все остальные обвинения — ведь они… они же несправедливые? Но если Роджерсов обвиняют справедливо, значит… — она запнулась, мысли ее метались.

Чело мисс Брент, собравшееся в недоумении складками, прояснилось.

— Понимаю… — сказала она. — Но мистер Ломбард, например, сам признался, что обрек на смерть двадцать человек.

— Да это же туземцы, — сказала Вера.

— Черные и белые, наши братья равно, — назидательно сказала мисс Брент.

«Наши черные братья, наши братья во Хри-

сте, — думала Вера. — Господи, да я сейчас расхохочусь. У меня начинается истерика. Я сама не своя…»

А Эмили Брент задумчиво продолжала:

— Конечно, некоторые обвинения смехотворны и притянуты за уши. Например, в случае с судьей — он только выполнял свой долг перед обществом, и в случае с отставным полицейским. Ну и в моем случае, — продолжала она после небольшой заминки. — Конечно, я не могла сказать об этом вчера. Говорить на подобные темы при мужчинах неприлично.

— На какие темы? — спросила Вера.

Мисс Брент безмятежно продолжала:

— Беатриса Тейлор поступила ко мне в услужение. Я слишком поздно обнаружила, что она собой представляет. Я очень обманулась в ней. Чистоплотная, трудолюбивая, услужливая — поначалу она мне понравилась. Я была ею довольна. Но она просто ловко притворялась. На самом деле это была распущенная девчонка, без стыда и совести. Увы, я далеко не сразу поняла, когда она… что называется, попалась. — Эмили Брент сморщила острый носик. — Меня это потрясло. Родители, порядочные люди, растили ее в строгости. К счастью, они тоже не пожелали

потворствовать ей.

— И что с ней сталось? — Вера смотрела во все глаза на мисс Брент.

— Разумеется, я не захотела держать ее дальше под своей крышей. Никто не может сказать, что я потворствую разврату.

— И что же с ней сталось? — повторила Вера совсем тихо.

— На ее совести уже был один грех, — сказала мисс Брент. — Но мало этого: когда все от нее отвернулись, она совершила грех еще более тяжкий — наложила на себя руки.

— Покончила жизнь самоубийством? — в ужасе прошептала Вера.

— Да, она утопилась.

Вера содрогнулась. Посмотрела на бестрепетный профиль мисс Брент и спросила:

— Что вы почувствовали, когда узнали о ее самоубийстве? Не жалели, что выгнали ее? Не винили себя?

— Себя? — взвилась Эмили Брент. — Мне решительно не в чем упрекнуть себя.

— А если ее вынудила к этому ваша жестокость? — спросила Вера.

— Ее собственное бесстыдство, ее грех, — вот что подвигло ее на самоубийство. Если бы она

вела себя как приличная девушка, ничего подобного не произошло бы.

Она повернулась к Вере. В глазах ее не было и следа раскаяния: они жестко смотрели на Веру с сознанием своей правоты. Эмили Брент восседала на вершине Негритянского острова, закованная в броню собственной добродетели. Тщедушная старая дева больше не казалась Вере смешной. Она показалась ей страшной.

Доктор Армстронг вышел из столовой на площадку. Справа от него сидел в кресле судья — он безмятежно смотрел на море. Слева расположились Блор и Ломбард — они молча курили Как и прежде, доктор заколебался. Окинул оценивающим взглядом судью Уоргрейва. Ему нужно было с кем-нибудь посоветоваться. Он высоко ценил острую логику судьи, и все же его обуревали сомнения. Конечно, мистер Уоргрейв человек умный, но он уже стар. В такой переделке скорее нужен человек действия. И он сделал выбор.

— Ломбард, можно вас на минутку?

Филипп вскочил.

— Конечно.

Они спустились на берег.

Когда они отошли подальше, Армстронг сказал:

— Мне нужна ваша консультация.

Ломбард вскинул брови.

— Но я ничего не смыслю в медицине.

— Вы меня неправильно поняли, я хочу посоветоваться о нашем положении.

— Это другое дело.

— Скажите откровенно, что вы обо всем этом думаете? — спросил Армстронг.

Ломбард с минуту подумал.

— Тут есть над чем поломать голову, — сказал он.

— Как вы объясните смерть миссис Роджерс? Вы согласны с Блором?

Филипп выпустил в воздух кольцо дыма.

— Я вполне мог бы с ним согласиться, — сказал он, — если бы этот случай можно было рассматривать отдельно.

— Вот именно, — облегченно вздохнул Армстронг: он убедился, что Филипп Ломбард далеко не глуп.

А Филипп продолжал:

— То есть если исходить из того, что мистер и миссис Роджерс в свое время безнаказанно совершили убийство и вышли сухими из воды. Они вполне могли так поступить. Что именно они сделали, как вы думаете? Отравили старушку?

— Наверное, все было гораздо проще, — сказал Армстронг. — Я спросил сегодня утром Роджерса, чем болела мисс Брейди. Ответ пролил свет на многое. Не буду входить в медицинские тонкости, скажу только, что при некоторых сердечных заболеваниях применяется амилнитрит. Когда начинается приступ, разбивают ампулу и дают больному дышать. Если вовремя не дать больному лекарство, это может привести к смерти.

— Уж чего проще, — сказал задумчиво Ломбард, — а это, должно быть, огромный соблазн.

Доктор кивнул головой.

— Да им и не нужно ничего делать — ни ловчить, чтобы раздобыть яд, ни подсыпать его — словом, им нужно было только ничего не делать. К тому же Роджерс помчался ночью за доктором — у них были все основания думать, что никто ничего не узнает.

— А если и узнает, то не сможет ничего доказать, — добавил Филипп Ломбард и помрачнел. — Да, это многое объясняет.

— Простите? — удивился Армстронг.

— Я хочу сказать, это объясняет, почему нас завлекли на Негритянский остров. За некоторые преступления невозможно привлечь к ответственности. Возьмите, к примеру, Роджерсов.

Другой пример, старый Уоргрейв: он совершил убийство строго в рамках законности.

— И вы поверили, что он убил человека? — спросил Армстронг.

Ломбард улыбнулся:

— Еще бы! Конечно, поверил. Уоргрейв убил Ситона точно так же, как если бы он пырнул его ножом! Но он был достаточно умен, чтобы сделать это с судейского кресла, облачившись в парик и мантию. Так что его никак нельзя привлечь к ответственности обычным путем.

В мозгу Армстронга молнией пронеслось: «Убийство в госпитале. Убийство на операционном столе. Безопасно и надежно — надежно, как в банке...»

А Ломбард продолжал:

— Вот для чего понадобились и мистер Оним, и Негритянский остров.

Армстронг глубоко вздохнул.

— Теперь мы подходим к сути дела. Зачем нас собрали здесь?

— А вы как думайте — зачем? — спросил Ломбард.

— Возвратимся на минуту к смерти миссис Роджерс, — сказал Армстронг. — Какие здесь могут быть предположения? Предположение первое:

ее убил Роджерс — боялся, что она выдаст их. Второе: она потеряла голову и сама решила уйти из жизни.

— Иначе говоря, покончила жизнь самоубийством? — уточнил Ломбард.

— Что вы на это скажете?

— Я согласился бы с вами, если бы не смерть Марстона, — ответил Ломбард. — Два самоубийства за двенадцать часов — это чересчур! А если вы скажете мне, что Антони Марстон, этот молодец, бестрепетный и безмозглый, покончил с собой из-за того, что переехал двух ребятишек, я расхохочусь вам в лицо! Да и потом, как он мог достать яд? Насколько мне известно, цианистый калий не так уж часто носят в жилетных карманах. Впрочем, об этом лучше судить вам.

— Ни один человек в здравом уме не станет держать при себе цианистый калий, если только он по роду занятий не имеет дело с осами, — сказал Армстронг.

— Короче говоря, если он не садовник-любитель или фермер? А это занятие не для Марстона. Да, цианистый калий не так-то легко объяснить. Или Антони Марстон решил покончить с собой, прежде чем приехал сюда, и на этот случай захватил с собой яд, или…

— Или? — поторопил его Армстронг.

— Зачем вам нужно, чтобы это сказал я, — ухмыльнулся Филипп Ломбард, — если вы не хуже меня знаете, что Антони Марстон был убит.

— А миссис Роджерс? — выпалил доктор Армстронг.

— Я мог бы поверить в самоубийство Марстона (не без труда), если б не миссис Роджерс, — сказал Ломбард задумчиво. — И мог бы поверить в самоубийство миссис Роджерс (без всякого труда), если б не Антони Марстон. Я мог бы поверить, что Роджерс пожелал устранить свою жену, если б не необъяснимая смерть Антони Марстона. Нам прежде всего нужна теория, которая бы объяснила обе смерти, так стремительно последовавшие одна за другой.

— Я, пожалуй, могу кое-чем вам помочь, — сказал Армстронг и передал рассказ Роджерса об исчезновении двух фарфоровых негритят.

— Да, негритята… — сказал Ломбард. — Вчера вечером их было десять. А теперь, вы говорите, их восемь?

И Армстронг продекламировал:

— Десять негритят отправились обедать.

Один поперхнулся, их осталось девять.

Девять негритят, поев, клевали носом,

Один не смог проснуться, их осталось восемь.

Мужчины посмотрели друг на друга. Филипп Ломбард ухмыльнулся, отбросил сигарету.

— Слишком все совпадает, так что это никак не простая случайность Антони Марстон умирает после обеда то ли поперхнувшись, то ли от удушья, а мамаша Роджерс ложится спать и не просыпается.

— И следовательно? — сказал Армстронг.

— И следовательно, — подхватил Ломбард, — мы перед новой загадкой. Где зарыта собака? Где этот мистер Икс, мистер Оним, мистер А.Н. Оним? Или, короче говоря, этот распоясавшийся псих-аноним.

— Ага, — облегченно вздохнул Армстронг, — значит, вы со мной согласны. Но вы понимаете, что это значит?

Роджерс клянется, что на острове нет никого, кроме нас.

— Роджерс ошибается. А может быть, и врет.

Армстронг покачал головой:

— Непохоже. Он перепуган. Перепуган чуть не до потери сознания.

— И моторка сегодня не пришла, — сказал Ломбард. — Одно к одному. Во всем видна предусмотрительность мистера Онима. Негритянский

остров изолируется от суши до тех пор, пока мистер Оним не осуществит свой план.

Армстронг побледнел.

— Да вы понимаете, — сказал он, — что этот человек — настоящий маньяк?

— И все-таки мистер Оним кое-чего не предусмотрел, — сказал. Филипп, и голос его прозвучал угрожающе.

— Чего именно?

— Обыскать остров ничего не стоит — здесь нет никакой растительности. Мы в два счета его прочешем и изловим нашего уважаемого А.Н. Онима.

— Он может быть опасен, — предостерег Армстронг.

Филипп Ломбард захохотал.

— Опасен? А нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк! Вот кто будет опасен, так это я, когда доберусь до него, — он с минуту помолчал и сказал: — Нам, пожалуй, стоит заручиться помощью Блора. В такой переделке он человек нелишний. Женщинам лучше ничего не говорить. Что касается остальных, то генерал, по-моему, в маразме, а сила Уоргрейва в его логике. Мы втроем вполне справимся с этой работой.

Глава восьмая

Помощью Блора они заручились без труда. Он с ходу согласился с их доводами.

— Эти фарфоровые фигурки, сэр, меняют все дело. Ясно, что здесь орудует маньяк, — двух мнений тут быть не может. А вы не думаете, что мистер Оним решил проделать эту операцию, так сказать, чужими руками?

— Объяснитесь, приятель.

— По-моему, дело было так: после вчерашних обвинений Марстон впал в панику и принял яд. Роджерс тоже впал в панику и отправил на тот свет жену — в полном соответствии с планами милейшего А. Н. О.

Армстронг покачал головой:

— Не забывайте о цианистом калии.

— Ах да, я об этом запамятовал, — согласился Блор. — Разумеется, никто не станет носить при себе такой яд. Но каким образом он мог попасть в бокал Марстона?

— Я уже думал об этом, — сказал Ломбард. — Марстон пил несколько раз в этот вечер. Между его предпоследним и последним бокалом виски

был немалый промежуток. Все это время его бокал стоял на столике, у окна. Окно было открыто. Кто-то мог подбросить яд и через окно.

— Так, чтобы никто из нас не заметил? — недоверчиво спросил Блор.

— Мы были слишком заняты другим, — отрезал Ломбард.

— Вы правы, — сказал Армстронг, — обвинений не избежал никто. Все бегали по комнате, суетились, спорили, негодовали. Да, так вполне могло случиться…

Блор пожал плечами:

— Видимо, так оно и было. А теперь, джентльмены, примемся за работу. Кто-нибудь, случаем, не захватил с собой револьвер? Впрочем, это было б уж слишком хорошо.

— Я, — похлопал себя по карману Ломбард.

Блор вытаращил на него глаза.

— На всякий случай всегда носите револьвер при себе, сэр? — сказал он нарочито небрежным тоном.

— Привычка. Мне, знаете ли, пришлось побывать в жарких переделках.

— Понятно, — протянул Блор и добавил: — Одно могу сказать, нынешняя переделка будет пожарче прошлых! Если здесь и впрямь притаился

маньяк, он наверняка позаботился запастись целым арсеналом, не говоря уж о ножах и кинжалах.

Армстронг хмыкнул.

— Тут вы попали пальцем в небо, Блор. Такие маньяки в большинстве своем люди мирные. С ними очень приятно иметь дело.

— Мой опыт мне подсказывает, что наш маньяк будет не из их числа, — сказал Блор.

Итак, троица отправилась в обход острова. Обыскать его не составляло особого труда. На северо-западе ровный утес отвесно спускался к морю. Деревьев на острове не было, даже трава и та почти не росла. Трое мужчин работали тщательно и методично, начинали с вершины и спускались по склону к морю, по пути обшаривая малейшие трещины в скале — а вдруг они ведут в пещеру. Но никаких пещер не обнаружилось.

Прочесывая морской берег, они наткнулись на Макартура. Глаза генерала были прикованы к горизонту. Место он выбрал тихое: тишину его нарушал лишь рокот волн, разбивавшихся о скалы. Старик не обратил на них внимания. Он сидел по-прежнему прямо, вперившись в горизонт. И оттого, что он их не замечал, они почувствовали себя неловко.

Блор подумал: «Что-то тут не так — не впал ли старикан в транс, если не хуже?» — откашлялся и, чтобы завязать разговор, сказал:

— Отличное — местечко нашли себе, сэр, тихое, покойное.

Генерал нахмурился, бросил на него взгляд через плечо.

— Так мало времени, — сказал он. — Так мало времени осталось, и я настоятельно требую, чтобы меня не беспокоили.

— Мы вас не обеспокоим, сэр, — добродушно сказал Блор. — Мы просто обходим остров. Хотим, знаете ли, проверить, не прячется ли кто здесь.

Генерал помрачнел.

— Вы не понимаете, ничего не понимаете, — сказал он. — Пожалуйста, уходите.

Блор оставил старика. Догнав своих спутников, он сказал:

— Старик спятил… Порет какую-то чушь…

— Что он вам сказал? — полюбопытствовал Ломбард.

Блор пожал плечами.

— Что у него нет времени. И чтобы его не беспокоили.

Армстронг наморщил лоб.

— Интересно, — пробормотал он.

Обход был, в основном, закончен. Трое мужчин стояли на вершине скалы и глядели на далекий берег. Ветер свежел.

— Рыбачьи лодки сегодня не вышли, — сказал Ломбард. — Надвигается шторм. Досадно, что деревушку отсюда не видно, а то можно было бы подать сигнал.

— Надо будет разжечь костер вечером, — предложил Блор.

— Вся штука в том, — возразил Ломбард, — что это могли предусмотреть.

— Как, сэр?

— Откуда мне знать? Сказали, что речь идет о розыгрыше. Мол, нас нарочно высадили на необитаемом острове, поэтому на наши сигналы не надо обращать внимания и тому подобное. А может, — распустили в деревне слухи, что речь идет о пари. Словом, сочинили какую-нибудь ерунду.

— И по-вашему, этому поверили? — усомнился Блор.

— Во всяком случае, это куда достовернее, чем то, что здесь происходит, — сказал Ломбард. — Как, по-вашему, если бы жителям Стиклхевна сказали, что остров будет изолирован от суши, пока этот анонимный мистер Оним не поубивает

всех своих гостей, они бы поверили?

— Бывают минуты, когда я и сам в это не верю.

И все же… — выдавил Армстронг.

— И все же… — оскалился Ломбард, — как вы сами признали, доктор, это именно так!

— Никто не мог спрятаться внизу? — сказал Блор, оглядывая берег.

— Вряд ли, — покачал головой Армстронг, — утес совершенно отвесный. Где тут спрячешься?

— В утесе может быть расщелина. Будь у нас лодка, мы могли бы объехать вокруг острова, — сказал Блор.

— Будь у нас лодка, — сказал Ломбард, — мы бы теперь были на полпути к суше.

— Ваша правда.

Тут Ломбарда осенило.

— Давайте убедимся, — предложил он, — есть только одно место, где может быть расщелина, — вон там, направо, почти у самой воды. Если вы достанете канат, я спущусь туда и сам проверю.

— Отличная мысль, — согласился Блор, — попробую достать какую-нибудь веревку. — И он решительно зашагал к дому.

Ломбард задрал голову. Небо затягивалось тучами. Ветер крепчал. Он покосился на Армстронга.

— Что-то вы притихли, доктор. О чем вы ду-

маете?

— Меня интересует, — не сразу ответил Армстронг, — генерал Макартур — он совсем спятил или нет?

Все утро Вера не находила себе места. Она избегала Эмили Брент — старая дева внушала ей омерзение. Мисс Брент перенесла свое кресло за угол дома, уселась там в затишке с вязаньем. Стоило Вере подумать о ней, как перед ее глазами вставало бледное лицо утопленницы, водоросли, запутавшиеся в ее волосах… Лицо хорошенькой девушки, может быть, даже чуть нахальное, для которой ни страх, ни жалость уже ничего не значат. А Эмили Брент безмятежно вязала нескончаемое вязанье в сознании своей праведности.

На площадке в плетеном кресле сидел судья Уоргрейв. Его голова совсем ушла в плечи. Вера глядела на судью и видела юношу на скамье подсудимых — светловолосого, с голубыми глазами, на чьем лице ужас постепенно вытесняло удивление. Эдвард Ситон. Ей виделось, как судья своими сморщенными руками накидывает ему черный мешок на голову и оглашает приговор…

Чуть погодя Вера спустилась к морю и пошла вдоль берега. Путь ее лежал к той оконечности острова, где сидел старый генерал. Услышав

шаги, Макартур зашевелился и повернул голову — глаза его глядели тревожно и одновременно вопросительно. Вера перепугалась. Минуты две генерал, не отрываясь, смотрел на нее. Она подумала: «Как странно. Он смотрит так, будто все знает…»

— А, это вы, — сказал, наконец, генерал, — вы пришли…

Вера опустилась на землю рядом с ним.

— Вам нравится сидеть здесь и смотреть на море?

— Нравится. Здесь хорошо ждать.

— Ждать? — переспросила Вера. — Чего же вы ждете?

— Конца, — тихо сказал генерал. — Но ведь вы это знаете не хуже меня. Верно? Мы все ждем конца.

— Что вы хотите этим сказать? — дрожащим голосом спросила Вера.

— Никто из нас не покинет остров. Так задумано. И вы это сами знаете. Вы не можете понять только одного: какое это облегчение.

— Облегчение? — удивилась Вера.

— Вот именно, — сказал генерал, — вы еще очень молоды… вам этого не понять. Но потом вы осознаете, какое это облегчение, когда все уже

позади, когда нет нужды нести дальше груз своей вины. Когда-нибудь и вы это почувствуете…

— Я вас не понимаю, — севшим голосом сказала Вера, ломая пальцы. Тихий старик вдруг стал внушать ей страх.

— Понимаете, я любил Лесли, — сказал генерал задумчиво. — Очень любил…

— Лесли — это ваша жена? — спросила Вера.

— Да… Я любил ее и очень ею гордился. Она была такая красивая, такая веселая! — минуту-две он помолчал, потом сказал: — Да, я любил Лесли. Вот почему я это сделал.

— Вы хотите сказать… — начала было Вера и замялась.

Генерал кивнул.

— Что толку отпираться, раз мы все скоро умрем?

Я послал Ричмонда на смерть. Пожалуй, это было убийство. И вот ведь что удивительно — я всегда чтил закон.

Но тогда я смотрел на это иначе. У меня не было угрызений совести. «Поделом ему!» — так я тогда думал. Но потом…

— Что — потом? — зло спросила Вера.

Генерал с отсутствующим видом покачал головой.

— Не знаю, — сказал он. — Ничего не знаю, только потом все переменилось. Я не знаю, догадалась Лесли или нет… Думаю, что нет. Понимаете, с тех пор она от меня отдалилась. Стала совсем чужим человеком. А потом она умерла — и я остался один…

— Один… один, — повторила Вера, эхо подхватило ее слова.

— Вы тоже обрадуетесь, когда придет конец, — закончил Макартур.

Вера рывком поднялась на ноги.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — рассердилась она.

— А я понимаю, дитя мое, я понимаю…

— Нет, не понимаете. Вы ничего не понимаете.

Генерал уставился на горизонт. Он словно перестал ее замечать.

— Лесли… — позвал он тихо и ласково.

Когда запыхавшийся Блор вернулся с мотком каната, Армстронг стоял на том же месте и вглядывался в морскую глубь.

— Где мистер Ломбард? — спросил Блор.

— Пошел проверить какую-то свою догадку, — сказал Армстронг. — Сейчас он вернется. Слушайте, Блор, я беспокоюсь.

— Все мы беспокоимся.

Доктор нетерпеливо махнул рукой:

— Знаю, знаю. Не об этом речь. Я говорю о старике Макартуре.

— Ну и что, сэр?

— Мы ищем сумасшедшего, — мрачно сказал Армстронг. — Так вот, что вы скажете о генерале?

— Думаете, он маньяк? — вытаращил глаза Блор.

— Я бы этого не сказал. Вовсе нет, — ответил Армстронг неуверенно, — хотя я, конечно, не психиатр. Кроме того, я с ним не разговаривал и не имел возможности присмотреться к нему.

— Он, конечно, в маразме, — недоверчиво сказал Блор. — Но я бы никогда не подумал…

— Пожалуй, вы правы, — прервал его Армстронг, — убийца скорее всего прячется на острове. А вот и Ломбард.

Они тщательно привязали канат.

— Думаю, что помощь не понадобится, — сказал Ломбард. — Но на всякий случай будьте начеку. Если я резко дерну, тащите.

Минуту-другую они следили за Ломбардом.

— Карабкается, как кошка, — неприязненно сказал Блор.

— Наверное, немало полазил по горам в свое

время, — отозвался Армстронг.

— Возможно.

На какое-то время воцарилось молчание, потом отставной инспектор сказал:

— Любопытный тип. А знаете, что я думаю?

— Что?

— Не внушает он мне доверия.

— Это почему же?

Блор хмыкнул.

— Затрудняюсь сказать. Только я бы ему палец в рот не положил.

— У него, должно быть, бурное прошлое, — сказал Армстронг.

— Не столько бурное, сколько темное, — возразил Блор, с минуту подумал, потом продолжал: — Вот вы, например, доктор, вы случаем не прихватили с собой револьвер?

Армстронг вытаращил глаза:

— Я? Господи Боже, ну, конечно, нет. С какой стати?

— А с какой такой стати мистер Ломбард прихватил его?

— В силу привычки, наверное, — неуверенно предположил Армстронг.

Блор только презрительно хмыкнул.

Тут канат дернули. Несколько минут они изо

всех сил вытягивали Ломбарда.

Когда тянуть стало легче, Блор сказал:

— Привычка привычке рознь! Конечно, когда мистер Ломбард отправляется в дикие страны, он берет с собой и револьвер, и примус, и спальный мешок, и запас дуста! Но никакая сила привычки не заставила бы его привезти это снаряжение сюда. Только в приключенческих романах люди никогда не расстаются с револьверами.

Армстронг озадаченно покачал головой. Наклонившись над краем скалы, они следили за Ломбардом. Искал он тщательно, но и невооруженным глазом было видно, что эти поиски ни к чему не приведут. Вскоре он перевалился через край скалы, утер пот со лба и сказал:

— Ну что ж, теперь все ясно. Искать надо в доме — больше негде.

Обыскать дом не составляло труда. Для начала прочесали пристройки, потом перешли в само здание. В кухонном шкафу нашли сантиметр миссис Роджерс и перемерили все простенки. Тайников обнаружить не удалось. Да и где их поместишь в современном здании с его прямыми четкими линиями. Сперва прочесали первый этаж. Поднимаясь наверх, они увидели через окно Роджерса — он выносил поднос с коктейлями

на лестничную площадку.

— Поразительное существо — хороший слуга. Что бы ни случилось, он сохраняет поистине олимпийское спокойствие, — заметил Ломбард.

— Роджерс — первоклассный дворецкий, — согласился Армстронг, — этого у него не отнимешь.

— Да и его жена, — вставил Блор, — была отличной кухаркой. Судя по вчерашнему обеду…

Они вошли в первую спальню. Спустя пять минут троица уже стояла на лестничной площадке и смотрела друг на друга. В спальнях никого не обнаружили — там просто негде было спрятаться.

— А куда ведет эта лестничка? — спросил Блор.

— В комнату прислуги, — ответил Армстронг.

— Но должно же быть какое-то помещение под крышей, — предположил Блор. — Ну хотя бы для баков с водой, цистерн и всякой такой штуки. Это наша последняя и единственная надежда.

Вдруг сверху донесся звук шагов — тихих, крадущихся.

Его услышали все. Армстронг схватил Блора за руку.

Ломбард предостерегающе поднял палец:

— Тсс! Слушайте!

И тут они снова услышали: наверху кто-то

крался, стараясь ступать как можно тише.

— Он в спальне, — прошептал Армстронг, — в той, где лежит тело миссис Роджерс.

— И как мы не догадались! — так же шепотом ответил ему Блор. — Ведь чтобы спрятаться, лучше места не сыскать. А теперь ступайте потише.

Они поднялись вверх по лестнице, на маленькой площадке перед дверью остановились и прислушались. В комнате, несомненно, кто-то был. Оттуда доносился слабый скрип половиц.

— Вперед! — прошептал Блор. Распахнул дверь и влетел в комнату, Ломбард и Армстронг ворвались следом за ним, и все трое остановились, как вкопанные. Перед ними стоял Роджерс с охапкой одежды в руках.

Первым нашелся Блор:

— Простите, Роджерс. Мы услышали шаги и подумали, ну, словом, вы понимаете, — он замялся.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказал Роджерс. — Я хотел перенести вещи. Думаю, никто не будет против, если я займу одну из пустующих комнат для гостей этажом ниже. Самую маленькую. — Он обращался к Армстронгу.

— Разумеется, занимайте, — ответил тот, отводя глаза от прикрытого простыней тела.

— Спасибо, сэр, — сказал Роджерс и, прижимая

к груди охапку вещей, спустился по лестнице вниз. Армстронг подошел к постели, приподнял простыню и посмотрел на умиротворенное лицо покойницы. Страх оставил ее. Его сменило равнодушие.

— Жаль, у меня нет с собой аптечки, — сказал он. — Хотелось бы узнать, чем она отравилась. И давайте кончим розыски, — сказал он. — Инстинкт подсказывает мне, что нам ничего не найти.

Блор сражался с задвижкой двери, ведущей на чердак.

— Этот тип ходит совершенно бесшумно, — сказал он. — Минуту или две назад мы видели его на площадке. А ведь никто из нас не слышал, как он поднимался.

— Потому-то мы и решили, что здесь ходит кто-то чужой, — заметил Ломбард.

Блор скрылся в темном провале чердака. Ломбард вынул из кармана фонарь и полез за ним. Пять минут спустя трое мужчин стояли на площадке и мрачно смотрели друг на друга. Они перепачкались с ног до головы, паутина свисала с них клочьями. На острове не было никого, кроме них, восьмерых.

Глава девятая

— Итак, мы ошиблись, ошиблись буквально во всем, — сказал Ломбард. — Выдумали какойто кошмар — плод суеверий и расходившегося воображения, и все из-за двух случайных смертей.

— И все же, — Армстронг был настроен серьезно, — вопрос остается открытым. Ведь я как-никак врач и кое-что понимаю в самоубийствах. Антони Марстон был не похож на самоубийцу.

— Ну, а это все-таки не мог быть несчастный случай? — неуверенно спросил Ломбард.

— Что-то не верится в такой несчастный случай, — хмыкнул скептически настроенный Блор.

Все помолчали, потом Блор сказал:

— А вот с женщиной… — и запнулся.

— С миссис Роджерс?

— Да, ведь тут мог быть несчастный случай?

— Несчастный случай? — переспросил Филипп Ломбард. — Как вы это себе представляете?

Вид у Блора стал озадаченный. Его кирпичное лицо потемнело еще сильнее.

— Послушайте, доктор, вы ведь давали ей какой-то наркотик? — выпалил он.

Армстронг вытаращил на него глаза.

— Наркотик? Что вы имеете в виду?

— Вы сами сказали, что вчера вечером дали ей какое-то снотворное.

— Ах, это! Простое успокоительное, совершенно безвредное.

— Но что же все-таки это было?

— Я дал ей слабую дозу трионала. Абсолютно безвредный препарат.

Лицо Блора побагровело.

— Послушайте, будем говорить напрямик: вы дали ей не слишком большую дозу? — спросил он.

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — взвился Армстронг.

— Разве вы не могли ошибиться? — сказал Блор, — Такие вещи случаются время от времени.

— Абсолютная чушь, — оборвал его Армстронг, — само это предположение смехотворно. А может быть, — холодным, враждебным тоном спросил он, — вы считаете, что я сделал это нарочно?

— Послушайте, — вмешался Ломбард, — сохраняйте хладнокровие. Не надо бросаться обвинениями.

— Я только предположил, что доктор мог ошибиться, — угрюмо оправдывался Блор.

Армстронг через силу улыбнулся.

— Доктора не могут позволить себе подобных сшибок, мой друг, — сказал он, но улыбка вышла какой-то вымученной.

— Это была бы не первая ваша ошибка, — не без яда сказал Блор, — если верить пластинке.

Армстронг побелел.

— Что толку оскорблять друг друга? — накинулся на Блора Ломбард. — Все мы в одной лодке. Хотя бы поэтому нам надо держаться заодно, И кстати, что вы можете сказать нам о лжесвидетельстве, в котором обвиняют вас?

Блор сжал кулаки, шагнул вперед.

— Оставьте меня в покое, — голос его внезапно сел. — Это гнусная клевета. Вы, наверное, не прочь заткнуть мне рот, мистер Ломбард, но есть вещи, о которых мне хотелось бы узнать, и одна из них касается вас.

Ломбард поднял брови.

— Меня?

— Да, вас. Я хотел бы узнать, почему вы, отправляясь в гости, захватили с собой револьвер?

— А знаете, Блор, — неожиданно сказал Ломбард, — вы вовсе не такой дурак, каким каже-

тесь.

— Может, оно и так. И все же, как вы объясните револьвер?

Ломбард улыбнулся.

— Я взял револьвер, так как знал, что попаду в переделку.

— Вчера вечером вы скрыли это от нас, — сказал Блор подозрительно.

Ломбард помотал головой.

— Выходит, вы нас обманули? — не отступался Блор.

— В известном смысле, да, — согласился Ломбард.

— А ну, выкладывайте поскорей, в чем дело.

— Вы предположили, что я приглашен сюда, как и все остальные, в качестве гостя, и я не стал вас разубеждать. Но это не совсем так. На самом деле ко мне обратился странный тип по фамилии Моррис. Он предложил мне сто гиней, за эту сумму я обязался приехать сюда и держать ухо востро. Он сказал, что ему известна моя репутация человека, полезного в опасной переделке.

— А дальше что? — не мог сдержать нетерпения Блор.

— А ничего, — ухмыльнулся Ломбард.

— Но он, конечно же, сообщил вам и кое-что

еще? — сказал Армстронг.

— Нет. Ничего больше мне из него вытянуть не удалось. «Хотите-соглашайтесь, хотите — нет», — сказал он. Я был на мели. И я согласился.

Блора его рассказ ничуть не убедил.

— А почему вы не рассказали нам об этом вчера вечером? — спросил он.

— Видите ли, приятель, — Ломбард пожал плечами, — откуда мне было знать, что вчера вечером не произошло именно то, ради чего я и был сюда приглашен. Так что я затаился и рассказал вам ни к чему не обязывающую историю.

— А теперь вы изменили свое мнение? — догадался Армстронг.

— Да, теперь я думаю, что мы все в одной лодке, — сказал Ломбард. — А сто гиней — это тот кусочек сыра, с помощью которого мистер Оним заманил меня в ловушку, так же, как и всех остальных. Потому что все мы, — продолжал он, — в ловушке, в этом я твердо уверен.

Снизу донесся торжественный гул гонга — их звали на ленч.

Роджерс стоял в дверях столовой.

Когда мужчины спустились с лестницы, он сделал два шага вперед.

— Надеюсь, вы будете довольны ленчем, — ска-

зал он — в голосе его сквозила тревога. — Я подал ветчину, холодный язык и отварил картошку. Есть еще сыр, печенье и консервированные фрукты.

— Чем плохо? — сказал Ломбард. — Значит, припасы не иссякли?

— Еды очень много, сэр, но все консервы. Кладовка битком набита. На острове, позволю себе заметить, сэр, это очень важно: ведь остров бывает надолго отрезан от суши.

Ломбард кивнул. Мужчины направились в столовую, Роджерс — он следовал за ними по пятам — бормотал:

— Меня очень беспокоит, что Фред Нарракотт не приехал сегодня. Ужасно не повезло.

— Вот именно — не повезло, — сказал Ломбард. — Это вы очень точно заметили.

В комнату вошла мисс Брент. Она, видно, уронила клубок шерсти и сейчас старательно сматывала его. Уселась на свое место и заметила:

— Погода меняется. Поднялся сильный ветер, на море появились белые барашки.

Медленно, размеренно ступая, вошел судья. Его глаза, еле видные из-под мохнатых бровей, быстро обежали присутствующих.

— А вы неплохо потрудились сегодня утром, —

сказал он, в голосе его сквозило ехидство.

Запыхавшись, вбежала в столовую Вера Клейторн.

— Надеюсь, вы меня не ждали? — спросила она. — Я не опоздала?

— Вы не последняя, — ответила Эмили Брент, — генерал еще не пришел.

Наконец, все уселись.

— Прикажете начинать или еще немного подождем? — обратился к мисс Брент Роджерс.

— Генерал Макартур сидит у самого моря, — сказала Вера. — Думаю, он не слышал гонг, и потом, он сегодня не в себе.

— Я схожу, сообщу ему, что ленч на столе, — предложил Роджерс.

— Я схожу за ним, — сказал Армстронг, — а вы приступайте к завтраку.

Выходя из комнаты, он слышал, как Роджерс говорит Эмили Брент:

Что прикажете положить — язык или ветчину?

Как ни старались оставшиеся за столом пятеро, им никак не удавалось поддержать разговор. Резкий ветер бился в окно. Вера вздрогнула.

— Надвигается шторм, — сказала она.

— Вчера из Плимута со мной в одном поезде

ехал старик, — поддержал разговор Блор. — Он все время твердил, что надвигается шторм. Потрясающе, как они угадывают погоду, эти старые моряки.

Роджерс обошел гостей, собирая грязные тарелки. Вдруг остановился на полпути со стопкой тарелок в руках.

— Сюда кто-то бежит, — испуганно сказал он не своим голосом.

Они услышали топот. И тут же, хотя им никто ничего не говорил, все поняли… Будто по чьему-то знаку, они встали, уставились на дверь.

В комнату ворвался запыхавшийся доктор Армстронг.

— Генерал Макартур… — сказал он.

— Мертв! — вырвалось у Веры.

— Да, он мертв, — сказал Армстронг.

Воцарилось молчание — долгое молчание.

Семь человек смотрели друг на друга, не в силах произнести ни слова.

Тело генерала вносили в дверь, когда разразился шторм. Гости сгрудились в холле. И тут раздался вой и свист ветра — на крышу дома обрушились потеки воды.

Блор и Армстронг направлялись со своей ношей к лестнице, как вдруг Вера Клейторн резко

повернулась и кинулась в опустевшую столовую. Там все оставалось на своих местах — нетронутый десерт стоял на буфете. Вера подошла к столу. Постояла минуту-две, и тут в комнату неслышными шагами вошел Роджерс.

Увидев ее, он вздрогнул. Посмотрел на нее вопросительно и сказал:

— Я… я… пришел только посмотреть, мисс.

— Вы не ошиблись, Роджерс. Глядите: их всего семь, — сказала Вера неожиданно охрипшим голосом.

Тело Макартура положили на постель. Осмотрев труп, Армстронг вышел из спальни генерала и спустился вниз. Все сошлись в гостиной — ждали его. Мисс Брент вязала. Вера Клейторн стояла у окна и глядела на потоки ливня, с шумом обрушивавшиеся на остров. Блор сидел в кресле, не касаясь спинки, тяжело опустив руки на колени. Ломбард беспокойно шагал взадвперед по комнате. В дальнем конце комнаты утонул в огромном кресле судья Уоргрейв. Глаза его были полуприкрыты. Когда доктор вошел в комнату, судья поднял на него глаза и спросил:

— Что скажете, доктор?

Армстронг был бледен.

— О разрыве сердца не может быть и речи, —

сказал он. — Макартура ударили по затылку дубинкой или чем-то вроде этого. Все зашептались, раздался голос судьи: — Вы нашли орудие убийства? — Нет.

— И тем не менее вы уверены, что генерал умер от удара тяжелым предметом по затылку?

— Уверен.

— Ну что ж, теперь мы знаем, что делать, — невозмутимо сказал судья.

И сразу стало ясно, кто возьмет бразды правления в свои руки.

Все утро Уоргрейв сидел в кресле, сонный, безучастный. Но сейчас он с легкостью захватил руководство — сказывалась долгая привычка к власти. Он вел себя так, будто председательствовал в суде. Откашлявшись, он продолжил:

— Сегодня утром, джентльмены, я сидел на площадке и имел возможность наблюдать за вашей деятельностью. Ваша цель была мне ясна. Вы обыскивали остров, желая найти нашего неизвестного убийцу — мистера А.Н. Онима.

— Так точно, сэр, — сказал Филипп Ломбард.

— И, несомненно, наши выводы совпали, — продолжал судья, — мы решили, что Марстон и миссис Роджерс не покончили с собой. И что умерли они не случайно. Вы также догадались,

зачем мистер Оним заманил нас на этот остров?

— Он сумасшедший! Псих! — прохрипел Блор.

— Вы, наверное, правы, — сказал судья. — Но это вряд ли меняет дело. Наша главная задача сейчас — спасти свою жизнь.

— Но на острове никого нет! — дрожащим голосом сказал Армстронг. — Уверяю вас, никого!

Судья почесал подбородок.

— В известном смысле вы правы, — сказал он мягко. — Я пришел к такому же выводу сегодня утром. Я мог бы заранее сказать вам, что ваши поиски ни к чему не приведут. И тем не менее я придерживаюсь того мнения, что мистер Оним (будем называть его так, как он сам себя именует) — на острове. Никаких сомнений тут быть не может. Если считать, что он задался целью покарать людей, совершивших преступления, за которые нельзя привлечь к ответственности по закону, у него был только один способ осуществить свой план. Мистер Оним должен был найти способ попасть на остров. И способ этот мне совершенно ясен. Мистеру Ониму было необходимо затесаться среди приглашенных. Он — один из нас…

— Нет, нет, не может быть, — едва сдержала стон Вера.

Судья подозрительно посмотрел на нее и сказал:

— Милая барышня, мы должны смотреть фактам в лицо; ведь все мы подвергаемся серьезной опасности. Один из нас — А. Н. Оним. Кто он — мы не знаем. Из десяти человек, приехавших на остров, трое теперь вне подозрения: Антони Марстон, миссис Роджерс и генерал Макартур. Остается семь человек. Из этих семерых один, так сказать, «липовый» негритенок, — он обвел взглядом собравшихся. — Вы согласны со мной?

— Верится с трудом, но, судя по всему, вы правы, — сказал Армстронг.

— Ни минуты не сомневаюсь, — подтвердил Блор. — И если хотите знать мое мнение…

Судья Уоргрейв манием руки остановил его.

— Мы вернемся к этому в свое время. А теперь мне важно знать, все ли согласны со мной?

— Ваши доводы кажутся мне вполне логичными, — не переставая вязать, проронила Эмили Брент. — Я тоже считаю, что в одного из нас вселился дьявол.

— Я не могу в это поверить… — пробормотала Вера, — не могу…

— Ломбард?

— Совершенно с вами согласен, сэр.

Судья с удовлетворением кивнул головой.

— А теперь, — сказал он, — посмотрим, какими данными мы располагаем. Для начала надо выяснить, есть ли у нас основания подозревать какое-то определенное лицо. Мистер Блор, мне кажется, вы хотели что-то сказать?

Блор засопел.

— У Ломбарда есть револьвер, — сказал он. — И потом он вчера вечером нам соврал. Он сам признался.

Филипп Ломбард презрительно улыбнулся.

— Ну что ж, значит, придется дать объяснения во второй раз. — И он кратко и сжато повторил свой рассказ.

— А чем вы докажете, что не врете? — не отступался Блор. — Чем вы можете подтвердить свой рассказ?

Судья кашлянул.

— К сожалению, все мы в таком же положении, — сказал он. — И всем нам тоже приходится верить на слово. Никто из вас, — продолжал он, — по-видимому, пока еще не осознал всей необычности происходящего. По-моему, возможен только один путь. Выяснить, есть ли среди нас хоть один человек, которого мы можем очистить от подозрений на основании данных,

имеющихся в нашем распоряжении.

— Я известный специалист, — сказал Армстронг. — Сама мысль о том, что я могу…

И снова судья манием руки остановил доктора, не дав ему закончить фразы.

— Я и сам человек довольно известный, — сказал он тихо, но внушительно. — Однако это, мой дорогой, еще ничего не доказывает. Доктора сходили с ума. Судьи сходили с ума. Да и полицейские тоже, — добавил он, глядя на Блора.

Ломбард сказал:

— Я надеюсь, ваши подозрения не распространяются на женщин?

Судья поднял брови и сказал тем ехидным тоном, которого так боялась защита:

— Значит, если я вас правильно понял, вы считаете, что среди женщин маньяков не бывает?

— Вовсе нет, — раздраженно ответил Ломбард, — и все же, я не могу поверить… — он запнулся.

Судья все тем же проницательным злым голосом сказал:

— Я полагаю, доктор Армстронг, что женщине было бы вполне по силам прикончить беднягу Макартура.

— Вполне, будь у нее подходящее орудие — рези-

новая дубинка, например, или палка, — ответил доктор.

— Значит, она бы справилась с этим легко?

— Вот именно.

Судья повертел черепашьей шеей.

— Две другие смерти произошли в результате отравления, — сказал он. — Я думаю, никто не станет отрицать, что отравителем может быть и слабый человек.

— Вы с ума сошли! — взвилась Вера.

Судья медленно перевел взгляд на нее. Это был бесстрастный взгляд человека, привыкшего вершить судьбами людей.

«Он смотрит на меня, — подумала Вера, — как на любопытный экземпляр, — и вдруг с удивлением поняла: А ведь я ему не очень-то нравлюсь».

— Моя милая барышня, я бы попросил вас быть сдержанней. Я совсем не обвиняю вас. И надеюсь, мисс Брент, — он поклонился старой деве, — что мое настойчивое требование не считать свободным от подозрений ни одного из нас никого не обидело?

Мисс Брент не отрывалась от вязанья.

— Сама мысль, что я могу убить человека, и не одного, а троих, — холодно сказала она, не поднимая глаз, — покажется нелепой всякому,

кто меня знает. Но мы не знаем друг друга, и я понимаю, что при подобных обстоятельствах никто не может быть освобожден от подозрений, пока не будет доказана его невиновность. Я считаю, что в одного из нас вселился дьявол.

— На том и порешим, — заключил судья. — Никто не освобождается от подозрений, ни безупречная репутация, ни положение в обществе в расчет не принимаются.

— А как же с Роджерсом? — спросил Ломбард. — По-моему, его можно с чистой совестью вычеркнуть из списка.

— Это на каком же основании? — осведомился судья.

— Во-первых, у него на такую затею не хватило бы мозгов, а во-вторых, одной из жертв была его жена.

— За мою бытность судьей, молодой человек, — поднял мохнатую бровь судья, — мне пришлось разбирать несколько дел о женоубийстве — и суд, знаете ли, признал мужей виновными.

— Что ж, не стану спорить. Женоубийство вещь вполне вероятная, чтобы не сказать естественная. Но не такое. Предположим, Роджерс убил жену из боязни, что она сорвется и выдаст его, или потому, что она ему опостылела, или,

наконец, потому, что спутался с какой-нибудь крошкой помоложе, — это я могу себе представить. Но представить его мистером Онимом, этаким безумным вершителем правосудия, укокошившим жену за преступление, которое они совершили совместно, я не могу.

— Вы принимаете на веру ничем не подтвержденные данные, — сказал судья Уоргрейв. — Ведь нам неизвестно, действительно ли Роджерс и его жена убили свою хозяйку. Не исключено, что Роджерса обвинили в этом убийстве лишь для того, чтобы он оказался в одном с нами положении. Не исключено, что вчера вечером миссис Роджерс перепугалась, поняв, что ее муж сошел с ума.

— Будь по-вашему, — сказал Ломбард. — А. Н. Оним один из нас. Подозреваются все без исключения.

А судья Уоргрейв продолжал:

— Мысль моя такова: ни хорошая репутация, ни положение в обществе, ничто другое не освобождают от подозрений. Сейчас нам необходимо в первую голову выяснить, кого из нас можно освободить от подозрений на основании фактов. Говоря проще, есть ли среди нас один (а вероятно, и не один) человек, который никак не мог под-

сыпать яду Марстону, дать снотворное миссис Роджерс и прикончить генерала Макартура?

Грубоватое лицо Блора осветила улыбка.

— Теперь вы говорите дело, сэр, — сказал он. — Мы подошли к самой сути. Давайте разберемся. Что касается Марстона, то тут уже ничего не выяснишь. Высказывались подозрения, будто кто-то подбросил яд в его стакан через окно перед тем, как он в последний раз налил себе виски. Замечу, что подбросить яд из комнаты было бы куда проще. Не могу припомнить, находился в это время в комнате Роджерс, но все остальные запросто могли это сделать. — Перевел дух и продолжал: — Теперь перейдем к миссис Роджерс. Здесь подозрения прежде всего падают на ее мужа и доктора. Любому из них ничего не стоило это сделать.

Армстронг вскочил. Его трясло от злости.

— Я протестую… Это неслыханно! Клянусь, я дал ей совершенно обычную…

— Доктор Армстронг! — злой голосок судьи звучал повелительно. — Ваше негодование вполне естественно. И тем не менее надо изучить все факты. Проще всего было дать снотворное миссис Роджерс вам или Роджерсу. Теперь разберемся с остальными. Какие возможности подсыпать

яд были у меня, инспектора Блора, мисс Брент, мисс Клейторн или мистера Ломбарда? Можно ли кого-либо из нас полностью освободить от подозрений? — Помолчал и сказал: — По-моему, нет.

— Да я и близко к ней не подходила, — вскинулась Вера.

— Если память мне не изменяет, — снова взял слово судья, — дело обстояло так. Прошу поправить меня, если я в чем-нибудь ошибусь: Антони Марстон и мистер Ломбард подняли миссис Роджерс, перенесли ее на диван, и тут к ней подошел доктор Армстронг. Он послал Роджерса за коньяком. Поднялся спор, откуда шел голос. Все удалились в соседнюю комнату за исключением мисс Брент, она осталась наедине с миссис Роджерс, которая, напоминаю, была без сознания.

На щеках мисс Брент вспыхнули красные пятна. Спицы застыли в ее руках.

— Это возмутительно! — сказала она.

Безжалостный тихий голос продолжал:

— Когда мы вернулись в комнату, вы, мисс Брент, склонились над миссис Роджерс.

— Неужели обыкновенная жалость — преступление? — спросила Эмили Брент.

— Я хочу установить факты, и только факты, — продолжал судья. — Затем в комнату вошел

Роджерс — он нес коньяк, в который он, конечно, мог подсыпать снотворное до того, как вошел. Миссис Роджерс дали коньяку, и вскоре после этого муж и доктор проводили ее в спальню, где Армстронг дал ей успокоительное.

— Все так и было. Именно так, — подтвердил Блор. — А значит, от подозрений освобождаются: судья, мистер Ломбард, я и мисс Клейторн, — трубным ликующим голосом сказал он.

Пригвоздив Блора к месту холодным взглядом, судья пробормотал:

— Да ну? Ведь мы должны учитывать любую случайность.

— Я вас не понимаю. — Блор недоуменно уставился на судью.

— Миссис Роджерс лежит у себя наверху в постели, — сказал Уоргрейв. — Успокоительное начинает действовать. Она в полузабытьи. А что если тут раздается стук в дверь, в комнату входит некто, приносит, ну, скажем, таблетку и говорит: «Доктор велел вам принять это». Неужели вы думаете, что она бы не приняла лекарство?

Наступило молчание. Блор шаркал ногами, хмурился. Филипп Ломбард сказал:

— Все это досужие домыслы. Никто из нас еще часа два-три не выходил из столовой. Умер Мар-

стон, поднялась суматоха.

— К ней могли наведаться позже, — сказал судья, — когда все легли спать.

— Но тогда в спальне уже наверняка был Роджерс, — возразил Ломбард.

— Нет, — вмешался Армстронг. — Роджерс был внизу — убирал столовую, кухню. В этот промежуток кто угодно мог подняться в спальню миссис Роджерс совершенно незаметно.

— Но ведь к тому времени, доктор, — вставила мисс Брент, — она должна была уже давно заснуть — она приняла снотворное.

— По всей вероятности, да. Но поручиться в этом я не могу. До тех пор, пока не пропишешь пациенту одно и то же лекарство несколько раз, не знаешь, как оно на него подействует. На некоторых успокоительное действует довольно медленно. Все дело в индивидуальной реакции пациента.

Ломбард сказал:

— Что еще вам остается говорить, доктор? Вам это на руку, так ведь?

Армстронг побагровел. Но не успел ничего сказать, снова раздался бесстрастный недобрый голос судьи.

— Взаимными обвинениями мы ничего не до-

бьемся. Факты — вот с чем мы должны считаться. Мы установили, что нечто подобное могло произойти. Я согласен, процент вероятности здесь невысок, хотя опять же и тут многое зависит от того, кем был этот «некто».

— Ну и что это нам даст? — спросил Блор.

Судья Уоргрейв потрогал верхнюю губу, вид у него был до того бесстрастный, что наводил на мысль: а подвластен ли он вообще человеческим чувствам.

— Расследовав второе убийство, — сказал он, — мы установили, что ни один из нас не может быть полностью освобожден от подозрений. А теперь, — продолжал он, — займемся смертью генерала Макартура. Она произошла сегодня утром. Я прошу всякого, кто уверен, что у него или у нее есть алиби, по возможности кратко изложить обстоятельства дела. Я сам сразу же заявляю, что у меня алиби нет. Я провел все утро на площадке перед домом, размышлял о том невероятном положении, в котором мы очутились. Ушел я оттуда, только когда раздался гонг, но были, очевидно, какие-то периоды, когда меня никто не видел, — и в это время я вполне мог спуститься к морю, убить генерала и вернуться на свое место. Никаких подтверждений, что я не

покидал площадку, кроме моего слова, я представить не могу. В подобных обстоятельствах этого недостаточно. Необходимы доказательства.

Блор сказал:

— Я все утро провел с мистером Ломбардом и мистером Армстронгом. Они подтвердят.

— Вы ходили в дом за канатом, — возразил Армстронг.

— Ну и что? — сказал Блор. — Я тут же вернулся. Вы сами это знаете.

— Вас долго не было, — сказал Армстронг.

— На что, черт побери, вы намекаете? — Блор налился кровью.

— Я сказал только, что вас долго не было, — повторил Армстронг.

— Его еще надо было найти. Попробуйте сами найти в чужом доме моток каната.

— Пока мистера Блора не было, вы не отходили друг от друга? — обратился судья к Ломбарду и Армстронгу.

— Разумеется, — подтвердил Армстронг. — То есть Ломбард отходил на несколько минут. А я оставался на месте.

Ломбард улыбнулся:

— Я хотел проверить, можно ли отсюда дать сигналы на сушу при помощи гелиографа. Пошел

выбирать место, отсутствовал минуты две.

— Это правда. — Армстронг кивнул. — Для убийства явно недостаточно.

— Кто-нибудь из вас смотрел на часы? — спросил судья.

— Н-нет.

— Я вышел из дому без часов, — сказал Ломбард.

— Минуты две — выражение весьма неточное, — ядовито заметил судья и повернул голову к прямой, как палка, старой деве, не отрывавшейся от вязанья.

— А вы, мисс Брент?

— Мы с мисс Клейторн взобрались на вершину горы. После этого я сидела на площадке, грелась на солнце.

— Что-то я вас там не видел, — сказал судья.

— Вы не могли меня видеть. Я сидела за углом дома, с восточной стороны: там нет ветра.

— Вплоть до ленча?

— Мисс Клейторн?

— Утро я провела с мисс Брент, — последовал четкий ответ. — Потом немного побродила по острову. Потом спустилась к морю, поговорила с генералом Макартуром.

— В котором часу это было? — прервал ее су-

дья.

На этот раз Вера ответила не слишком уверенно:

— Не знаю, — сказала она, — за час до ленча, а может быть, и позже.

Блор спросил:

— Это было до того, как мы разговаривали с генералом или позже?

— Не знаю, — сказала Вера. — Он был какой-то странный, — она передернулась.

— А в чем заключалась его странность? — осведомился судья.

— Он сказал, что все мы умрем, потом сказал, что ждет конца. Он меня напугал… — понизив голос, сказала Вера.

Судья кивнул.

— А потом что вы делали? — спросил он.

— Вернулась в дом. Затем, перед ленчем, снова вышла, поднялась на гору. Я весь день не могла найти себе места.

Судья Уоргрейв потрогал подбородок.

— Остается еще Роджерс, — сказал он. — Но я не думаю, что его показания что-либо добавят к имеющимся у нас сведениям.

Роджерс, представ перед судилищем, ничего особенного не сообщил. Все утро он занимался

хозяйственными делами, потом готовил ленч. Перед ленчем подал коктейли, затем поднялся наверх — перенести свои вещи с чердака в другую комнату. Он не выглядывал в окно и не видел ничего, что могло бы иметь хоть какое-то отношение к смерти генерала Макартура. Он твердо уверен, что, когда накрывал на стол перед ленчем, там стояло восемь негритят.

Роджерс замолчал, и в комнате воцарилась тишина. Судья Уоргрейв откашлялся. Ломбард прошептал на ухо Вере: «Теперь он произнесет заключительную речь».

— Мы постарались как можно лучше расследовать обстоятельства этих трех смертей, — начал судья. — И если в некоторых случаях отдельные лица не могли (по всей вероятности) совершить убийство, все же ни одного человека нельзя считать полностью оправданным и свободным от подозрений. Повторяю, я твердо уверен, что из семи человек, собравшихся в этой комнате, один — опасный преступник, а скорее всего еще и маньяк. Кто этот человек, мы не знаем. Нам надо решить, какие меры предпринять, чтобы связаться с сушей на предмет помощи, а в случае, если помощь задержится (что более чем вероятно при такой погоде), какие меры предпринять,

чтобы обеспечить нашу безопасность — сейчас нам больше ничего не остается.

Я попрошу каждого подумать и сообщить мне, какой выход из создавшегося положения он видит. Предупреждаю, чтобы все были начеку. До сих пор убийце было легко выполнить свою задачу — его жертвы ни о чем не подозревали. Отныне наша задача — подозревать всех и каждого. Осторожность — лучшее оружие. Не рискуйте и будьте бдительны. Вот все, что я вам хотел сказать.

— Суд удаляется на совещание, — еле слышно пробормотал Ломбард.

Глава десятая

— И вы ему поверили? — спросила Вера.

Вера и Филипп Ломбард сидели на подоконнике в гостиной. За окном хлестал дождь, ветер с ревом бился в стекла. Филипп наклонил голову к плечу и сказал:

— Вы хотите спросить, верю ли я старику Уоргрейву, что убийца — один из нас?

— Да.

— Трудно сказать. Если рассуждать логически, он, конечно, прав, и все же…

— И все же, — подхватила Вера, — это совершенно невероятно.

Ломбард скорчил гримасу.

— Здесь все совершенно невероятно. Однако после смерти Макартура ни о несчастных случаях, ни о самоубийствах не может быть и речи. Несомненно одно: это убийство. Вернее, три убийства.

Вера вздрогнула:

— Похоже на кошмарный сон. Мне все кажется, что этого просто не может быть.

Филипп понимающе кивнул:

— Ну да, все чудится: вот раздастся стук в дверь и тебе принесут чай в постель.

— Ох, хорошо бы, все кончилось так! — сказала Вера.

Филипп Ломбард помрачнел.

— Нет, на это надеяться не приходится. Мы участвуем в ужасном кошмаре наяву!

Вера понизила голос:

— Если… если это один из нас, как вы думаете; кто это?

Ломбард ухмыльнулся:

— Из ваших слов я понял, — сказал он, — что нас вы исключаете. Вполне с вами согласен. Я отлично знаю, что Я не убийца, да и в вас, Вера, нет ничего ненормального. Девушки нормальней и хладнокровней я не встречал. Поручусь, чем угодно, что вы не сумасшедшая.

— Спасибо, — Вера криво улыбнулась.

Филипп сказал:

— Ну же, мисс Вера Клейторн, неужели вы не ответите комплиментом на комплимент?

Вера чуть замялась.

— Вы сами признали, — сказала она наконец, — что ни во что не ставите жизнь человека, и тем не менее как-то не могу представить, чтобы вы надиктовали эту пластинку.

— Верно, — сказал Ломбард. — Если б я и затеял убийство, так только ради выгоды. Массовое покарание преступников не по моей части. Пошли дальше. Итак, мы исключаем друг друга и сосредоточиваемся на пяти собратьях по заключению. Который из них А. Н. Оним? Интуитивно — и без всяких на то оснований — выбираю Уоргрейва!

— Вот как? — удивилась Вера. Подумала минуты две и спросила: — А почему?

— Трудно сказать. Во-первых, он очень стар, а вовторых, в течение многих лет вершил судьбы людей в суде. А значит, чуть не всю жизнь ощущал себя всемогущим, точно Господь Бог. Это могло вскружить ему голову. Он мог поверить, что властен над жизнью и смертью людей, а от этого можно спятить и пойти еще дальше — решить, например, что ты и Высший судия и палач одновременно.

— Возможно, вы правы, — чуть помедлив, согласилась Вера.

— А кого выберете вы? — спросил Ломбард.

— Доктора Армстронга, — выпалила Вера.

Ломбард присвистнул:

— Доктора? Знаете, а я бы его поставил на последнее место.

Вера покачала головой.

— Вы не правы. Две смерти произошли в результату отравления. И это прямо указывает на доктора. Потом нельзя забывать, снотворное миссис Роджерс дал он.

— Верно, — согласился Ломбард.

— Но если бы сошел с ума доктор, его бы не скоро удалось разоблачить. Потом доктора очень много работают, и помешательство может быть результатом переутомления, — настаивала Вера.

— И все-таки мне не верится, что он убил Макартура, — сказал Ломбард. — Я уходил ненадолго: он бы просто не успел — если только он не мчался туда и обратно стремглав. Но он не спортсмен и не мог совершить такую пробежку и не запыхаться.

— Но он мог убить генерала позже, — возразила Вера.

— Это когда же?

— Когда он пошел звать генерала к ленчу.

Ломбард снова присвистнул:

— Так вы думаете, он убил генерала тогда? Для этого надо обладать железными нервами.

— Посудите сами, чем он рисковал? — перебила его Вера. — Он — единственный медик среди нас. Что ему стоит сказать, будто генерала убили час назад? Ведь никто из нас не может его опровергнуть.

Филипп задумчиво поглядел на нее.

— Умная мысль, — сказал он. — Интересно…

— Кто это, мистер Блор? Вот что я хочу знать. Кто это может быть? — Лицо Роджерса дергалось. Руки нервно теребили кожаный лоскут — он чистил столовое серебро.

— Вот в чем вопрос, приятель, — сказал отставной инспектор.

— Мистер Уоргрейв говорит, что это кто-то из нас. Так вот кто, сэр? Вот что я хочу знать. Кто этот оборотень?

— Мы все хотим это узнать, — сказал Блор.

— Но вы о чем-то догадываетесь, мистер Блор. Я не ошибся?

— Может, я о чем и догадываюсь, — сказал Блор. — Но одно дело догадываться, другое — знать. Что если я попал пальцем в небо? Скажу только: у этого человека должны быть железные нервы.

Роджерс утер пот со лба.

— Кошмар, вот что это такое, — хрипло сказа он.

— А у вас есть какие-нибудь догадки, Роджерс? — поинтересовался Блор.

Дворецкий покачал головой:

— Я ничего не понимаю, сэр, — севшим голо-

сом сказал он. — Совсем ничего. И это-то меня и пугает пуще всего.

— Нам необходимо выбраться отсюда! Необходимо! — выкрикивал доктор Армстронг. — Во что бы то ни стало!

Судья Уоргрейв задумчиво выглянул из окна курительной, поиграл шнурочком пенсне и сказал:

— Я, конечно, не претендую на роль синоптика, и тем не менее рискну предсказать: в ближайшие сутки — а если ветер не утихнет, одними сутками дело не обойдется — даже если бы на материке и знали о нашем положении, лодка не придет.

Армстронг уронил голову на руки.

— А тем временем всех нас перебьют прямо в постелях! — простонал он.

— Надеюсь, нет, — сказал судья. — Я намереваюсь принять все меры предосторожности.

Армстронг неожиданно подумал, что старики сильнее цепляются за жизнь, чем люди молодые. Он не раз удивлялся этому за свою долгую врачебную практику. Вот он, например, моложе судьи, по меньшей мере, лет на двадцать, а насколько слабее у него воля к жизни.

А судья Уоргрейв думал: «Перебьют в постелях! Все доктора одинаковы — думают штампами. И этот тоже глуп».

— Не забывайте, троих уже убили.

— Все так. Но вы, в свою очередь, не забывайте: они не знали, что их жизнь в опасности. А мы знаем.

Армстронг с горечью сказал:

— Что мы можем сделать? Раньше или позже…

— Я думаю, — сказал судья Уоргрейв, — кое-что мы все же можем.

— Ведь мы даже не знаем, кто убийца, — возразил Армстронг.

Судья потрогал подбородок.

— Я бы этого не сказал, — пробормотал он.

— Уж не хотите ли вы сказать, что догадались? — уставился на него Армстронг.

— Я признаю, что у меня нет настоящих доказательств, — уклончиво ответил судья, — таких, которые требуются в суде. Но, когда я вновь перебираю факты, мне кажется, что все нити сходятся к одному человеку.

Армстронг снова уставился на судью.

— Ничего не понимаю, — сказал он.

Мисс Брент — она была в своей спальне наверху — взяла Библию и села у окна. Открыла Библию, но после недолгих колебаний отложила ее и подошла к туалетному столику. Вынула из ящика записную книжку в черной обложке и написала:

Случилось нечто ужасное. Погиб генерал Макартур. (Его двоюродный брат женат на Элси Макферсон). Нет никаких сомнений в том, что его убили. После ленча судья произнес замечательную речь. Он убежден, что убийца — один из нас. Значит, один из нас одержим диаволом. Я давно это подозревала. Но кто это? Теперь все задаются этим вопросом. И только я знаю, что…

Несколько секунд она сидела, не двигаясь, глаза ее потускнели, затуманились. Карандаш в ее руке заходил ходуном. Огромными каракулями она вывела: …убийцу зовут Беатриса Тейлор…

Глаза ее закрылись. Но тут же она вздрогнула и проснулась. Посмотрела на записную книжку и, сердито вскрикнув, пробежала кривые каракули последней фразы.

«Неужели это я написала? — прошептала она. — Я наверное, схожу с ума».

Шторм крепчал. Ветер выл, хлестал по стенам дома. Все собрались в гостиной. Сидели, сбившись в кучку, молчали. Исподтишка следили друг за другом. Когда Роджерс вошел с подносом, гости буквально подскочили.

— Вы позволите задернуть занавески? — спросил Роджерс. — Так здесь будет поуютней.

Получив разрешение, он задернул занавески и

включил свет. В комнате и впрямь стало уютней. Гости повеселели; ну, конечно же, завтра шторм утихнет… придет лодка…

Вера Клейторн сказала:

— Вы разольете чай, мисс Брент?

— Нет, нет, разлейте вы, милочка. Чайник такой тяжелый. И потом я очень огорчена — я потеряла два мотка серой шерсти. Экая досада.

Вера перешла к столу. Раздалось бодрое позвякиванье ложек, звон фарфора. Безумие прошло.

Чай! Благословенный привычный ежедневный чай! Филипп Ломбард пошутил. Блор засмеялся. Доктор Армстронг рассказал забавный случай из практики. Судья Уоргрейв — обычно он не пил чая — с удовольствием отхлебывал ароматную жидкость.

Эту умиротворенную обстановку нарушил приход Роджерса. Лицо у дворецкого было расстроенное.

— Простите, — сказал он, ни к кому не обращаясь, — но вы не знаете, куда девался занавес из ванной комнаты?

Ломбард вскинул голову:

— Занавес? Что это значит, Роджерс?

— Он исчез, сэр, ну прямо испарился. Я убирал ванные, и в одной убор… то есть ванной, занавеса

не оказалось.

— А сегодня утром он был на месте? — спросил судья.

— Да, сэр.

— Какой он из себя? — осведомился Блор.

— Из прорезиненного шелка, сэр, алого цвета. В тон алому кафелю.

— И он пропал? — спросил Ломбард.

— Пропал.

— Да ладно. Что тут такого? — ляпнул Блор. — Смысла тут нет, но его тут и вообще нет. Убить занавесом нельзя, так что забудем о нем, сир, — сказал Роджерс.

— Да, сэр. Благодарю вас, — и вышел, закрыв за собой дверь.

В комнату вновь вполз страх. Гости опять стали исподтишка следить друг за другом.

Наступил час обеда — обед подали, съели, посуду унесли. Нехитрая еда, в основном из консервных банок. После обеда в гостиной наступило напряженное молчание.

В девять часов Эмили Брент встала.

— Я пойду спать, — сказала она.

— И я, — сказала Вера.

Женщины поднялись наверх, Ломбард и Блор проводили их. Мужчины не ушли с лестничной

площадки, пока женщины не закрыли за собой двери. Залязгали засовы, зазвякали ключи.

— А их не надо уговаривать запираться, — ухмыльнулся Блор.

Ломбард сказал:

— Что ж, по крайней мере, сегодня ночью им ничто не угрожает.

Он спустился вниз, остальные последовали его примеру.

Четверо мужчин отправились спать часом позже. По лестнице поднимались все вместе. Роджерс — он накрывал на стол к завтраку — видел, как они гуськом идут вверх. Слышал, как они остановились на площадке. Оттуда донесся голос судьи.

— Я думаю, господа, вы и без моих советов понимаете, что на ночь необходимо запереть двери.

— И не только запереть, а еще и просунуть ножку стула в дверную ручку, — добавил Блор. — Замок всегда можно открыть снаружи.

— Мой дорогой Блор, ваша беда в том, что вы слишком много знаете, — буркнул себе под нос Ломбард…

— Спокойной ночи, господа, — мрачно сказал судья, — Хотелось бы завтра встретиться в тем же составе.

Роджерс вышел из столовой, неслышно поднялся по лестнице. Увидел, как четверо мужчин одновременно открыли двери, услышал, как зазвякали ключи, залязгали засовы.

— Вот и хорошо, — пробормотал он, кивнул головой и вернулся в столовую. Там все было готово к завтраку. Он поглядел на семерых негритят на зеркальной подставке. Лицо его расплылось в довольной улыбке.

— Во всяком случае, сегодня у них этот номер не пройдет, я приму меры.

Пересек столовую, запер дверь в буфетную, вышел через дверь, ведущую в холл, закрыл ее и спрятал ключи в карман. Затем потушил свет и опрометью кинулся наверх в свою новую спальню.

Спрятаться там можно было разве что в высоком шкафу, и Роджерс первым делом заглянул и шкаф. После чего запер дверь, задвинул засов и разделся.

— Сегодня этот номер с негритятами не пройдет, — пробурчал он, — я принял меры…

Глава одиннадцатая

У Филиппа Ломбарда выработалась привычка просыпаться на рассвете. И сегодня он проснулся, как обычно. Приподнялся на локте, прислушался. Ветер слегка утих. Дождя не было слышно… В восемь снова поднялся сильный ветер, но этого Ломбард уже не заметил. Он снова заснул.

В девять тридцать он сел на кровати, поглядел на часы, поднес их к уху, хищно по-волчьи оскалился.

— Настало время действовать, — пробормотал он.

В девять тридцать пять он уже стучал в дверь Блора. Тот осторожно открыл дверь. Волосы у него были всклокоченные, глаза сонные.

— Спите уже тринадцатый час, — добродушно сказал Ломбард. — Значит, совесть у вас чиста.

— В чем дело? — оборвал его Блор.

— Вас будили? — спросил Ломбард. — Приносили чай?

Знаете, который час?

Блор посмотрел через плечо на дорожный будильник, стоявший у изголовья кровати.

— Тридцать пять десятого, — сказал он. — Никогда б не поверил, что столько просплю. Где Роджерс?

— «И отзыв скажет: „где“?» — тот самый случай, — ответствовал Ломбард.

— Что вы хотите этим сказать? — рассердился Блор.

— Только то, что Роджерс пропал, — ответил Ломбард. — В спальне его нет. Чайник он не поставил и даже плиту не затопил.

Блор тихо чертыхнулся.

— Куда, чтоб ему, он мог деваться? По острову, что ли, бродит? Подождите, пока я оденусь. И опросите всех: может быть, они что-нибудь знают.

Ломбард кивнул. Прошел по коридору, стучась в запертые двери.

Армстронг уже встал, — он кончал одеваться. Судью Уоргрейва, как и Блора, пришлось будить. Вера Клейторн была одета. Комната Эмили Брент пустовала.

Поисковая партия обошла дом. Комната Роджерса была по-прежнему пуста. Постель не застелена, бритва и губка еще не просохли.

— Одно ясно, что ночевал он здесь, — сказал Ломбард.

— А вы не думаете, что он прячется, поджидает нас? — сказала Вера тихим, дрогнувшим голосом, начисто лишенным былой уверенности.

— Сейчас, голубушка, я склонен думать, что угодно и о ком угодно, — сказал Ломбард. — И мой вам совет: пока мы его не найдем, держаться скопом.

— Наверняка он где-то на острове, — сказал Армстронг.

К ним присоединился аккуратно одетый, хотя и небритый, Блор.

— Куда девалась мисс Брент? — спросил он. — Вот вам новая загадка.

Однако спустившись в холл, они встретили мисс Брент. На ней был дождевик.

— Море очень бурное. Вряд ли лодка выйдет в море.

— И вы решились одна бродить по острову, мисс Брент? — спросил Блор. — Неужели вы не понимаете, как это опасно?

— Уверяю вас, мистер Блор, я была очень осторожна, — ответила старая дева.

Блор хмыкнул.

— Видели Роджерса? — спросил он.

— Роджерса? — подняла брови мисс Брент. — Нет, сегодня я его не видела. А в чем дело?

По лестнице, чисто выбритый, аккуратно одетый — уже при зубах — спускался судья Уоргрейв. Заглянув в распахнутую дверь столовой, он сказал:

— Смотрите-ка, он не забыл накрыть стол.

— Он мог это сделать вчера вечером, — сказал Ломбард.

Они вошли в столовую, оглядели аккуратно расставленные приборы, тарелки. Ряды чашек на буфете, войлочную подставку для кофейника. Первой хватилась Вера. Она вцепилась судье в руку с такой силой — недаром она была спортсменка, — что старик поморщился.

— Посмотрите на негритят! — крикнула она.

На зеркальном кругу осталось всего шесть негритят.

А вскоре нашелся и Роджерс. Его обнаружили в пристройке — флигель этот служил прачечной. В руке он все еще сжимал маленький топорик — очевидно, колол дрова для растопки. Большой колун стоял у двери — на его обухе застыли бурые пятна. В затылке Роджерса зияла глубокая рана…

— Картина ясна, — сказал Армстронг, — убийца подкрался сзади, занес топор и в тот момент, когда Роджерс наклонился, опустил его.

Блор водился с топорищем — посыпал его му-

кой через ситечко, позаимствованное на кухне.

— Скажите, доктор, нанести такой удар может только очень сильный человек? — спросил судья.

— Да нет, такой удар могла бы нанести даже женщина, если я правильно понял ваш вопрос, — и он быстро оглянулся по сторонам.

Вера Клейторн и Эмили Брент ушли на кухню.

— Девушка и тем более могла это сделать — она спортсменка. Мисс Брент хрупкого сложения, но такие женщины часто оказываются довольно крепкими. Кроме того, вы должны помнить, что люди не вполне нормальные, как правило, наделены недюжинной силой.

Судья задумчиво кивнул. Блор со вздохом поднялся с колен.

— Отпечатков пальцев нет, — сказал он, — топорище обтерли.

Позади раздался громкий смех — они обернулись: посреди двора стояла Вера Клейторн.

— А может, на этом острове и пчелы есть? Есть или нет? — визгливым голосом выкрикивала она, перемежая слова неудержимыми взрывами хохота. — И где тут мед? Ха-ха-ха!

Мужчины недоуменно уставились на Веру. Неужели эта выдержанная, уравновешенная

девушка сходит с ума у них на глазах?

— Да не глазейте вы на меня! — не унималась Вера. — Вы что, думаете, я рехнулась? А я вас дело спрашиваю: где тут пчелы, где тут пасека? Ах, вы не понимаете? Вы что, не читали эту дурацкую считалку? Да она в каждой спальне вывешена для всеобщего обозрения! Не будь мы такими идиотами, мы бы сразу сюда пришли.

— «Семь негритят дрова рубили вместе». Я эту считалку наизусть знаю. И следующий куплет: «Шесть негритят пошли на пасеку гулять», поэтому я и спрашиваю, есть ли на острове насека. Вот смеху-то! Вот смеху!.. — Она дико захохотала. Армстронг подошел к ней, размахнулся, отвесил пощечину. Вера задохнулась, икнула, сглотнула слюну. Постояла тихо.

— Спасибо… Я пришла в себя… — сказала она чуть погодя прежним спокойным, выдержанным тоном. Повернулась и пошла в кухню. — Мы с мисс Брент приготовим вам завтрак. Принесите, пожалуйста, дрова — надо затотопить камин.

След пятерни доктора алел на ее щеке.

Когда она ушла в кухню, Блор сказал:

— А быстро вы привели ее в чувство, доктор.

— Что мне оставалось делать? Нам только истерики не хватало вдобавок ко всему, — оправ-

дывался Армстронг.

— Она вовсе не похожа на истеричку, — возразил Ломбард.

— Согласен, — сказал Армстронг. — Весьма уравновешенная и здравомыслящая молодая женщина. Результат потрясения. С каждым может случиться.

Они собрали наколотые Роджерсом дрова, отнесли их в кухню. Там уже хлопотали по хозяйству Вера и Эмили Брент. Мисс Брент выгребала золу из печи. Вера срезала шкурку с бекона.

— Спасибо, — поблагодарила их Эмили Брент. — Мы постараемся приготовить завтрак как можно быстрее — ну, скажем, минут через тридцать-сорок. Чайник раньше не закипит.

— Знаете, что я думаю? — шепнул Ломбарду инспектор в отставке Блор.

— Зачем гадать, если вы мне сами расскажете.

Инспектор в отставке был человек серьезный. Иронии он не понимал и поэтому невозмутимо продолжал:

— В Америке был такой случай. Убили двух стариков — мужа и жену, зарубили топором. Среди бела дня. В доме не было никого, кроме их дочери и служанки. Служанка, как доказали, не могла это сделать. Дочь — почтенная старая дева.

Немыслимо, чтобы она была способна совершить такое страшное преступление. Настолько немыслимо, что ее признали невиновной. И тем не менее никто другой не мог это сделать, — и добавил, помолчав: — Я вспомнил этот случай, когда увидел топор. А потом зашел на кухню и увидел — она там шурует как ни в чем не бывало. Что с девчонкой приключилась истерика — это в порядке вещей, удивляться тут нечему, а по-вашему?

— Наверное, — сказал Ломбард.

— Но эта старуха! — продолжал Блор. — Такая чистюля — и передник не забыла надеть, а передник-то, небось, миссис Роджерс, и еще говорит: «Завтрак будет готов минут через тридцать-сорок». Старуха спятила, ей-ей. Со старыми девами такое случается — я не говорю, что они становятся маньяками и убивают кого ни попадя, просто у них шарики за ролики заходят. Вот и наша мисс Брент помешалась на религиозной почве — думает, что она Орудие Господне. Знаете, у себя в комнате она постоянно читает Библию.

— Это никак не доказательство ненормальности, Блор.

— К тому же она брала дождевик, — гнул свою линию Блор, — сказала, что ходила к морю.

Ломбард покачал головой.

— Роджерса убили, — сказал он, — когда тот колол дрова, то есть сразу, как он поднялся с постели. Так что Эмили Брент незачем было бродить еще час-другой под дождем. Если хотите знать мое мнение: тот, кто убил Роджерса, не преминул бы залезть в постель и притвориться, что спит беспробудным сном.

— Вы меня не поняли, мистер Ломбард, — сказал Блор, — Если мисс Брент ни в чем не виновна, ей было бы страшно разгуливать по острову одной. Так поступить мог лишь тот, кому нечего бояться. Значит, ей нечего бояться и, следовательно, она и есть убийца.

— Дельная мысль, — сказал Ломбард. — Мне это не пришло в голову, — и добавил, ухмыльнувшись: — Рад, что вы перестали подозревать меня.

Блор сконфузился:

— Вы угадали, начал я с вас — револьвер, знаете ли, да и историю вы рассказали, вернее не рассказали, весьма странную. Но теперь я понимаю, что вы сумели бы придумать что-нибудь похитрее. Надеюсь, и вы меня не подозреваете.

Филипп сказал задумчиво:

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, раз-

работать подобный план человеку с настолько слабым воображением, как у вас, не под силу. Могу только сказать, что в таком случае вы замечательный актер, и я вами восхищаюсь. — Он понизил голос. — Может статься, не пройдет и дня, как нас укокошат, так что скажите мне по секрету: вы тогда дали ложные показания, верно?

Блор смущенно переминался с ноги на ногу.

— Скрывай, не скрывай, что толку, — сказал он наконец. — Так вот. Ландор был невиновен, это точно. Шайка Перселла дала мне на лапу, и мы упрятали его за решетку. Только имейте в виду, я отрекусь от своих слов…

— При свидетелях, вы хотите сказать, — улыбнулся Ломбард. — Нет, нет, этот разговор останется между нами. Что ж, надеюсь, вы получили неплохой куш.

— Не получил и половины того, что обещали. Страшные жмоты эти Перселловские ребята. Но повышение я получил. Что да, то да.

— А Ландору дали срок, и он помер на каторге?

— Откуда я знал, что он умрет? — огрызнулся Блор.

— Конечно, откуда вам знать, просто вам не повезло.

— Мне? Вы хотите сказать — ему?

— И вам тоже, Блор. Потому что из-за его смерти и ваша жизнь оборвется раньше времени.

— Моя? — уставился на него Блор. — Неужели выдумаете, что я позволю с собой расправиться, подобно Роджерсу и прочим? Дудки! Кто-кто, а я сумею за себя постоять! Хотите пари?

Ломбард сказал:

— Не люблю держать пари. И потом, если ведь убьют, кто отдаст мне выигрыш?

— Послушайте, мистер Ломбард, что вы хотите сказать?

Ломбард оскалил зубы.

— Я хочу сказать, мой дорогой Блор, что ваши шансы выжить не слишком велики.

— Это почему же?

— А потому, что из-за отсутствия воображения расправиться с вами проще простого. Преступник с воображением А. Н. Онима в два счета обведет вас вокруг пальца.

— А вас? — окрысился Блор.

Лицо Ломбарда посуровело.

— У меня воображение ничуть не хуже, чем у А. Н. Онима, — сказал он. — Я не раз бывал в переделках и всегда выпутывался! Больше ничего не скажу, но думаю, что и из этой переделки я

тоже выпутаюсь.

Стоя у плиты — она жарила яичницу, — Вера думала: «И чего ради я закатила истерику, как последняя дура? Этого не следовало делать. Нельзя распускаться, никак нельзя распускаться. Ведь она всегда гордилась своей выдержкой.

Мисс Клейторн была на высоте — не растерялась, кинулась вплавь за Сирилом.

К чему об этом вспоминать? Все позади… далеко позади… Она была еще на полпути к скале, когда Сирил ушел под воду. Ей почудилось, что течение снова уносит ее в море. Она дала течению увлечь себя — плыла тихотихо — качалась на воде, пока не прибыла лодка… Ее хвалили за присутствие духа, хладнокровие… Хвалили все, кроме Хьюго. А Хьюго, он лишь взглянул на нее… Боже, как больно думать о Хьюго, даже теперь… Где он сейчас? Что делает? Помолвлен, женат?»

— Вера, бекон горит, — сердито сказала мисс Брент.

— И верно, простите, мисс Брент. Как глупо получилось…

Эмили Брент сняла с дымящегося бекона последнее яйцо. Вера, выкладывая на раскаленную сковороду куски бекона, сказала:

— У вас удивительная выдержка, мисс Брент.

— Меня с детства приучили не терять головы и не поднимать шума по пустякам, — ответила старая дева.

«Она была забитым ребенком… Это многое объясняет», — подумала Вера. А вслух сказала:

— Неужели вам не страшно?.. А может, вы хотите умереть?

«Умереть? — будто острый буравчик вонзился в закосневшие мозги Эмили Брент. — Умереть? Но она не собирается умирать! Остальные умрут, это да, но не она, не Эмили Брент. Эта девчонка, что она понимает? Конечно, Эмили Брент ничего не боится: Брентам неведом страх. Она из военной семьи, и в их роду все умели смотреть смерти в лицо. Вели праведную жизнь, и она, Эмили Брент, тоже жила праведно. Ей нечего стыдиться в своем прошлом… А раз так, она, конечно же, не умрет… „Он печется о вас“. „Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем…“ Теперь был день, и ужасы ушли. Ни один из нас не покинет остров. Кто это сказал? Ну конечно же, генерал Макартур (его родственник женат на Элси Макферсон). Его такая перспектива ничуть не пугала. Напротив, казалось, она даже радует его! А это грех! Некоторые люди не придают значения смерти и сами лишают себя жизни. Беатриса Тейдор… Прошлой

ночью ей снилась Беатриса — она стояла за окном, прижав лицо к стеклу, стонала, умоляла впустить ее в дом. Но Эмили Врент не хотела ее впускать. Ведь если ее впустить, случится нечто ужасное».

Эмили вздрогнула и очнулась. Как смотрит на нее эта девушка.

— Все готово, не так ли? — спросила она деловито. — Будем подавать завтрак.

Странно прошла эта трапеза. Все были чрезвычайно предупредительны.

— Можно предложить вам еще кофе, мисс Брент?

— Ломтик ветчины, мисс Клейторн?

— Еще кусочек бекона?

Все шестеро вели себя как ни в чем не бывало, будто ничего и не случилось. Но в душе каждого бушевала буря.

Мысли носились как белки в колесе…

Что же дальше? Что дальше? Кто следующий?

Кто?

Интересно, удастся ли? Но попытаться стоит. Только бы успеть. Господи, только бы успеть…

Помешательство на религиозной почве, не иначе… Посмотреть на нее, и в голову не придет… А что, если я ошибаюсь?

Это безумие… Я схожу с ума. Куда-то запропастилась шерсть, запропастился алый занавес из ванной — не могу понять, кому они могли понадобиться. Ничего не понимаю…

Вот дурак, поверил всему, что ему рассказали. С ним обошлось легко… И все равно надо соблюдать осторожность.

Шесть фарфоровых негритят… только шесть — сколько их останется к вечеру?

— Кому отдать последнее яйцо?

— Джему?

— Спасибо, я лучше возьму еще ветчины.

Все шестеро, как ни в чем не бывало, завтракали.

Глава двенадцатая

Завтрак кончился. Судья Уоргрейв, откашлявшись, внушительно сказал своим тонким голоском:

— Я думаю, нам стоит собраться и обсудить создавшееся положение — скажем, через полчаса в гостиной.

Никто не возражал. Вера собрала тарелки.

— Я уберу со стола и помою посуду, — сказала она.

— Мы перенесем посуду в буфетную, — предложил Филипп.

— Спасибо.

Эмили Брент поднялась было со стула, охнула и снова села.

— Что с вами, мисс Брент? — спросил судья.

— Мне очень жаль, — оправдывалась Эмили Брент, — я хотела бы помочь мисс Клейторн, но никак не могу.

У меня кружится голова.

— Кружится голова? — доктор Армстронг подошел к ней. — Это вполне естественно. Запоздалая реакция на потрясение. Я, пожалуй, дам вам…

— Нет! — выпалила она. Все опешили. Доктор Армстронг густо покраснел.

На лице старой девы был написан ужас.

— Как вам будет угодно, — сухо сказал Армстронг.

— Я не хочу ничего принимать, — сказала она. — Просто посижу спокойно, и головокружение пройдет само собой.

Когда кончили убирать со стола, Блор обратился к Вере:

— Я привык заниматься хозяйственными делами, так что, если хотите, мисс Клейторн, я вам помогу.

— Спасибо, — сказала Вера.

Эмили Брент оставили в гостиной.

Какое-то время до нее доносился приглушенный гул голосов из буфетной. Головокружение постепенно проходило. Ею овладела сонливость, она чувствовала, что вот-вот заснет. У нее жужжало в ушах… а может быть, в комнате и впрямь что-то жужжит? Она подумала: «Кто это так жужжит — пчела или шмель? — И тут взгляд ее упал на пчелу, ползущую по окну. — Сегодня утром Вера Клейторн что-то говорила о пчелах.

Пчелы и мед… Она обожает мед. Взять соты, положить в марлевый мешочек. И вот уже мед

капает, кап-кап-кап…

Кто это в комнате… С него капает вода… Это Беатриса Тейлор вышла из реки. Если повернуть голову, она ее увидит…

Но почему ей так трудно повернуть голову?..

А что если крикнуть?.. Но она не может крикнуть. В доме нет ни души… Она совершенно одна…» И тут она услышала шаги за спиной… приглушенные шаркающие шаги, нетвердые шаги утопленницы… Резкий запах сырости защекотал ей ноздри… А на окне все жужжала и жужжала пчела. И тут она почувствовала, как ее что-то укололо. Пчела ужалила ее в шею…

Тем временем в гостиной ждали Эмили Брент.

— Может быть, мне пойти привести ее? — предложила Вера.

— Минуточку! — остановил ее Блор.

Вера села. Все вопрошающе посмотрели на Блора.

— Послушайте, — начал он, — по-моему, пора прекратить поиски — убийца сидит сейчас в столовой! Пари держу, что во всех убийствах виновата старая дева.

— Но что ее могло на них толкнуть? — спросил Армстронг.

— Помешательство на религиозной почве. Что

скажете вы, доктор?

— Возможно, вы правы. Опровергнуть вас я не могу. Но хочу напомнить, что у нас нет доказательств.

— Она очень странно вела себя, когда мы готовили завтрак, — сказала Вера. — У нее и глаза стали какие-то такие… — она передернулась.

— Это еще не доказательство, — прервал ее Ломбард — Все мы сейчас немного не в себе.

— Потом, когда нам были предъявлены обвинения, она одна отказалась дать какие-либо объяснения. Почему, спросите вы меня? Да потому, что ей нечего было объяснить.

— Ну, дело обстоит, не совсем так, — сказала Вера. — Позже она мне рассказала эту историю.

— И что она вам поведала, мисс Клейторн? — спросил судья Уоргрейв.

Вера пересказала историю Беатрисы Тейлор.

— Вполне достоверная история, — заметил судья. — У меня бы она не вызвала никаких сомнений. Скажите, пожалуйста, мисс Клейторн, мучит ли мисс Брент чувство вины, испытывает ли она раскаяние, как, на ваш взгляд?

— По-моему, нет, — сказала Вера. — Смерть девушки оставила ее безразличной.

— Ох уж мне эти праведницы! Вот у кого не

сердце, а камень — это у таких вот старых дев. Объясняется все самой обыкновенной завистью, — сказал Блор.

Судья прервал его:

— Сейчас без десяти одиннадцать. Пожалуй, лучше всего будет, если мы попросим мисс Брент присоединиться к нам.

— Вы что же, так и собираетесь сидеть сложа руки? — спросил Блор.

Судья сказал:

— Не понимаю, чего вы от нас ждете. Наши подозрения пока ничем не подкреплены. И все же я попрошу доктора Армстронга особенно внимательно следить за мисс Брент. А теперь давайте пройдем в столовую.

Эмили Брент по-прежнему сидела в кресле, спиной к ним. Правда, она не обратила внимания на их приход, но в остальном ничего подозрительного они не заметили. Лишь обойдя кресло, они увидели ее лицо — распухшее, с синими губами и выпученными глазами.

— Вот те на, да она мертва! — вырвалось у Блора.

— Еще один из нас оправдан, увы, слишком поздно, — послышался невозмутимый голос судьи Уоргрейва.

Армстронг склонился над покойной. Понюхал ее губы, покачал головой и приподнял ей веки.

— Доктор, отчего она умерла? — нетерпеливо спросил Ломбард. — Ведь когда мы уходили, ее жизни вроде бы ничего не угрожало.

Армстронг разглядывал крошечную точку на шее Эмили Брент.

— Это след от шприца, — сказал он.

Послышалось жужжание.

— Смотрите-ка, на окне пчела… да нет, это шмель! — закричала Вера. — Вспомните, что я вам говорила сегодня утром!

— Но это след не от укуса, — помрачнел Армстронг. — Мисс Брент сделали укол.

— Какой яд ей ввели? — спросил судья.

— Скорее всего цианистый калий, но это лишь догадка. Наверное, тот же яд, от которого погиб Марстон. Она, должно быть, чуть не сразу же умерла от удушья.

— А откуда взялась пчела? — возразила Вера. — Может быть, это простое совпадение?

— Вот уж нет! — Ломбард в свою очередь помрачнел. — Совпадения здесь нет! Нашему убийце подавай местный колорит. Он шутник, этот парень. Ни на шаг не отступает от своей треклятой считалки! — Обычно спокойный Ломбард

чуть ли не визжал. Очевидно, даже его закаленные полной приключений и превратностей жизнью нервы начали сдавать. — Это безумие, безумие! Мы все обезумели! — вопил он.

— Я надеюсь, — спокойно сказал судья, — мы все же сумеем сохранить здравый смысл. Кто-нибудь привез с собой шприц?

Армстронг приосанился, однако голос его звучал довольно испуганно:

— Я, сэр.

Четыре пары глаз вперились в него. Глубокая, неприкрытая враждебность, читавшаяся в них, раззадорила доктора.

— Я всегда беру с собой шприц, — сказал он. — Все врачи так делают…

— Верно, — согласился судья. — А не скажете ли вы, доктор, где сейчас ваш шприц?

— Наверху, в моем чемодане.

— Вы разрешите нам в этом убедиться? — спросил судья.

Процессия во главе с судьей в полном молчании поднялась по лестнице. Содержимое чемодана Вывалили на стол. Шприца в нем не было.

— Шприц украли! — выкрикнул Армстронг.

В комнате воцарилась тишина.

Армстронг прислонился спиной к окну. И снова

четыре пары глаз враждебно, подозрительно уставились на доктора. Доктор переводил глаза с Уоргрейва на Веру, беспомощно, неубедительно оправдывался:

— Клянусь вам, шприц украли!

Блор и Ломбард переглянулись. Судья взял слово.

— Здесь, в комнате, нас пять человек, — заявил судья. — Один из нас — убийца. Положение становится все более опасным. Мы должны сделать все возможное, чтобы обеспечить безопасность четырех невинных. Я прошу доктора сказать, какими лекарствами он располагает.

— Я захватил с собой походную аптечку, — ответил Армстронг. — Посмотрите сами, там только снотворные: трионал, сульфонал, бром, потом сода, аспирин, вот и все. Цианидов у меня нет.

— Я тоже привез с собой снотворное, — вставил судья. — Сульфонал, по-моему. В больших количествах он, кажется, смертелен. У вас, мистер Ломбард, насколько мне известно, есть револьвер.

— Ну и что из того? — взвился Ломбард.

— А то, что я предлагаю собрать и спрятать в надежное место аптечку доктора, мое снотворное, ваш револьвер, а также все лекарства

и огнестрельное оружие, если оно у кого есть. Когда мы это сделаем, каждый из нас согласится подвергнуть обыску себя и свои вещи.

— Чтоб я отдал револьвер — да ни в жизнь! — вскипел Ломбард.

— Мистер Ломбард, — оборвал его судья, — хотя на вашей стороне преимущества молодости да и в силе вам не откажешь, отставной инспектор, пожалуй, не слабее вас.

Не берусь предсказать, кто из вас победит в рукопашной, но одно знаю твердо: доктор Армстронг, мисс Клейторн и я станем на сторону Блора и будем помогать ему, как сумеем. Так что, если вы окажете сопротивление, мы вас все равно одолеем.

Ломбард откинул назад голову. Хищно оскалил зубы.

— Ну что ж, раз вы все заодно, будь по-вашему.

Судья Уоргрейв кивнул.

— Вам, молодой человек, не откажешь в здравом смысле. Где вы храните револьвер?

— В ящике столика у моей кровати.

— Понятно.

— Я схожу за ним.

— Пожалуй, лучше будет, если мы составим вам компанию.

Губы Ломбарда снова раздвинула хищная улыбка.

— Кого-кого, а вас не проведешь.

Они прошли в спальню Ломбарда. Ломбард направился прямо к ночному столику, выдвинул ящик. И с проклятьем отпрянул — ящик был пуст.

— Теперь вы довольны? — Ломбард, в чем мать родила, помогал мужчинам обыскивать комнату.

Вера ждала в коридоре. Обыск продолжался. Одного за другим обыскали доктора Армстронга, судью и Блора.

Выйдя из комнаты Блора, мужчины направились к Вере.

— Мисс Клейторн, — обратился к ней судья. — Я надеюсь, вы понимаете, что никакие исключения недопустимы. Нам необходимо во что бы то ни стало найти револьвер. У вас, наверное, есть с собой купальный костюм?

Вера кивнула.

— В таком случае прошу вас пройти в спальню, надеть купальник и вернуться сюда.

Вера затворила за собой дверь. Через несколько минут она появилась в плотно облегавшем фигуру купальнике жатого шелка.

— Благодарю вас, мисс Клейторн, — сказал судья. — Извольте подождать здесь, пока мы обыщем вашу комнату.

Вера сидела в коридоре, терпеливо ожидая возвращения мужчин. Затем переоделась и присоединилась к ним.

— Теперь мы уверены в одном, — сказал судья. — Ни у кого из нас нет ни оружия, ни ядов. Лекарства мы сейчас сложим в надежное место. В кладовой, видимо, есть сейф для столового серебра.

— Все это очень хорошо, — прервал его Блор. — Но у кого будет храниться ключ? У вас, конечно?

Судья не удостоил его ответом. Он направился в кладовую, остальные шли за ним по пятам. Там и впрямь обнаружился ящик, где хранили столовое серебро. По указанию судьи все лекарства сложили в ящик, а ящик закрыли на ключ. Затем судья распорядился поставить ящик в буфет, а тот, в свою очередь, запереть на ключ.

Ключ от ящика судья отдал Филиппу Ломбарду, а от буфета — Блору.

— Вы самые сильные среди нас, — сказал он. — Так что вам будет нелегко отнять ключ друг у друга, и никто из нас не сможет отнять ключ у любого из вас. А взламывать и буфет и ящик и

затруднительно, и бессмысленно, потому что взломщик поднимет на ноги весь дом.

И помолчав, продолжал:

— Теперь нам предстоит решить весьма важный вопрос. Куда девался револьвер мистера Ломбарда?

— По моему мнению, — вставил Блор, — проще всего ответить на этот вопрос хозяину оружия.

У Филиппа Ломбарда побелели ноздри.

— Вы болван, Блор. Сколько раз вам повторять, что револьвер у меня украли!

— Когда вы видели револьвер в последний раз? — спросил судья.

— Вчера вечером, ложась спать, я на всякий случай сунул его в ящик ночного столика.

Судья кивнул головой.

— Значит, сказал он, — его украли утром, воспользовавшись суматохой: то ли когда мы носились в поисках Роджерса, то ли когда нашли его труп…

— Револьвер спрятан в доме, — сказала Вера. — Надо искать его.

Судья Уоргрейв привычным жестом погладил подбородок.

— Не думаю, чтобы поиски к чему-нибудь привели, — сказал он. — Преступник вполне мог

успеть припрятать револьвер в надежное место. Я, признаться, отчаялся его найти.

— Я, конечно, не знаю, где револьвер, зато я знаю, где шприц, — уверенно заявил Блор. — Следуйте за мной.

Он открыл парадную дверь и повел их вокруг дома. Под окном столовой они нашли шприц. Рядом валялась разбитая фарфоровая статуэтка-пятый негритенок.

— Больше ему негде быть, — торжествуя объяснял Блор. — Убив мисс Брент, преступник открыл окно, выкинул шприц, а вслед за ним отправил и негритенка.

На шприце не удалось обнаружить отпечатков пальцев. Очевидно, его тщательно вытерли.

Вера решительно объявила:

— Теперь надо заняться револьвером.

— Ладно, — сказал судья. — Но одно условие — держаться вместе. Помните, тот, кто ходит в одиночку, играет на руку маньяку.

Они снова обыскали весь дом, пядь за пядью, от подвала до чердака, и ничего не нашли. Револьвер исчез!

Глава тринадцатая

«Один из нас… Один из нас… Один из нас…» — без конца, час за часом, крутилось в голове у каждого. Их было пятеро — и все они, без исключения, были напуганы. Все, без исключения, следили друг за другом, все были на грани нервного срыва и даже не пытались это скрывать. Любезность была забыта, они уже не старались поддерживать разговор. Пять врагов, как каторжники цепью, скованные друг с другом инстинктом самосохранения.

Все они постепенно теряли человеческий облик. Возвращались в первобытное, звериное состояние. В судье проступило сходство с мудрой старой черепахой, он сидел, скрючившись, шея его ушла в плечи, проницательные глаза бдительно поблескивали. Инспектор в отставке Блор еще больше огрубел, отяжелел. Косолапо переваливался, как медведь. Глаза его налились кровью. Выражение тупой злобы не сходило с его лица. Загнанного зверя, готового ринуться на своих преследователей, — вот кого он напоминал. У Филиппа Ломбарда, напротив, все реакции

еще больше обострились. Он настораживался при малейшем шорохе. Походка у него стала более легкой и стремительной, движения более гибкими и проворными. Он то и дело улыбался, оскаливая острые, белые зубы.

Вера притихла, почти не вставала с кресла. Смотрела в одну точку перед собой. Она напоминала подобранную на земле птичку, которая расшибла голову о стекло. Она так же замерла, боялась шелохнуться, видно, надеясь, что, если она замрет, о ней забудут.

Армстронг был в плачевном состоянии. У него начался нервный тик, тряслись руки. Он зажигал сигарету за сигаретой и, не успев закурить, тушил. Видно, вынужденное безделье тяготило его больше, чем других Время от времени он разражался бурными речами.

— Так нельзя, мы должны что-то предпринять. Наверное, да что я говорю, безусловно, можно что-то сделать. Скажем, разжечь костер.

— В такую-то погоду? — осадил его Блор.

Дождь лил как из ведра. Порывы ветра сотрясали дом.

Струи дождя барабанили по стеклам, их унылые звуки сводили с ума. Они выработали общий план действий, причем молча, не обменявшись

ни словом. Все собираются в гостиной. Выйти может только один человек. Остальные ожидают его возвращения.

Ломбард сказал:

— Это вопрос времени. Шторм утихнет. Тогда мы сможем что-то предпринять — подать сигнал, зажечь костер, построить плот, да мало ли что еще!

Армстронг неожиданно залился смехом.

— Вопрос времени, говорите? У нас нет времени. Нас всех перебьют…

Слово взял судья Уоргрейв, в его тихом голосе звучала решимость:

— Если мы будем начеку — нас не перебьют. Мы должны быть начеку.

Днем они, как я положено, поели, но трапезу упростили до крайности. Все пятеро перешли в кухню. В кладовке обнаружился большой запас консервов. Открыли банку говяжьих языков, две банки компоту. Их съели прямо у кухонного стола, даже не присев. Потом гурьбой возвратились в гостиную и снова стали следить друг за другом…

Мысли — больные, безумные, мрачные мысли — метались у них в головах…

Это Армстронг… Он глядит на меня исподтишка… У него глава ненормального… А вдруг он

вовсе и не врач… Так оно и есть! Он псих, сбежавший из лечебницы, который выдает себя за врача… Да, я не ошибаюсь… Может, сказать им?.. А может, лучше закричать?.. Нет, не надо, он только насторожится… Потом, вид у него самый что ни на есть нормальный… Который час? Четверть четвертого!.. Господи, я тоже того и гляди рехнусь… Да, это Армстронг… Вот он смотрит на меня…

Нет, до меня им не добраться — руки коротки! Я сумею за себя постоять… Не первый раз в опасной переделке. Но куда, к черту, мог деваться револьвер?.. Кто его взял? Ни у кого его нет, это мы проверили. Нас всех обыскали… Ни у кого его не может быть… Но кто-то знает, где он…

Они все сходят с ума… Они уже спятили… боятся умереть. Все мы боимся умереть… И я боюсь умереть… но это не помешает нам умереть… «Катафалк подан». Где я это читал? Девчонка… Надо следить за девчонкой. Да, буду следить за ней…

Без четверти четыре… всего без двадцати четыре. Наверно, часы остановились… Я ничего не понимаю… ничего. Быть такого не могло… И все же было!.. Почему мы не просыпаемся? Проснитесь — день Страшного Суда настал! Я не могу думать, мысли разбегаются… Голова. С головой

что-то неладное… голова просто разламывается… чуть не лопается… Быть такого не может… Который час? Господи! Всего без четверти четыре.

Только не терять головы… Только не терять головы… Главное, не терять головы… Тогда нет ничего проще — ведь все продумано до малейших деталей. Но никто не должен заподозрить. И тогда они поверят. Не могут не поверить. На ком из них остановить выбор? Вот в чем вопрос — на ком? Наверное… да, да, пожалуй, на нем.

Часы пробили пять, все подскочили.

— Кто хочет чаю? — спросила Вера.

Наступило молчание. Его прервал Блор.

— Я не откажусь, — сказал он.

Вера поднялась.

— Пойду приготовлю чай. А вы все можете остаться здесь.

— Моя дорогая, — вежливо остановил ее Уоргрейв, — мне кажется, я выражу общее мнение, если скажу, что мы предпочтем пойти с вами и поглядеть, как вы будете это делать.

Вера вскинула на неге глаза, нервно засмеялась.

— Ну, конечно же, — сказала она. — Этого следовало ожидать.

На кухню отправились впятером. Вера при-

готовила чай. Его пила только она с Блором. Остальные предпочли виски… Откупорили новую бутылку, вытащили сифон сельтерской из непочатого, забитого гвоздями ящика.

— Береженого Бог бережет! — пробормотал судья, и губы его раздвинула змеиная улыбка.

Потом все вернулись в гостиную. Хотя время стояло летнее, там было темно. Ломбард повернул выключатель, но свет не зажегся.

— Ничего удивительного, — заметил он, — мотор не работает. Роджерса нет, никто им не занимался. Но мы, пожалуй, смогли бы его завести, — добавил он не слишком уверенно.

— Я видел в кладовке пачку свечей, — сказал судья, — думаю, так будет проще.

Ломбард вышел из комнаты. Остальные продолжали следить друг за другом. Вскоре вернулся Филипп с пачкой свечей и стопкой блюдец. Он зажег пять свечей и расставил их по комнате. Часы показывали без четверти шесть.

В шесть двадцать Вере, стало невмоготу. Она решила подняться к себе, смочить холодной водой виски — уж очень болела голова. Встала, подошла к двери. Тут же спохватилась, вернулась, достала свечу из ящика. Зажгла ее, накапала воску в блюдечко, прилепила свечу и вышла из комнаты,

закрыв за собой дверь. Четверо мужчин остались в гостиной. Вера поднялась наверх, миновала коридор. Открыла дверь и застыла на пороге как вкопанная. Ноздри ее затрепетали. Море… Запах моря в Сент-Треденнике.

Он самый. Она не могла ошибиться. Ничего удивительного, что на острове все пропахло морем, но это вовсе не тот запах, который обычно приносит с собой морской ветер. Такой запах был в тот день на пляже после прилива, когда солнце начало припекать поросшие водорослями скалы…

Можно мне поплыть к острову, мисс Клейтон? Почему мне нельзя к острову?

Паршивый, испорченный мальчишка! Ему бы только канючить! Подумать только: не будь его, Хьюго был бы богат… мог на ней жениться…

Хьюго!.. Он где-то здесь, совсем рядом. Нет, он, наверное, ждет ее в комнате…

Она шагнула вперед. Из окна потянуло сквозняком, пламя свечи затрепетало. Дрогнуло и погасло… Наступила темнота, Веру охватил ужас. «Не будь дурой, — сказала она себе, — чего ты так боишься? Вся четверка сейчас там, внизу. В комнате никого нет и быть не может. У тебя разыгралось воображение.

Но ведь этот запах, запах песчаного пляжа в Сент-Треденнике, не был игрой воображения.

Конечно, в комнате кто-то есть… Она слышала шум — сомнений быть не может…» Она прислушалась… И тут холодная, липкая рука коснулась ее горла — мокрая рука, пахнущая морем…

Вера закричала. Вне себя от ужаса, она кричала что было мочи — звала на помощь. Она не слышала, какой переполох поднялся в гостиной, как упал перевернутый в суматохе стул, распахнулась дверь и, перепрыгивая через ступеньки, мчались к ней мужчины. Страх заглушал все. Но тут в дверном проеме замелькали огоньки: мужчины со свечами в руках ворвались в комнату, и Вера пришла в себя.

— Какого черта?

— Что стряслось?

— Господи, что с вами?

Вера вздрогнула, сделала шаг вперед и рухнула на пол. Кажется, кто-то склонился над ней, кто-то посадил ее, пригнул ее голову к коленям — она была в полузабытьи.

Но тут кто-то закричал: «Ну и ну, посмотрите-ка сюда», — и она очнулась. Открыла глаза, подняла голову. Мужчины, сбившись в кучу, смотрели на потолок — оттуда свешивалась длинная лента

морских водорослей, тускло поблескивавшая при свете свечей. Вот что коснулось ее горла. Вот что она приняла в темноте за липкую, мокрую РУКУ утопленника, вышедшего с того света, чтобы прикончить ее.

Вера истерически захохотала.

— Водоросли… всего-навсего водоросли… Теперь понятно, откуда здесь такой запах. — И снова потеряла сознание — тошнота накатывала волнами. И снова кто-то посадил ее, пригнул ее голову к коленям.

Казалось, прошла вечность. Ей поднесли стакан — судя по запаху, в нем был коньяк. Она потянулась отхлебнуть, но что-то остановило ее, тревожный сигнал сиреной завыл в мозгу. Она выпрямилась, оттолкнула стакан.

— Где вы это взяли? — сухо спросила она.

Блор долго таращился на нее и только потом ответил:

— Принес из кухни.

— Не буду пить, — резко отказалась Вера.

На какой-то миг все оторопели, потом раздался смех Ломбарда.

— Браво, Вера! — одобрительно сказал он. — Вижу, здравый смысл вам не изменил, хотя всего минуту назад вы и праздновали труса. Я спущусь,

принесу непочатую бутылку, — и он выскочил за дверь.

— Мне уже лучше, — не слишком убежденно сказала Вера. — Я, пожалуй, выпью воды.

Армстронг помог ей подняться. Шатаясь и цепляясь за Армстронга, Вера подошла к умывальнику. Пустила холодную воду, наполнила стакан.

— Зря вы отказались от коньяка, — обиженно сказал Блор.

— Как знать, — сказал Армстронг.

— Я туда ничего не подсыпал, — рассердился Блор. — Вы ведь на это намекаете?

— А я и не утверждаю, что вы туда что-то подсыпали. Но вы вполне могли это сделать, а не вы, так кто-то другой мог на всякий случай подложить в бутылку яду.

В комнату влетел Ломбард. Он держал непочатую бутылку коньяка и штопор. Ткнул нераскупоренную бутылку Вере под нос и сказал.

— Держите, голубушка. Пейте смело.

Сорвал фольгу и вытащил пробку.

— Хорошо, что в доме большие запасы спиртного. Очень предусмотрительно со стороны А. Н. Онима.

Веру била мелкая дрожь. Армстронг подержал

стакан, Филипп налил коньяку.

— Выпейте, мисс Клейторн, — сказал врач, — вы только что перенесли тяжелое потрясение.

Вера отхлебнула коньяку и на щеках ее снова заиграл румянец.

Ломбард засмеялся.

— Вот первое убийство, которое сорвалось.

— Вы думаете, меня хотели убить? — прошептала Вера.

— Ну да, ожидали, что вы от страха отдадите концы! — ответил Ломбард. — Такое может случиться, верно, доктор?

Армстронг уклонился от ответа.

— Гм-гм, не могу вам сказать ничего определенного.

Крепкий молодой человек со здоровым сердцем вряд ли умрет от испуга. С другой стороны… — Он взял коньяк, принесенный Блором, окунул в него палец, осторожно лизнул. Лицо его хранило бесстрастное выражение.

— Вкус вроде бы обычный, — неуверенно сказал он.

Блор, клокоча от ярости, двинулся к нему.

— Попробуйте только сказать, что я отравитель, и я вам сверну шею!

Вера, которой коньяк вернул былую предпри-

имчивость, поспешила отвлечь мужчин.

— А где судья? — спросила она.

Мужчины переглянулись.

— Не понимаю, что случилось… Мне казалось, он поднимался с нами…

— И мне, — сказал Блор. — Что скажете вы, доктор? Вы шли следом за мной.

— Мне казалось, он был позади меня… Разумеется, он не поспевал за нами. Возраст все же дает о себе знать.

Они снова переглянулись.

— Ничего не понимаю, — сказал Ломбард.

— Отправимся на розыски, — предложил Блор и пошел к двери. Мужчины последовали за ним, Вера замыкала шествие.

Когда они спускались по лестнице, Армстронг объявил:

— Наверное, он остался в гостиной.

Они пересекли холл. Армстронг время от времени громко звал:

— Уоргрейв! Уоргрейв! Где вы?

Никакого ответа! Мертвая тишина, нарушаемая лишь тихим шумом дождя. Добравшись до гостиной, Армстронг замер на дороге. Остальные толклись сзади, выглядывали из-за его плеча. Кто-то вскрикнул.

Судья Уоргрейв сидел в глубине комнаты в кресле с высокой спинкой. По обе стороны кресла горели свечи. Но больше всего их удивило и испугало то, что судья был в судейской мантии и парике…

Доктор Армстронг знаком остановил их, а сам нетвердой, как у пьяного, походкой направился к застывшему в кресле судье. Наклонясь, вгляделся в неподвижное лицо. Потом резким движением сорвал с судьи парик. Парик упал на пол, обнажился высокий лоб — посреди лба зияло круглое отверстие, из него вытекала густая темно-красная струйка… Доктор Армстронг поднял безжизненно повисшую руку, пощупал пульс. Потом повернулся к остальным и сказал бесстрастным, угасшим, запредельным голосом:

— Судью застрелили…

— Вот он, револьвер, — сказал Блор.

Доктор продолжал тем же тусклым голосом:

— Его убили выстрелом в голову. Он умер мгновенно.

Вера нагнулась, посмотрела на парик.

— Вот она, серая шерсть, которая пропала у мисс Брент.

— И алый клеенчатый занавес, который пропал из ванной, — сказал Блор.

— Так вот для чего они понадобились… — прошептала Вера.

Неожиданно раздался смех Ломбарда — громкий, ненатуральный смех: — Пять негритят судейство учинили, И засудили одного, осталось их четыре.

Конец кровавому судье Уоргрейву! Больше ему не выносить смертных приговоров! Не надевать ему черной шапочки! В последний раз он председательствует в суде! Больше ему не отправлять невинных на виселицу! Вот бы посмеялся Ситон, будь он здесь. Да он бы живот со смеху надорвал!

Все были ошеломлены — никто не ожидал, что Ломбард настолько потеряет власть над собой.

— Ведь только сегодня утром, — прервала его Вера, — вы мне говорили, что он и есть убийца.

Ломбард тут же опомнился, пришел в себя.

— Вы правы, — сказал он тихо. — Что ж, значит, я ошибся. Еще один из нас оправдан… слишком поздно!

Глава четырнадцатая

Они перенесли судью в его комнату, уложили на постель. Потом спустились по лестнице и постояли с минуту в холле, нерешительно переглядываясь.

— Что будем делать? — уныло спросил Блор.

— Сначала подкрепимся. Чтобы выжить, нужны силы, — ответил Ломбард.

Они снова отправились в кухню. Открыли банку языка. Ели машинально, без аппетита.

— В жизни больше не притронусь к языку, — сказала Вера.

Покончив с едой, все остались сидеть на своих местах.

— Нас всего четверо, — сказал Блор. — Чья очередь теперь?

Доктор Армстронг удивленно посмотрел на него.

— Если мы будем начеку, — машинально начал он, запнулся, и его тут же прервал Блор:

— Так и он говорил… И вот погиб же!

— Хотел бы я знать, как это случилось? — сказал Армстронг.

Ломбард чертыхнулся.

— Задумано хитро. Убийца притащил водоросли в комнату мисс Клейторн, а дальше все было разыграно прямо как по нотам. Мы решили, что мисс Клейторн убивают, кинулись наверх. А убийца воспользовался суматохой и застиг старика врасплох.

— Как вы объясните, почему никто из нас не услышал выстрела? — спросил Блор.

Ломбард покачал головой.

— Что вы хотите: мисс Клейторн вопила, ветер выл, мы бежали к ней на помощь и тоже кричали кто во что горазд. Как тут услышать выстрел? — и помолчав, добавил: — Но больше мы так не попадемся. В следующий раз ему придется придумать что-нибудь другое.

— Ему это раз плюнуть, — сказал Блор многозначительно. И переглянулся с Ломбардом.

— Нас здесь четверо, и мы не знаем, кто… — начал Армстронг.

— Я знаю, — прервал его Блор.

— Я совершенно уверена… — сказала Вера.

— Я ничуть не сомневаюсь… — с расстановкой сказал Армстронг.

— А я, — прервал его Ломбард, — наконец-то догадался…

Их взгляды скрестились.

Вера поднялась, ноги у нее подкашивались.

— Я плохо себя чувствую, — сказала она. — Пойду спать… Я больше не выдержу.

— Пожалуй, я последую вашему примеру, — сказал Ломбард. — Что толку сидеть и глазеть друг на друга?

— Лично я не против, — сказал Блор.

— Ничего лучше не придумаешь, — пробормотал доктор. — Хотя я полагаю, что никто не сомкнет глаз.

Все одновременно двинулись к двери.

— Хотелось бы мне знать, где сейчас револьвер? — спросил Блор.

Четверка молча поднялась по лестнице.

На площадке разыгралась поистине фарсовая сцена. Каждый остановился перед дверью своей комнаты и взялся за ручку двери. Затем враз, как по команде, все вошли в комнаты и захлопнули за собой двери. И тут же послышался шум задвигаемых засовов, скрежет ключей, грохот перетаскиваемой мебели.

Насмерть перепуганные люди забаррикадировались на ночь.

Просунув в ручку двери стул, Ломбард облегченно вздохнул и направился к ночному столику.

При неверном свети свечи долго разглядывал свое лицо в зеркале. Потом тихо пробормотал себе под нос: «Эта история и тебе начала действовать на нервы».

Хищная улыбка промелькнула на его лице. Он быстро разделся. Подошел к кровати, положил часы на ночной столик. Выдвинул ящик — и глаза у него полезли на лоб: в ящике лежал револьвер…

Вера Клейторн лежала в постели. У ее изголовья горела свеча. Она боялась темноты.

До утра со мной ничего не случится, — повторяла она как заклинание. — Прошлой ночью ничего не случилось, и сегодня ночью ничего не случится. Ничего не может случиться. Дверь заперта на ключ, засов задвинут. Никто сюда не войдет…

И вдруг ее осенило: «Да я же могу остаться здесь! Остаться в этой комнате, никуда из нее не выходить! Бог с ней, с едой! Я могу остаться здесь, пока не подоспеет помощь! Надо будет — просижу здесь сутки, а нет, так и двое суток…

Останусь здесь. Так-то оно так, но сможет ли она столько просидеть взаперти. Час за часом наедине со своими мыслями: ведь ей и поговорить будет не с кем, и заняться нечем…»

И мысли ее возвратились к Корнуоллу, к Хьюго, к ее последнему разговору с Сирилом: «Парши-

вый мальчишка, вечно он ныл и канючил… Мисс Клейторн, почему мне нельзя к скале? Я доплыву. Спорим, что я доплыву?..

Неужели это она ему ответила? Ну, конечно же, Сирил, ты доплывешь! Какие могут быть сомнения».

«Значит, мне можно поплыть к скале, мисс Клейторн?»

«Видишь ли, Сирил, твоя мама вряд ли это разрешит. Давай сделаем так. Завтра ты поплывешь к скале. Я в это время отвлеку маму разговором. А когда она тебя хватится, ты уже будешь стоять на скале и махать ей! То-то она обрадуется!»

«Вы молодец, мисс Клейторн! Ой, как здорово!»
«Она обещала — завтра. Завтра Хьюго уезжает в Ньюки. К его возвращению все будет кончено…

А что, если все сорвется? Что если события примут другой оборот? Что если Сирила успеют спасти и он скажет: «А мисс Клейторн разрешила мне поплыть к скале!»

Ну и что? Она пойдет на риск. Если худшее и произойдет, она будет нагло все отрицать: «Как вам не стыдно, Сирил! Я не разрешала вам ничего подобного». Никто не усомнится в ее словах. Мальчишка любил приврать. Ему не слишком-то верили. Сирил, конечно, будет знать, что она со-

лгала. Ну да Бог с ним… Но нет, ничего не сорвется. Она поплывет за ним. Конечно же, не успеет его догнать. И никто никогда не догадается…

Догадался ли Хьюго? Уж не потому ли он так странно, отчужденно глядел на нее?.. Знал ли Хьюго? Уж не потому ли он уехал сразу же после следствия?

Она написала ему письмо, но он оставил его без ответа.

Хьюго…

Вера ворочалась с боку на бок. «Нет, нет, она не должна думать о Хьюго. Это слишком мучительно. Забыть, забыть; забыть о нем навсегда… Поставить на Хьюго крест… Но почему сегодня вечером ей все время кажется, что Хьюго где-то поблизости?»

Подняв глаза, она увидела посреди потолка большой черный крюк. Раньше она его не замечала. С него свешивались водоросли…

Она вздрогнула, вспомнив, как липкая лента коснулась ее шеи. «И откуда он взялся, этот мерзкий крюк?» Черный крюк приковывал, зачаровывал ее…

Инспектор в отставке Блор сидел на краю кровати. На мясистом лице настороженно поблескивали налитые кровью воспаленные глаза.

Дикого кабана, готового напасть на противника, вот кого он напоминал.

Ему не хотелось спать. Опасность была слишком близка. Из десятерых в живых осталось всего четверо. Судья погиб так же, как и остальные, а ведь и умен был, и осторожен, и хитер.

Блор яростно засопел. «Как это говорил старикашка? „Мы должны быть начеку“.

Самодовольный лицемер, просидел всю жизнь в суде и привык считать себя чуть ли не Всемогущим. Но пришла и его очередь… Он всегда был начеку, и много это ему помогло!

Их осталось всего четверо. Девчонка, Ломбард, Армстронг и он сам. Скоро придет черед одного из них… Но кого-кого, только не Уильяма Генри Блора. Он сумеет о себе позаботиться. (Если б не револьвер… Где револьвер — вот что не дает ему покоя.)»

Лоб Блора избороздили морщины, глаза сузились щелочками — он все не ложился, ломал голову, где может быть револьвер… В тишине было слышно, как внизу бьют часы. Полночь. Напряжение слегка отпустило Блора, он даже прилег. Но раздеваться не стал.

Лежал, думал. Методически перебирал все события с самого начала так же тщательно, как

в свою бытность в Скотланд-Ярде. Дотошность всегда окупается.

Свеча догорала. Блор проверил, под рукой ли спички, и задул свечу. Однако в темноте ему стало не по себе. Казалось, древние, как мир, страхи пробудились и накинулись на него — стремятся им овладеть. Перед ним маячили лица: лицо судьи, издевательски увенчанное париком из серой шерсти; застывшее, мертвое лицо миссис Роджерс; перекошенное посиневшее лицо Марстона… И еще одно лицо — бледное-пребледное, очки, усики… где-то он его видел, вот только где? Не здесь, не на острове. Гораздо раньше. Странно, почему он никак не может вспомнить имени этого человека. Кстати говоря, довольно глупое лицо… типичное лицо недотепы.

Ну как же! Его вдруг осенило. Ландор.

Странно, но он начисто забыл его лицо. Ведь только вчера он пытался вспомнить, как тот выглядел, и не смог. А теперь он видит его так же четко, будто они расстались накануне…

У Ландора была жена — чахлая замухрышка, с вечно озабоченным лицом. Была и дочка, девчушка лет четырнадцати. Он впервые задумался над тем, что с ними сталось.

(Револьвер. Где может быть револьвер? Вот о

чем надо сейчас думать...) Чем больше он ломал над этим голову, тем меньше понимал, куда мог подеваться револьвер... Не иначе, как им завладел кто-то из тех троих.

Пробили часы внизу. Час. Блор насторожился. Сел на кровати. До него донесся шум, еле слышный шум за дверью. По темному дому кто-то ходил. Пот выступил у него на лбу. Кто это тихо, втайне от всех, бродит по коридорам? Кто бы это ни был, ничего хорошего от него ждать не приходится!

Блор сполз с кровати, несмотря на свою грузность, неслышно ступая, подошел к двери, прислушался. И на этот раз ничего не услышал. Тем не менее Блор был уверен, что не ошибся. Кто-то прошел совсем рядом с его дверью. Волосы у него встали дыбом. Страх снова завладел им... Кто-то крался в ночи... Он снова прислушался донять ничего не услышал. Им овладело необоримое желание — выйти из комнаты, посмотреть, что происходит там, в коридоре. Узнать, кто это бродит в темноте. Да нет, ничего глупее и придумать нельзя. Тот, в коридоре, только того и ждет. Наверняка он нарочно бродит под дверью, чтобы вынудить Блора выскочить в коридор.

Блор замер — прислушался. Со всех сторон ему

чудились шорохи, шумы и загадочный шепот, однако упорный трезвый ум Блора сопротивлялся страхам: он понимал, что все это лишь плод его разгоряченного воображения. Вдруг он услышал шум, и на этот раз вполне реальный. Приглушенные, осторожные шаги, однако достаточно громкие, чтоб их уловить, особенно, если слушать очень внимательно. Шаги проследовали мимо его двери (а ведь комнаты Ломбарда и Армстронга дальше по коридору). Решительно, уверенно.

Блор больше не колебался. Будь что будет, а он узнает, кто это бродит по дому в темноте.

Сейчас шаги доносились с лестницы. Интересно, куда это они направляются? Если уж Блор решался действовать, он действовал на редкость быстро для такого тяжеловесного и медлительного на вид человека. Он подошел на цыпочках к кровати, сунул в карман коробку спичек, выдернул из розетки шнур, обернул его вокруг хромированной ножки ночника. В случае чего тяжелая лампа с подставкой из эбонита вполне заменит оружие.

Стараясь не шуметь, выдернул стул из дверной ручки, отодвинул засов, открыл дверь и двинулся по коридору. Из холла доносился легкий шорох. Блор, неслышно ступая — он шел в

носках, — добрался до лестничной площадки. Теперь он понял, почему все звуки были слышны так отчетливо. Ветер утих, небо очистилось. При свете луны, проникавшем в окно на лестнице, Блор увидел, как через парадную дверь выходит человек.

Кинулся было за ним, но тут же спохватился. Опять он чуть не свалял дурака. Наверняка ему расставили ловушку, чтобы выманить его из дому!

Но этот хитрец не учел одного: теперь он в руках Блора. Ведь одна из трех комнат, несомненно, пустует. Остается только узнать, чья!

Блор поспешно вернулся в коридор. Для начала он постучал в дверь Армстронгу. Никакого ответа. Подождал минуту и направился к комнате Ломбарда. Тот сразу же откликнулся:

— Кто там?

— Это я, Блор. Армстронга нет в комнате. Подождите минуту.

Он побежал к следующей двери. Постучался.

— Мисс Клейторн! Мисс Клейторн!

— Что случилось? Кто там? — раздался перепуганный голос Веры.

— Не бойтесь, мисс Клейторн. Подождите минуту. Я сейчас.

Он снова вернулся к комнате Ломбарда.

Дверь комнаты отворилась. На пороге стоял Ломбард. В левой руке у него была свеча. Он успел натянуть брюки поверх пижамы. Правую руку он держал в кармане пижамной куртки.

— В чем дело? — спросил он.

Блор в нескольких словах объяснил ему, что происходит.

Глаза Ломбарда сверкнули.

— Так значит это Армстронг. Ну и ну. — Он двинулся к двери доктора. — Извините, Блор, — сказал он, — но сейчас я склонен верить лишь своим глазам.

Он забарабанил в дверь.

— Армстронг! Армстронг!

Никакого ответа. Ломбард встал на колени, заглянул в замочную скважину. Сунул в нее мизинец.

— Ключ вынут, — заметил он.

— Должно быть, Армстронг закрыл комнату и ключ унес с собой.

— Вполне естественная предосторожность, — согласился Филипп. — В погоню, Блор… На этот раз мы его не упустим! Минуточку! — Он подбежал к двери Веры. — Вера!

— Да?

— Мы идем искать Армстронга. Он куда-то ушел. Что бы ни случилось, не открывайте дверь. Поняли?

— Поняла.

— Если появится Армстронг и скажет вам, что я или Блор убиты, не слушайте его. Ясно? Дверь откроете только, если мы оба, Блор и я, заговорим с вами. Поняли?

— Поняла. Не такая уж я дура.

— Вот и хорошо, — сказал Ломбард.

Он догнал Блора.

— А теперь в погоню! Охота начинается!

— Нам надо быть начеку, — сказал Блор. — Не забудьте, у него револьвер!

— А вот тут вы ошибаетесь — засмеялся Филипп, быстро сбежал по лестнице, открыл входную дверь. — Засов не задвинут, — заметил он, — значит, Армстронг в любую минуту может вернуться… Впрочем, револьвер снова у меня, — добавил он и, наполовину вытащив его из кармана, показал Блору. — Я обнаружил револьвер Сегодня вечером в ящике ночного столика — его подкинули на прежнее место.

Блор замер на пороге как вкопанный. Изменился в лице.

Филипп заметил это и сердито сказал:

— Не валяйте дурака, Блор! Я не собираюсь вас убивать. Если хотите, возвращайтесь в свою комнату, забаррикадируйтесь и сидите там на здоровье, а я побегу за Армстронгом. — И вышел на освещенную ярким светом луны площадку.

Блор, с минуту поколебавшись, последовал за ним. «А я, похоже, лезу на рожон, — думал он. — Но где наша не пропадала. Мне ведь не впервой иметь дело с вооруженным преступником».

При всех своих недостатках Блор был не робкого десятка. Он всегда храбро шел навстречу опасности. Опасности, обыкновенные понятные опасности, чем бы они ни грозили, не пугали его, зато все необъяснимое, сверхъестественное преисполняло страхом.

Вера решила, пока идет погоня, встать и одеться. Время от времени она поглядывала на дверь. Толстые доски, ключ, засов, в ручку просунут дубовый стул. «Такую дверь не взломать и человеку более могучего сложения, чем Армстронг. Будь она на его месте, — подумала Вера, — она бы действовала не силой, а хитростью».

Вера коротала время, пытаясь представить себе, что предпримет Армстронг. Объявит, как предполагал Ломбард, об их смерти или притворится смертельно раненным и со стонами

подползет к ее комнате?

Представлялись ей и другие варианты. Например, он кричит, что в доме пожар. И что гораздо хуже, он может и впрямь поджечь дом… А что, почему бы и нет? Выманил мужчин из дому, а сам перед этим полил пол бензином, и теперь ему останется всего лишь поднести спичку. А она, как последняя дура, будет сидеть, забаррикадировавшись в своей комнате, до тех пор, пока выскочить будет уже невозможно…

Она подошла к окну. А вот и выход. В случае чего можно выпрыгнуть. Высоковато, конечно, зато внизу клумба.

Вера уселась за стол, открыла дневник и принялась заполнять страницы четким размашистым почерком. Надо как-то убить время.

Вдруг она подскочила. Внизу что-то разбилось. «Уж не стекло ли», — подумала она. Прислушалась, но все опять смолкло.

Потом послышались — а, может быть, они ей только почудились? — приглушенные звуки крадущихся шагов, скрип ступенек, шорох одежды, но, как и Блор до нее, она решила, что это плод ее разгоряченного воображения.

Однако вскоре раздались другие, на этот раз вполне явственные звуки, звуки доносились

снизу — там ходили, переговаривались. Потом раздались уж и вовсе громкие шаги на лестнице, затем загрохали двери, кто-то заходил взадвперед по чердаку, над ее головой. И вот шаги уже у ее двери.

— Вера? Вы здесь? — позвал ее Ломбард.

— Да. Что случилось?

— Вы нам не откроете? — сказал Блор.

Вера подошла к двери, вытащила стул, повернула ключ, отодвинула засов и открыла дверь. Мужчины задыхались, с их брюк капала вода.

— Что случилось? — повторила Вера.

— Армстронг исчез, — сказал Ломбард.

— То есть как? — выкрикнула Вера.

— Исчез, — сказал Ломбард. — На острове его нет.

— Вот именно что исчез, — подтвердил Блор. — Глазам своим не верю: да он просто фокусник, словом, ловкость рук и никакого мошенства.

— Ерунда, — прервала его Вера. — Он прячется.

— Да нет же, — возразил Блор, — здесь негде прятаться. Скала голая, точно коленка. Кроме того, луна вышла из-за туч. Светло как днем. А его нигде нет.

— Он прокрался обратно в дом, — сказала Вера.

— Мы и об этом подумали, — сказал Блор, — и

обыскали дом от подвала до чердака. Да вы, наверное, слышали, как мы ходили. Так вот, его здесь нет. Он исчез, испарился…

— Не может быть, — усомнилась Вера.

— И тем не менее это чистая правда, — сказал Ломбард. — Хочу также сообщить еще одну небольшую деталь: окно в столовой разбито и на столе всего три негритенка.

Глава пятнадцатая

Все трое собрались вокруг кухонного стола — завтракали. Светило солнце. Погода стояла великолепная. Ничто не напоминало о вчерашнем шторме. С переменой погоды переменилось и настроение узников. Они чувствовали себя так, словно пробудились от кошмара. Конечно, опасность не миновала, но при свете дня она не казалась такой страшной. Ужас, лишивший их способности действовать, спеленавший их наподобие смирительной рубашки, вчера, когда за стенами дома выл ветер, прошел.

— А что, если взобраться на самую вершину горы, — предложил Ломбард, — и посигналить зеркалом? Может, по холмам разгуливает какой-нибудь смекалистый парень, который догадается, что это «SOS». А вечером можно будет разжечь костер… Правда, дров у нас мало, к тому же, в деревне еще решат, что мы водим хороводы.

— Наверняка, кто-нибудь на берегу знает азбуку Морзе, и за нами еще до вечера пришлют лодку, — сказала Вера.

— Небо прояснилось, — сказал Ломбард. — Но

море довольно бурное. Волны большие, так что до завтра ни одна лодка не сможет пристать к острову.

— Еще ночь провести здесь! — ужаснулась Вера.

Ломбард пожал плечами.

— Ничего не попишешь! Я надеюсь, через сутки мы отсюда выберемся. Нам бы только продержаться еще сутки, и мы спасены.

Блор прочистил горло.

— Пора внести ясность, — сказал он. — Что случилось с Армстронгом?

— У нас есть от чего оттолкнуться, — сказал Ломбард. — В столовой осталось всего три негритенка. А раз так, значит, Армстронга укокошили.

— Тогда почему же вы не нашли его труп? — спросила Вера.

— Вот именно, — поддержал Веру Блор.

Ломбард покачал головой.

— Да, это очень странно, — сказал он. — Тут что-то не так.

— Его могли сбросить в море, — предположил Блор.

— Кто? — наскочил на Блора Ломбард. — Вы? Я? Вы видели, как он вышел из дому. Вернулись, позвали меня — я был у себя в комнате. Мы вместе

обыскали и дом, и все вокруг. Когда, интересно знать, я мог бы его убить и вдобавок еще перенести труп на другой конец острова?

— Этого я не знаю, — сказал Блор, — но одно я знаю твердо.

— Что именно? — переспросил Ломбард.

— А то, что у вас был револьвер. И теперь он снова у вас. И вы мне не докажете, что его у вас украли.

— Что вы городите, Блор: нас же всех обыскали.

— Ну и что: вы его припрятали до обыска. А потом снова вынули из тайника.

— Экий вы болван, говорю же вам, что его подбросили мне в ящик. Я прямо остолбенел, когда его увидел.

— Да за кого вы меня принимаете? — сказал Блор. — С какой стати Армстронг, да пусть и не Армстронг, а кто угодно, будет подбрасывать вам револьвер?

Ломбард в растерянности пожал плечами.

— Не имею ни малейшего представления. Полный бред.

Непонятно, кому это могло понадобиться. Не вижу здесь логики.

— Да, логики здесь нет. Вы и впрямь могли бы

придумать что-нибудь половчее, — согласился Блор.

— Разве это не доказывает, что я не вру?

— У меня другая точка зрения.

— Иного я от вас и не ожидал, — сказал Ломбард.

— Послушайте, Ломбард, если вы не хотите распроститься с репутацией честного человека, на которую претендуете…

— Вот уж на что никогда не претендовал, — буркнул себе под нос Ломбард. — С чего вы это взяли?

Блор невозмутимо продолжал:

— И если вы рассказали нам правду, вам остается лишь одно. Пока револьвер у вас, мы с мисс Клейторн в вашей власти. Если вы хотите поступить по совести — положите револьвер вместе с лекарствами и прочим в сейф, а ключи по-прежнему будут храниться у вас и у меня.

Филипп Ломбард зажег сигарету, выпустил кольцо дыма.

— Вы что, рехнулись? — спросил он.

— Значит, вы отвергаете мое предложение?

— Самым решительным образом. Револьвер мой, и я никому его не отдам.

— Раз так, — сказал Блор, — нам ничего не оста-

ется, как считать, что вы и есть…

— А.Н. Оним, верно? Считайте меня кем хотите. Но если это так, почему я вас не прикончил сегодня ночью? Мне представлялась бездна возможностей.

— Ваша правда, это и впрямь непонятно, — покачал головой Блор. — Наверное, у вас были свои причины.

До сих пор Вера не принимала участия в споре. Но тут и она не выдержала.

— Вы оба ведете себя как последние дураки, — сказала она.

— Это почему же? — уставился на нее Ломбард.

— Вы что, забыли про считалку? А ведь в ней есть ключ к разгадке.

И она со значением продекламировала: Четыре негритенка пошли купаться в море, Один попался на приманку, их осталось трое.

— «Попался на приманку» — вот он, этот ключ, и притом очень существенный. Армстронг жив, — продолжала Вера, — он нарочно выбросил негритенка, чтобы мы поверили в его смерть. Говорите что хотите, но я твердо убеждена: Армстронг здесь, на острове. Его исчезновение — просто-напросто уловка, та самая приманка, на которую мы попались.

Ломбард опустился на стул.

— Если вдуматься, вы, конечно, правы, — сказал он.

— Будь по-вашему, — сказал Блор.

— И все-таки, где же Армстронг? Мы же прочесали весь остров. Вдоль и поперек.

— Ну и что из того? — презрительно отмахнулась Вера. — Револьвер мы тоже в свое время искали и не нашли. И тем не менее он был тут, на острове.

— Знаете, между человеком и револьвером есть кое-какая разница, — буркнул Ломбард. — Хотя бы в размерах.

— Ну и что из того? — упрямилась Вера. — Я все равно права.

— А с чего бы наш А.Н. Оним так себя выдал? Упомянул в считалке про приманку. Он ведь мог ее слегка переиначить.

— Да разве вы не понимаете, что мы имеем дело с сумасшедшим! — напустилась на него Вера. — Ведь только сумасшедший может совершать преступление за преступлением в точном соответствии с детской считалкой! Соорудить судье мантию из клеенки, убить Роджерса, когда он рубит дрова, напичкать миссис Роджерс снотворным так, чтобы она не проснулась, запустить

шмеля в комнату, где погибла мисс Брент, — ведь все это проделано с поистине ребячьей жестокостью! Все, буквально все совпадает!

— Правда ваша, — согласился Блор. — Но уж зверинца тут, во всяком случае, нет. Так что не знаю, как он исхитрится, чтоб не отступить от считалки.

— А вы еще не поняли? — выпалила Вера. — В нас уже не осталось ничего человеческого — хоть сейчас отправляй в зверинец. Так что вот вам и зверинец.

Утро они провели на горе, каждый по очереди посылал при помощи маленького зеркальца сигналы на берег. Но, по-видимому, никто их не замечал. И ответных сигналов не посылал. Погода стояла прекрасная, легкая дымка окутывала берега Девона. Внизу море с ревом швыряло о скалы огромные волны. Ни одна лодка не вышла в море. Они снова обыскали остров и никаких следов Армстронга не обнаружили.

— На открытом воздухе чувствуешь себя гораздо лучше, — сказала Вера, посмотрев на дом, и после небольшой заминки продолжала: — Давайте останемся здесь, я не хочу возвращаться туда.

— Отличная мысль, — сказал Ломбард. — Пока мы здесь, нам ничто не угрожает: если кто и за-

хочет на нас напасть, мы увидим его издалека.

— Решено, остаемся здесь, — сказала Вера.

— Но на ночь-то нам придется вернуться, — возразил Блор, — нельзя же ночевать под открытым небом.

Веру передернуло.

— Я и думать об этом не могу. Второй такой ночи мне не вынести.

— Запритесь в своей комнате — и вы в полной безопасности, — сказал Филипп.

— Наверное, вы правы, — пробормотала Вера не слишком уверенно. — Как все-таки приятно понежиться на солнышке, — и она потянулась.

«Самое удивительное, — думала она, — что я, пожалуй, даже счастлива. Меж тем опасность не миновала… Но почему-то она меня перестала тревожить… во всяком случае, днем… Я чувствую себя сильной… Чувствую, что я не умру…»

Блор посмотрел на часы.

— Два часа, — объявил он. — Как насчет ленча?

— Нет, нет, я не пойду в дом. Останусь здесь на открытом воздухе.

— Да будет вам, мисс Клейторн. Эдак мы ослабнем, а силы нам понадобятся.

— Меня затошнит от одного вида консервиро-

ванных языков. Я не хочу есть. Бывает, люди не едят по нескольку дней, когда хотят похудеть, скажем.

— Что до меня, — заметил Блор, — я не могу обходиться без еды. А как насчет вас, мистер Ломбард?

— Знаете, меня консервированные языки не соблазняют, — сказал Ломбард. — Я, пожалуй, составлю компанию мисс Клейторн.

Блор заколебался.

— Не беспокойтесь обо мне, — сказала Вера. — Ничего со мной не случится. Если вы боитесь, что он меня убьет, стоит вам уйти, то, по-моему, ваши опасения напрасны.

— Дело ваше, — сказал Блор. — Но мы же договорились держаться заодно.

— Твердо решили идти к льву в логовище? — спросил Ломбард. — Хотите, я пойду с вами?

— Решительно не хочу, — отрезал Блор. — Оставайтесь здесь.

— Ага, значит, вы все-таки меня боитесь? — захохотал Филипп. — Вы что, не понимаете: если б я хотел, я мог бы пристрелить вас обоих, не сходя с места?

— Да, но тогда вам пришлось бы отступить от плана, — сказал Блор. — По плану мы должны

погибнуть один за другим в полном соответствии с треклятой считалкой.

— Что-то вы слишком уверенно об этом говорите! — сказал Филипп.

— По правде говоря, как подумаю, что надо идти одному в этот паршивый дом, у меня поджилки трясутся, — сказал Блор.

— И поэтому, — понизив голос, сказал Филипп, — вы хотите, чтоб я дал вам револьвер? Так вот, нет и нет, не дам! Не такой я дурак!

Блор пожал плечами и полез по крутому склону к дому.

— В зверинце начинается обед, — заметил Ломбард. — Звери привыкли получать пищу в определенные часы.

— Как вы думаете, Блор очень рискует? — забеспокоилась Вера.

— По-моему, особой опасности здесь нет: у Армстронга нет оружия, Блор раза в два его сильнее, и, кроме того, он начеку. И потом, Армстронг просто не может там быть.

Более того, я уверен, что его там нет.

— Но если Армстронга там нет, значит…

— Значит, это Блор, — сказал Филипп.

— Вы, и правда, думаете?..

— Послушайте, голубушка, версия Блора вам

известна. Если Блор не врал, я непричастен к исчезновению Армстронга. Его рассказ обеляет меня. Но не его. Он утверждает, что услышал шаги и увидел человека, вышедшего из дому. Но он вполне мог соврать. Предположим, что он укокошил Армстронга часа за два до этого.

— Каким образом?

Ломбард пожал плечами.

— Это нам не известно. Хотите знать мое мнение: если нам кого и следует бояться, так только Блора. Что мы о нем знаем? Практически ничего. Не исключено, что он никогда и не служил в полиции. Он может оказаться кем угодно: свихнувшимся миллионером… сумасшедшим бизнесменом… убежавшим каторжанином. Доподлинно мы знаем про него только одно. Он вполне мог совершить каждое из этих преступлений.

Вера побледнела.

— Что если он доберется и до нас? — прошептала она еле слышно.

Ломбард нащупал в кармане револьвер.

— Не беспокойтесь, — тихо сказал он, — положитесь на меня. — Потом поглядел с любопытством на девушку и сказал: — Вы относитесь ко мне с Трогательной доверчивостью… Почему вы

так уверены, что я вас не убью?

— Надо же кому-то верить, — сказала Вера. — Я считаю, что вы ошибаетесь насчет Блора. Я по-прежнему думаю, что убийца Армстронг. А у вас нет ощущения, что на острове есть кто-то, кроме нас, — она обернулась к Филиппу, — кто-то, Кто следит за нами и выжидает?

— Это чисто нервное.

— Значит, и вы это чувствуете? — наседала на Ломбарда Вера. — Скажите, а вам не приходило в голову… — она запнулась, но тут же начала снова: — Я как-то читала книгу, там рассказывалось о двух судьях, которые приехали в американский городишко как представители Верховного суда. Вершить там суд, абсолютно справедливый суд.

Так вот, эти судьи, они… ну, словом, они прибыли из другого мира.

Ломбард поднял бровь.

— Посланцы неба, не иначе, — засмеялся он. — Нет, я не верю в сверхъестественное. Все, что происходит здесь, это дело рук человеческих.

— Иногда я в этом сомневаюсь, — еле слышно сказала Вера.

— Это в вас совесть заговорила, — ответил Ломбард, окинув ее долгим взглядом. И, помолчав немного, как бы между прочим, добавил: — Зна-

чит, мальчишку вы все-таки утопили?

— Нет! Нет! Не смейте так говорить!

— Да, да, утопили, — Ломбард добродушно засмеялся. — Не знаю, почему. И представить даже не могу, почему. Вот разве что тут был замешан мужчина. Угадал?

Вера вдруг почувствовала бесконечную усталость, все стало ей безразлично.

— Да, — тупо повторила она. — Тут был замешан мужчина.

— Спасибо, — сказал Ломбард, — это все, что я хотел знать.

Вдруг Вера подскочила.

— Что случилось? — вскрикнула она. — Уж не землетрясение ли!

— Да нет, какое там землетрясение. И все-таки не могу понять, в чем дело: земля дрогнула, словно от сильного удара. Потом, мне почудился… а вы слышали крик? Я слышал.

Оба посмотрели на дом.

— Грохот донесся оттуда. Пойдем посмотрим, что там происходит? — предложил Ломбард.

— Нет, нет, ни за что.

— Как хотите. Я пошел.

— Ладно. И я пойду с вами, — упавшим голосом сказала Вера.

Они вскарабкались вверх по склону, подошли к дому. У залитой солнцем площадки перед домом вид был на редкость мирный и приветливый. Они постояли там минуту-другую, потом решили из осторожности сначала обогнуть дом. И чуть не сразу наткнулись на Блора. Он лежал, раскинув руки, на каменной площадке с восточной стороны дома — голова его была разбита: на него свалилась глыба белого мрамора.

— Чья это комната над нами? — спросил Ломбард.

— Моя, — дрогнувшим голосом ответила Вера. — А это — часы с моей каминной полки… Ну да, они самые, белые мраморные часы в виде медведя. В виде медведя, — повторила она, и голос ее пресекся.

Филипп положил руку ей на плечо.

— Теперь все ясно, — мрачно сказал он, — Армстронг прячется в доме. Но на этот раз он от меня не уйдет.

Вера вцепилась в него.

— Не валяйте дурака! Настал наш черед. Мы последуем за Блором. Он только того и ждет, что мы пойдем его искать. Он на это рассчитывает.

— Вполне возможно, — подумав, сказал Филипп.

— Во всяком случае, теперь вы должны признать, что мои подозрения оправдались.

Он кивнул.

— Да, вы были правы. Конечно же, это Армстронг. Но где же он, чтоб его черт побрал, прячется? Мы с Блором прочесали весь остров.

— Если вы не нашли его прошлой ночью, значит, вам не найти его и сейчас, — сказала Вера. — Это же ясно как божий день.

— Так-то оно так, и все же… — упорствовал Ломбард.

— Он наверняка заранее соорудил себе тайник — как мы только не догадались, это же элементарно. Знаете, наподобие тех тайников в старых усадьбах, где прятали католических священников.

— Вы забываете, что здесь не старая усадьба, а современный дом.

— И все равно он мог построить здесь тайник.

Филипп помотал головой.

— Мы на следующее же утро после приезда обмерили весь дом, и я ручаюсь, что здесь нет никаких пустот.

— Вы, наверное, ошиблись, — сказала Вера.

— Мне хотелось бы проверить…

— Проверить? Он только этого и ждет. Устроил

в доме засаду — поджидает вас.

— Вы забываете, что я вооружен, — запротестовал Ломбард, наполовину вытянув из кармана револьвер.

— Вы уже говорили, что Блору нечего бояться — Армстронгу с ним не справиться. Он физически его сильнее, и потом он был начеку. Но вы не учитываете, что Армстронг сумасшедший. А у сумасшедшего уйма преимуществ перед нормальными людьми. Он вдвое хитрее.

Ломбард сунул револьвер обратно в карман.

— Будь по-вашему, — сказал он.

— Ну, а ночью что мы будем делать? — спросил Ломбард чуть спустя.

Вера не ответила.

— Об этом вы не подумали? — напустился он на нее.

— Что мы будем делать? — обескураженно повторила Вера. — Господи, как я боюсь…

— Впрочем, не беда, погода сегодня сносная, — рассудительно сказал Ломбард. — Ночь будет лунная. Найдем безопасное место, заберемся повыше на скалу. Пересидим там ночь, дождемся утра. Главное — не уснуть… Прокараулим ночь, а если кто попробует к нам подойти, я его пристрелю. А может, вы боитесь холода? — помолчав,

спросил он, — На вас такое легкое платье.

— Холода? Мертвым холоднее. — Вера закатилась пронзительным смехом.

— Ваша правда, — согласился Ломбард.

Вера нетерпеливо ерзала на месте.

— Не могу больше здесь сидеть. Этак я с ума сойду. Давайте немного походим.

— Я не прочь.

То опускаясь, то поднимаясь, они медленно побрели вдоль нависшей над морем скалы. Солнце заходило. Его лучи золотили море, окутывали Веру и Ломбарда золотистой дымкой.

— Жаль, что мы не можем искупаться… — сказала Вера с каким-то нервным смешком.

Филипп посмотрел на море.

— Что это там? — прервал он ее. — Вон у того большого камня? Да нет, чуть подальше, правей.

Вера вгляделась.

— Похоже, сверток с одеждой, — сказала она.

— Уж не купальщик ли? — хохотнул Ломбард. — Впрочем, вряд ли. Скорее всего, водоросли.

— Спустимся, посмотрим, — предложила Вера.

— Это одежда, — сказал Ломбард, когда они спустились ниже. — Вернее сверток с одеждой. Смотрите, вон башмак. Давайте подойдем поближе.

Карабкаясь по утесам, они поползли вниз, но вдруг Вера остановилась.

— Это не одежда. Это человек, — сказала она.

Труп застрял между двумя камнями, — очевидно, его забросил туда прилив.

Вера и Ломбард, преодолев последний утес, подобрались к утопленнику. Склонились над ним. И увидели посиневшее, разбухшее, страшное лицо.

— Господи, — воскликнул Ломбард, — да это же Армстронг!

Глава шестнадцатая

Казалось, прошла вечность… мир кружился, вращался… Время не двигалось. Оно остановилось — тысяча веков миновало. Да нет, прошла всего минута. Двое стояли, смотрели на утопленника… Наконец медленно, очень медленно Вера и Филипп подняли головы, поглядели друг другу в глаза.

Ломбард рассмеялся.

— Ну вот, все выяснилось, — сказал он.

— Кроме нас двоих, на острове никого — никого — не осталось, — сказала Вера чуть не шепотом.

— Вот именно, — сказал Ломбард. — Теперь все сомнения рассеялись, не так ли?

— Как вам удался этот фокус с мраморным медведем? — спросила Вера.

Он пожал плечами.

— Ловкость рук и никакого мошенства, голубушка, только и всего…

Их взгляды снова скрестились.

«А ведь я его только сейчас разглядела, — подумала Вера. — На волка — вот на кого он похож… У него Совершенно волчий оскал…

— Это конец, понимаете, конец, — сказал Ломбард, в голосе его сквозила угроза. — Нам открылась правда. И конец близок…

— Понимаю, — невозмутимо ответила Вера.

И снова стала смотреть на море. «Генерал Макартур тоже смотрел на море, когда же это было? Всего лишь вчера? Или позавчера? И он точно так же сказал: „Это конец!“ Сказал смиренно, чуть ли не радостно…»

Но одна лишь мысль о конце вызывала возмущение в душе Веры. «Нет, нет, она не умрет, этого не будете — Вера перевела взгляд на утопленника.

— Бедный доктор Армстронг! — сказала она.

— Что я вижу? — с издевкой протянул Ломбард. — Исконное женское сострадание?

— А почему бы и нет? — сказала Вера. — Разве вы не испытываете сострадание?

— Во всяком случае, не к вам. Вам я не советую рассчитывать на мое сострадание.

Вера снова перевела глаза на труп.

— Нельзя оставлять тело здесь. Надо перенести его в дом.

— Чтобы собрать все жертвы вместе? Порядок прежде всего? А по мне, пусть лежит здесь — меня это не волнует.

— Ну, хотя бы поднимем труп повыше, чтобы его не смыл прибой.

— Валяйте, — засмеялся Ломбард.

Нагнулся, потянул к себе утопленника. Вера, присев на корточки, помогала ему.

— Работенка не из легких. — Ломбард тяжело дышал.

Наконец им удалось вытащить труп из воды.

Ломбард разогнулся.

— Ну как, теперь довольны? — спросил он.

— Вполне, — сказала Вера.

Ее тон заставил Ломбарда насторожиться. Он повернулся к ней, но, еще не донеся руку до кармана, понял, что револьвера там нет. Вера стояла метрах в двух, нацелив на него револьвер.

— Вот в чем причина женской заботы о ближнем! — сказал Ломбард. — Вы хотели залезть ко мне в карман.

Она кивнула. Ее рука с револьвером даже не дрогнула.

Смерть была близко. Никогда еще она не была ближе. Но Филипп Ломбард не собирался капитулировать.

— Дайте-ка сюда револьвер, — приказал он.

Вера рассмеялась.

— А ну, отдайте его мне, — сказал Ломбард.

Мозг его работал четко: «Что делать? Как к ней подступиться? Заговорить зубы? Усыпить ее страх? А может, просто вырвать у нее револьвер? Всю свою жизнь Ломбард шел на риск. Поздно меняться».

— Послушайте, голубушка, вот что вам скажу, — властно, с расстановкой начал он. И не докончив фразы, бросился на нее. Пантера, тигр, и те не бросились бы стремительнее… Вера машинально нажала курок… Пуля прошила Ломбарда, он тяжело грохнулся на скалу.

Вера, не спуская пальца с курка, осторожно приблизилась к Ломбарду. Напрасная предосторожность. Ломбард был мертв — пуля пронзила ему сердце.

Облегчение, невероятное, невыразимое облегчение — вот что почувствовала Вера. Конец, наступил конец. Ей некого больше бояться, ни к чему крепиться… Она одна на острове. Одна с девятью трупами. Ну и что с того? Она-то жива!.. Она сидела у моря и чувствовала себя невыразимо счастливой, счастливой и безмятежной… Бояться больше было некого.

Солнце садилось, когда Вера наконец решилась вернуться в дом. Радость была так сильна, что просто парализовала ее. Подумать только — ей

ничего не угрожает, она упивалась этим изумительным ощущением.

Лишь чуть погодя она поняла, что ей до смерти хочется есть и спать. Но прежде всего — спать. Нырнуть в постель и спать, спать, спать без конца… Может быть, завтра все же придет лодка и ее вызволят, а впрочем, какая ей разница. Никакой — она не прочь остаться и здесь. Особенно сейчас, когда на острове больше никого нет. Здесь такой покой, благословенный покой…

Она встала, посмотрела на дом. Ей больше нечего бояться! Для страхов нет оснований! Дом как дом, удобный, современный! Вспомнить только, что несколько часов назад один его вид приводил ее в трепет…

Страх… что за странное чувство… Но все страхи теперь позади. Она победила… одолела самую гибельную опасность. У нее хватило и смекалки, и ловкости, чтобы взять реванш над противником.

Она стала подниматься к дому. Солнце садилось в море, небо исчертили багровые, огненные полосы. Красота, покой…

«Уж не привиделись ли мне эти ужасы во сне?» — подумала Вера.

Она устала… До чего же она устала. Все ее тело ныло, глаза сами собой закрывались. Ей нечего

больше бояться… Она будет спать. Спать… спать… спать… Спать спокойно: ведь кроме нее, на острове никого нет. Последний негритенок поглядел устало…

Вера улыбнулась. Вошла в дом. Здесь тоже царил покой, непривычный покой. Она подумала: «При других обстоятельствах я вряд ли бы решилась спать в доме, где чуть не в каждой комнате по мертвецу. Может, пойти сначала на кухню поесть? Да нет, не стоит. Бог с ней, с едой. Она просто падает от усталости…» Она миновала двери столовой. На столе все еще стояли три фигурки.

«Вы явно отстаете, мои маленькие друзья», — сказала она со смехом и вышвырнула двух негритят в окно. Осколки разлетелись по каменной площадке. Зажав третьего негритенка в руке, она сказала: — Пойдем со мной! Мы победили, малыш! Победили!

Холл освещал угасающий свет заходящего солнца. Вера, зажав в руке негритенка, поднималась по лестнице. Медленно-медленно, еле передвигая ноги.

Последний негритенок поглядел устало…

«Как же кончается считалка? Ах, да: „Он пошел жениться, и никого не стало“.

Жениться… Чудно, ей опять показалось, что

Хьюго здесь, в доме… Да, это так. Он ждет ее наверху.

— Не глупи, — сказала себе Вера. — Ты устала и у тебя разыгралось воображение.

Она медленно тащилась по лестнице. На площадке револьвер выскользнул из ее руки, звук его падения заглушил толстый ковер. Вера не заметила, что потеряла револьвер. Ее внимание занимал фарфоровый негритенок. «До чего тихо в доме! Почему же ей все кажется, что в доме кто-то есть? Это Хьюго, он ждет ее наверху… Последний негритенок поглядел устало…

О чем же говорилось в последнем куплете? Он пошел жениться, так, что ли? Нет, нет… И вот она уже возле своей двери. Хьюго ждет ее там — она ни минуты в этом не сомневается».

Она открыла дверь… Вскрикнула от удивления… «Что это висит на крюке? Неужели веревка с готовой петлей. А внизу стул — она должна на него встать, потом оттолкнуть его ногой… Так вот чего хочет от нее Хьюго… Ну да, и в последней строчке считалки так и говорится:

Он пошел повесился, и никого не стало!

Фарфоровый негритенок выпал из ее руки, покатился по полу, разбился о каминную решетку. Вера машинально сделала шаг вперед. Вот он,

конец — где ему и быть, как не здесь, где холодная мокрая рука Сирила коснулась ее руки.

Плыви к скале, Сирил, я разрешаю.

«Нет ничего проще убийства! Но потом… потом воспоминая о нем никогда не покидают тебя…»

Вера встала на стул, глаза ее были раскрыты широко, как у сомнамбулы… Накинула петлю на шею. «Хьюго следит, чтобы она исполнила свой долг — он ждет».

Вера оттолкнула стул…

Эпилог

— Нет, это невозможно! — взорвался сэр Томас Легг, помощник комиссара Скотланд-Ярда.

— Совершенно верно, сэр, — почтительно ответствовал инспектор Мейн.

— На острове нашли десять трупов — и ни единой живой души. Бред какой-то!

— И тем не менее это так, — невозмутимо сказал инспектор.

— Но, чтоб мне пусто было, кто-то же их все-таки убил? — сказал сэр Томас Легг.

— Именно эту загадку мы и пытаемся разгадать, сэр.

— А медицинская экспертиза вам ничего не дала?

— Ничего, сэр. Уоргрейва и Ломбарда застрелили.

Уоргрейва выстрелом в голову, Ломбарда — в сердце.

Мисс Брент и Марстон умерли от отравления цианистым калием, а миссис Роджерс от сильной дозы снотворного.

Роджерса хватили топором по голове. У Блора

размозжена голова. Армстронг утонул. Генералу Макартуру ударом по затылку раздробили череп. Веру Клейторн нашли в петле.

Помощник комиссара скривился.

— Темное дело…

Помолчал, собираясь с мыслями, и снова напустился на инспектора Мейна:

— А вам не удалось ничего выведать у жителей Стиклхевна? Не может быть, чтобы они ничего не знали.

Инспектор Мейн пожал плечами.

— Здесь живут рыбаки, сэр, люди простые, скромные.

Они знают, что остров купил некий мистер Оним — только и всего.

— Но должен же был кто-то доставить на остров продовольствие, приготовить дом к приезду гостей.

— Этим занимался Моррис. Некий Айзек Моррис.

— И что же он говорит?

— Ничего, сэр, его нет в живых.

Помощник комиссара насупился:

— Мы что-нибудь знаем об этом Моррисе?

— Знаем, как не знать, сэр. Весьма малопочтенная личность. Года три назад он был замешан в

афере Беннито, помните, они тогда взвинтили цены на акции, но доказать, что он в этом участвовал, мы не могли. Причастен он был и к той афере с наркотиками. И опять же мы ничего не смогли доказать. Моррис умел выходить сухим из воды.

— Это он вел переговоры о покупке Негритянского острова?

— Да, сэр, но он не скрывал, что покупает остров для клиента, который желает остаться неизвестным.

— Почему бы вам не покопаться в его финансовых делах, может быть, вы бы что-нибудь там и выудили?

Инспектор Мейн улыбнулся.

— Знай вы Морриса, сэр, вам никогда бы не пришла в голову такая мысль. Он умел оперировать с цифрами, мог запутать и лучших экспертов страны. Мы хлебнули с ним лиха в деле Беннито. Он и здесь тоже запутал все следы, а найти, кто его нанимал, нам пока не удалось.

Томас Легг вздохнул.

— Моррис приехал в Стиклхевн, договорился обо всех хозяйственных делах. Сказал, что действует от имени мистера Онима. Он же и разъяснил жителям Стиклхевна, что гости мисте-

ра Онима заключили пари, обязались прожить на острове неделю. Поэтому какие бы сигналы они ни подавали, обращать на них внимание не стоит.

Сэр Томас Легг заерзал в кресле:

— И вы хотите меня убедить, Мейн, что местные жители и тут ничего не заподозрили?

Мейн пожал плечами.

— Сэр, вы забываете, что Негритянский остров раньше принадлежал Элмеру Робсону, молодому американскому миллионеру. Чего он и его гости там только ни выделывали. У жителей Стилкхевна просто глаза на лоб лезли. Но в конце концов ко всему привыкаешь, и они сжились с мыслью, что на этом острове должно твориться черт-те что. Если поразмыслить, их можно понять.

Сэру Томасу Леггу пришлось согласиться.

— Фред Нарракотт — это он перевез гостей на остров — обронил одну весьма знаменательную фразу. Он сказал, что вид гостей его удивил. «У мистера Робсона собиралась совсем другая публика». И я думаю, именно потому, что это были такие обычные, ничем не приметные люди, он нарушил приказ Морриса и по сигналу «SOS» отправился им на помощь.

— Когда именно Нарракотт и его люди попали

на остров?

— Утром 11-го сигналы «SOS» заметила группа скаутов. Однако добраться до острова не было никакой возможности. Пристать к острову Нарракотту удалось лишь 12-го в полдень. Местные жители утверждают, что до этого никто не мог покинуть остров. После шторма море еще долго не успокаивалось.

— А вплавь никто не мог оттуда улизнуть?

— От острова до берега не меньше полутора километров, вдобавок, море было бурное, волны со страшной силой обрушивались на берег. И потом на прибрежных скалах стояли скауты, рыбаки — они во все глаза следили за островом.

У сэра Томаса Легга вырвался вздох.

— Кстати, как насчет пластинки, которую нашли в доме? Может быть, она нам чем-нибудь поможет?

— Я изучил этот вопрос, сэр, — сказал инспектор Мейн. — Пластинка изготовлена фирмой, поставляющей реквизит для театра и кино. Отправлена А. Н. Ониму, эсквайру, по просьбе Айзека Морриса, предполагалось, что ее заказали для любительской постановки неопубликованной пьесы. Машинописный текст возвратили вместе с пластинкой.

— Ну, а сам текст вам ничего не дал? — спросил сэр Томас Легг.

— Я перехожу к этому пункту, сэр, — инспектор Мейн откашлялся. — Я, насколько это было возможно, провел самое тщательное расследование тех обвинений, которые содержал текст пластинки. Начал я с Роджерсов — они приехали на остров первыми. Чета Роджерс была в услужении у некой мисс Брейди. Мисс Брейди скоропостижно скончалась. Лечивший ее врач ничего определенного сказать не мог. Из его слов я сделал вывод, что нет никаких оснований считать, будто Роджерсы ее отравили, скорее, они просто допустили небрежность в уходе за больной, иначе говоря, кое-какие поводы для подозрений имеются. Но доказать основательность подобных подозрений практически невозможно.

Далее следует судья Уоргрейв. Его ни в чем не упрекнешь. Он отправил на виселицу Ситона. Но Ситон и в самом деле был виновен, и тут никаких сомнений нет. Исчерпывающие доказательства его вины, правда, обнаружились много лет спустя после казни. Но во время процесса девять из десяти человек считали Ситона невиновным и были убеждены, что судья просто-напросто сводит с ним счеты.

Вера Клейторн, как я выяснил, служила одно время гувернанткой в семье, где утонул маленький мальчик. Но она, похоже, не имела к этому никакого отношения. Более того, она пыталась спасти ребенка — бросилась в воду, и ее унесло в открытое море, так что она сама едва не погибла.

— Продолжайте, Мейн, — вздохнул Легг.

— Перейду к доктору Армстронгу, — сказал Мейн. — Весьма заметная фигура. Кабинет на Харли-стрит. Пользуется репутацией знающего, надежного врача. Ни следа нелегальных операций, ничего, похожего, однако он и в самом, деле оперировал пациентку по фамилии Клине, в 1925 году, в Лейтморе — он тогда работал в тамошней больнице. У нее был перитонит, и она скончалась прямо на операционном столе. Может быть, Армстронг и не очень искусно провел операцию: он ведь только начинал оперировать, но от неумелости до преступления далеко. Ясно одно: никаких причин убивать эту женщину у него не было.

Далее — Эмили Брент. Беатриса Тейлор была у нее в услужении. Она забеременела, старая Дева вышвырнула ее на улицу, и девушка от отчаяния утопилась. Жестокий поступок, но состава преступления и тут нет.

— В том-то вся штука, — сказал сэр Томас

Легг. — Видно, мистера Онима интересовали преступления, за которые невозможно было привлечь к суду.

Мейн невозмутимо продолжал перечислять:

— Молодой Марстон был бесшабашным водителем. У него дважды отнимали водительские права, и, по-моему, ему следовало навсегда запретить водить машину. Больше за ним ничего не числится. Джон и Люси Комбс — это ребятишки, которых он задавил неподалеку от Кембриджа. Приятели Марстона дали показания в его пользу, и он отделался штрафом.

Относительно генерала Макартура и вовсе ничего разыскать не удалось. Блестящий послужной список, мужественное поведение на фронте… и все прочее, тому подобное. Артур Ричмонд служил под его началом во Франции, был послан в разведку и убит. Никаких трений между ним и генералом не замечали. Более того, они были добрыми друзьями. Досадные промахи в то время допускали многие — командиры напрасно жертвовали людьми. Не исключено, что речь идет о такого рода промахе.

— Не исключено, — согласился сэр Томас Легг.

— Перейдем к Филиппу Ломбарду. Он был замешан во многих темных делишках, по пре-

имуществу за границей. Раз или два чуть не угодил за решетку. У него репутация человека отчаянного, который ни перед чем не остановится. Из тех, кто может совершить убийство, и не одно, в каком-нибудь Богом забытом уголке.

— Теперь перейдем к Блору. — Мейн запнулся. — Должен напомнить, что Блор был нашим коллегой.

Помощник комиссара заерзал в кресле.

— Блор был прохвост, — выкрикнул он.

— Вы в этом уверены, сэр?

— Он всегда был у меня на подозрении. Но он умел выйти сухим из воды. Я убежден, что Блор дал ложные показания по делу Ландора. Результаты следствия меня не удовлетворили. Но никаких доказательств его вины мне обнаружить не удалось. Я поручил Харрису заняться делом Ландора, но и ему ничего не удалось обнаружить.

И все равно я остаюсь при своем убеждении: знай мы, как взяться за дело, мы бы доказали вину Блора. Он, безусловно, был мошенником, — сэр Легг помолчал и сказал: — Так вы говорите, Айзек Моррис умер? Когда он умер?

— Я ожидал этого вопроса, сэр. Моррис скончался в ночь на 8-е августа. Принял, как я понимаю, слишком большую дозу снотворного. Опять-таки

нет никаких данных — трудно решить, что имело место: самоубийство или несчастный случай.

Легг спросил:

— Хотите знать, что я об этом думаю?

— Могу догадаться, сэр.

— Айзек Моррис умер в очень подходящий момент.

Инспектор кивнул:

— Я знал, что и вам это придет в голову.

Сэр Томас Легг ударил кулаком по столу:

— Все это неправдоподобно, просто невероятно! Десять человек убиты на голой скале посреди океана, а мы не знаем, ни кто их убил, ни почему, ни как.

Мейн кашлянул.

— Вы не совсем правы, сэр. Почему этот человек убивал, мы, во всяком случае, знаем. Это, несомненно, маньяк, помешавшийся на идее правосудия. Он приложил немало трудов, чтобы разыскать людей, которые были недосягаемы для закона. И выбрал из них десять человек: виновных или невинных — это для нас значения не имеет…

Помощник комиссара снова заерзал.

— Не имеет значения? — прервал он инспектора. — А по-моему… — он запнулся. Инспектор

почтительно ждал. Легг вздохнул, покачал головой. — Продолжайте, — сказал он. — Мне показалось, что я ухватил нить. Нить, которая поможет нам распутать тайну этих преступлений. И тут же ее упустил. Так что вы там говорили, Мейн?

— Так вот, эти десять человек заслуживали, скажем так, смерти. И они умерли. А.Н. Оним выполнил свою задачу. Не могу сказать, как это ему удалось, но сам он непонятным образом скрылся с острова, буквально испарился.

— Да, любой иллюзионист ему бы позавидовал. Но знаете, Мейн, наверняка эта история имеет и вполне реальное объяснение.

— Насколько я понимаю, вы думаете, сэр, что, если этого человека на острове не было, значит, он не мог его покинуть, а если верить записям жертв, его и впрямь там не было. Напрашивается единственно возможное объяснение: убийца один из десятерых.

Сэр Томас Легг кивнул, и Мейн продолжил свой рассказ.

— Такая догадка возникала и у нас. Мы проверили ее. Должен сказать, нам кое-что известно о том, что творилось на Негритянском острове. Вера Клейторн вела дневник, вела дневник

и Эмили Брент. Старик Уоргрейв вел записи, заметки, написанные сухим языком судебных протоколов, но проливающие свет на кое-какие обстоятельства. Делал записи и Блор. Факты, фигурирующие в этих записях, совпадают. Умерли они в таком порядке: Марстон, миссис Роджерс, генерал Макартур, Роджерс, мисс Брент, судья Уоргрейв. После смерти судьи Вера Клейторн записала в дневнике, что Армстронг ушел из дому посреди ночи, а Блор и Ломбард бросились следом за ним.

В блокноте Блора есть, очевидно, более поздняя запись:

«Армстронг исчез». Теперь, когда мы рассмотрели все эти обстоятельства, разгадка просто напрашивается. Армстронг, как вы помните, утонул. А раз он был сумасшедший, что мешало ему убить одного за другим девять человек и самому покончить жизнь самоубийством, бросившись со скалы в море, хотя я не исключаю, что он попросту хотел вплавь добраться до берега.

Отличная разгадка, но она никак не выдерживает проверки. Решительно не выдерживает. Во-первых, нельзя не считаться с показаниями судебного врача. Он прибыл на остров 13-го, рано утром. Он мало чем мог нам помочь.

Сказал только, что эти люди умерли, по меньшей мере, тридцать шесть часов назад, не исключено, что и гораздо раньше. Насчет Армстронга он высказался куда более определенно. Сказал, что его труп находился в воде часов восемь — десять, после чего его выкинуло на берег. Из этого вытекает, что Армстронг утонул в ночь с 10-го на 11-е, и я сейчас обосную, почему это так. Нам удалось установить, куда прибило труп: он застрял между двумя камнями — на них обнаружились обрывки ткани, волосы и т. д. Очевидно, труп выбросило туда приливом 11-го, часов около 11-ти утра. Потом шторм утих — следующий прилив так высоко не поднимался.

Вы можете возразить, что Армстронг ухитрился убрать всех троих до того, как утонул. Но имеется одно противоречие, мимо которого мы не можем пройти. Линия прилива не доходила до того места, где мы обнаружили тело Армстронга. Прилив так высоко не поднимался. К тому же он лежал, руки-ноги по швам, честь по чести, чего никогда бы не было, если б его выбросил прилив. Из этого неоспоримо вытекает, что Армстронг умер не последним.

Мейн перевел дух и продолжал:

— Отталкиваясь от этих фактов, пойдем даль-

ше.

Итак, как обстояли дела на острове утром 11-го? Армстронг «исчез» (утонул). Значит, в живых остались трое:

Ломбард, Блор и Вера Клейторн. Ломбард убит выстрелом из револьвера. Его труп нашли рядом с телом Армстронга.

Веру Клейторн нашли повешенной в ее же комнате, Блор лежал на площадке перед домом. Голова его была размозжена глыбой мрамора: есть все основания полагать, что она упала на него из окна сверху.

— Из какого окна? — встрепенулся Легг. — Чьей комнаты?

— Комнаты Веры Клейторн. А теперь, сэр, я остановлюсь на каждом из этих случаев по отдельности. Начну с Филиппа Ломбарда. Предположим, что он сбросил мраморную глыбу на Блора, затем подмешал девушке в питье наркотик и повесил ее, после чего спустился к морю и застрелился там из револьвера. Но кто в таком случае взял его револьвер? Ведь револьвер мы нашли в доме, на пороге комнаты Уоргрейва.

— Чьи отпечатки пальцев на нем обнаружились?

— Веры Клейторн.

— Но раз так, совершенно ясно, что…

— Понимаю, что вы хотите сказать, сэр. Совершенно ясно, что это Вера Клейторн. Она застрелила Ломбарда, пришла в дом с револьвером, сбросила на голову Блора мраморную глыбу, а затем повесилась. Это было бы вполне возможно. К сиденью одного из стульев в ее комнате прилипли водоросли — точь-в-точь такие же, какие обнаружены на подошвах ее туфель. Похоже, что она встала на стул, накинула петлю на шею и оттолкнула стул.

Но и здесь есть одна загвоздка: если бы Вера оттолкнула стул, он валялся бы на полу. А стул стоял в ряд с другими стульями у стены. Значит, его поднял и поставил к стене кто-то другой, уже после смерти Веры Клейторн.

Остается Блор. Но если вы скажете мне, что, убив Ломбарда и заставив повеситься Веру, он вышел из дому и обрушил на себя мраморную глыбу, дернув за предварительно привязанную к ней веревку или каким-либо иным способом, я вам не поверю. Никто не совершает самоубийство подобным образом, да и не такой человек был Блор. Нам ли не знать Блора: кого-кого, а его в стремлении к высшей справедливости никак не заподозришь.

— Ваша правда, Мейн, — сказал Легг.

Инспектор продолжал:

— А раз так, сэр, значит, на острове должен был находиться еще кто-то. Этот «кто-то», когда все было закончено, и навел порядок. Но где он прятался все эти дни и куда скрылся? Жители Стиклхевна абсолютно уверены, что никто не мог покинуть остров до прихода лодки. А в таком случае… — он запнулся.

— Что в таком случае? — спросил сэр Томас Легг.

Инспектор вздохнул. Покачал головой. Наклонился к помощнику комиссара:

— В таком случае, кто же их убил? — спросил он.

Рукопись, которую переслал в Скотланд-Ярд капитан рыболовецкого судна «Эмма Джейн»

Еще в юности я понял, сколь противоречива моя натура. Прежде всего скажу, что романтика пленяла меня всю жизнь. Романтический прием приключенческих романов, которыми я зачитывался в детстве: важный документ бросают в море, предварительно запечатав его в бутылку, неизменно сохранял для меня очарование. Сохраняет он его и сейчас — вот почему я и решил написать исповедь, запечатать ее в бутылку и доверить волнам. Один шанс из ста, что мою исповедь найдут и тогда (возможно, я напрасно льщу себя такой надеждой) доселе не разрешенная тайна Негритянского острова будет раскрыта.

Но не только романтика пленяла меня. Я упивался, наблюдая гибель живых существ, наслаждался, убивая их. Мне нравилось истреблять садовых вредителей…

Жажда убийств была ведома мне с детских лет. Вместе с ней во мне жило глубоко противоположное, но мощное стремление к справедливости. Одна мысль о том, что по моей вине может погибнуть не только невинный человек, но даже животное, преисполняла меня ужасом. Я всегда

жаждал торжества справедливости.

Я думаю, что это объяснит человеку, разбирающемуся в психологии, во всяком случае, почему я решил стать юристом, — при моем складе характера это был закономерный выбор. Профессия юриста отвечала чуть не всем моим стремлениям.

Преступление и наказание всегда привлекали меня.

Я с неизменным интересом читаю всевозможные детективы и криминальные романы. Я нередко изобретал сложнейшие способы убийства — просто, чтобы провести время.

Когда наконец я стал судьей, развилась и еще одна черта моего характера, до сих пор таившаяся под спудом.

Мне доставляло неизъяснимое наслаждение наблюдать, как жалкий преступник уже на скамье подсудимых пытается уйти от наказания, но чувствует, что отмщение близится, что оно неотвратимо. Однако учтите: вид невинного на скамье подсудимых не доставлял мне удовольствия.

Два раза, если не больше, когда мне казалось, что обвиняемый невиновен, я прекращал дело: мне удавалось доказать присяжным, что тут

нет состава преступления. Однако благодаря распорядительности полицейских большинство обвиняемых, привлекаемых по делам об убийстве, были действительно виновны.

Так обстояло дело и в случае с Эдвардом Ситоном.

Правда, его внешность и манеры производили обманчивое впечатление и ему удалось расположить к себе присяжных. Однако улики, пусть и не слишком впечатляющие, зато несомненные, и мой судейский опыт убедили меня, что он совершил преступление, в котором его обвиняли, а именно, убил пожилую женщину, злоупотребив ее доверием.

У меня сложилась репутация юриста, с легким сердцем посылающего людей на виселицу, однако это более чем несправедливо. Мои напутствия присяжным всегда отличали справедливость и беспристрастность. Вместе с тем я не мог допустить, чтобы наиболее пылкие из адвокатов своими пылкими речами играли на чувствах присяжных. Я всегда обращал их внимание на имеющиеся в нашем распоряжении улики.

В последние годы я стал замечать перемены в своем характере: я потерял контроль над собой — мне захотелось не только выносить приговор,

но и приводить его в исполнение. Захотелось — я буду откровенен — самому совершить убийство. Я видел в этом жажду самовыражения, неотъемлемую черту каждого художника. А я и был или, вернее, мог стать художником в своей сфере — в сфере преступления! Я потерял власть над своим воображением, которое мне дотоле удавалось держать в узде: ведь в ином случае оно препятствовало бы моей работе.

Мне было необходимо… просто необходимо совершить убийство! Причем отнюдь не обыкновенное убийство. А небывалое, неслыханное, из ряда вон выходящее убийство! Наверное, мое воображение осталось воображением подростка. Меня манило ко всему театральному, эффектному! Манило к убийству… Да, да, манило к убийству… Однако врожденное чувство справедливости, прошу вас мне поверить, останавливало меня, удерживало от убийства. Я не мог допустить, чтобы пострадал невинный.

Мысль о возмездии осенила меня совершенно неожиданно — на нее меня натолкнуло одно замечание, которое обронил в случайном разговоре некий врач, рядовой врач-практик. Он заметил, что есть очень много преступлений, недосягаемых для закона. И в качестве примера

привел случай со своей пациенткой, старой женщиной, умершей незадолго до нашего разговора. Он убежден, сказал мне врач, что пациентку погубили ее слуги, муж и жена, которые не дали ей вовремя предписанное лекарство и притом умышленно, так как после смерти хозяйки должны были получить по завещанию изрядную сумму денег. Доказать их вину, объяснил мне врач, практически невозможно, и тем не менее он совершенно уверен в правоте своих слов. Он добавил, что подобные случаи преднамеренного убийства отнюдь не редкость, но привлечь за них по закону нельзя.

Этот разговор послужил отправной точкой. Мне вдруг открылся путь, по которому я должен идти. Одного убийства мне мало, если убивать, так с размахом, решил я.

Мне припомнилась детская считалка, считалка о десяти негритятах. Когда мне было два года, мое воображение потрясла участь этих негритят, число которых неумолимо, неизбежно сокращалось с каждым куплетом. Я втайне занялся поисками преступников… Не стану подробно описывать, как я осуществлял поиски, — это заняло бы слишком много места. Чуть не каждый разговор, который у меня завязывался, я старался

повернуть определенным образом — и получал поразительные результаты. Историю доктора Армстронга я узнал, когда лежал в больнице, от ходившей за мной сестры; ярая поборница трезвости, она всячески старалась убедить меня в пагубности злоупотребления спиртными напитками и в доказательство рассказала, как при ней пьяный врач зарезал во время операции женщину. Невзначай задав вопрос, в какой больнице она проходила практику, я вскоре выведал все, что мне требовалось. И без всякого труда напал на след этого врача и его пациентки.

Разговор двух словоохотливых ветеранов в моем клубе навел меня на след генерала Макартура. Путешественник, только что возвратившийся с берегов Амазонки, рассказа мне о том, как бесчинствовал в тех краях некий Филипп Ломбард. Пышущая негодованием жена английского чиновника на Мальорке рассказала мне историю высоконравственной пуританки Эмили Брент и ее несчастной служанки. Антони Марстона я выбрал из большой группы людей, повинных в подобных преступлениях. Неслыханная черствость, полная неспособность к состраданию, на мой взгляд, делали его фигурой, опасной для общества и, следовательно, заслуживающей кары.

Чго же касается бывшего инспектора Блора, то о его преступлении я, естественно, узнал от моих коллег, которые горячо и без утайки обсуждали при мне дело Ландора. Не могу передать, какой гнев оно вызвало у меня. Полицейский-слуга закона и уже поэтому должен быть человеком безупречной нравственности. Ведь каждое слово таких людей обладает большим весом хотя бы в силу того, что они являются стражами порядка.

И наконец, я перейду к Вере Клейторн. Как-то, переплывая Атлантический океан, я засиделся допоздна в салоне для курящих, компанию мне составил красивый молодой человек Хьюго Хамилтон. Вид у него был донельзя несчастный. Чтобы забыться, он усиленно налегал на выпивку. Видно было, что ему просто необходимо излить душу. Не надеясь ничего выведать от него, я чисто машинально завязал с ним привычный разговор. То, что я услышал, бесконечно потрясло меня, я и сейчас помню каждое его слово…

— Вы совершенно правы, — сказал он. — Чтобы убить ближнего, необязательно подсыпать ему, скажем, мышьяк или столкнуть со скалы, вовсе нет. — Он наклонился и, глядя мне в глаза, сказал: — Я знал одну — преступницу. Очень хорошо знал… Да что там говорить, я даже любил ее. И,

кажется, не разлюбил и теперь… Ужас, весь ужас в том, что она пошла на преступление из-за меня… Я, конечно, об этом не догадывался. Женщины — это изверги. Сущие изверги, вы бы никогда не поверили, что девушка, славная, простая, веселая девушка способна на убийство? Что она отпустит ребенка в море, зная, что он утонет, ведь вы бы не поверили, что женщина способна на такое?

— А вы не ошибаетесь? — спросил я. — Ведь это могла быть чистая случайность.

— Нет, это не случайность, — сказал он, внезапно протрезвев. — Никому другому это и в голову не пришло. Но мне достаточно было взглянуть на нее, и я все понял сразу, едва вернулся… И она поняла, что я все понял. Но она не учла одного: я любил этого мальчика… — Он замолчал, но он и так сказал достаточно, чтобы я смог разузнать все подробности этой истории и напасть на след убийцы.

Мне нужен был десятый преступник. И я его нашел: это был неким Айзек Мершие. Подозрительный тип. Помимо прочих грязных делишек, он промышлял и торговлей наркотиками, к которым пристрастил дочь одного из моих друзей. Бедная девочка на двадцать втором году покончила с собой.

Все время, пока я искал преступников, у меня постепенно вызревал план. Теперь он был закончен, и завершающим штрихом к нему послужил мой визит к одному врачу с Харли-стрит. Я уже упоминал, что перенес операцию. Врач уверил меня, что вторую операцию делать не имеет смысла. Он разговаривал со мной весьма обтекаемо, но от меня не так-то легко скрыть правду.

Я понял, меня ждет долгая мучительная смерть, но отнюдь не намеревался покорно ждать конца, что, естественно, утаил от врача. Нет, нет, моя смерть пройдет в вихре волнений. Прежде чем умереть, я наслажусь жизнью.

Теперь раскрою вам механику этого дела.

Остров, чтобы пустить любопытных по ложному следу, я приобрел через Морриса. Он блестяще справился с этой операцией, да иначе и быть не могло: Моррис собаку съел на таких делах. Систематизировав раздобытые мной сведения о моих будущих жертвах, я придумал для каждого соответствующую приманку. Надо сказать, что все без исключения намеченные мной жертвы попались на удочку. Приглашенные прибыли на Негритянский остров 8 августа. В их числе был и я.

С Моррисом я к тому времени уже расправился.

Он страдал от несварения желудка. Перед отъездом из Лондона я дал ему таблетку и наказал принять на ночь, заверив, что она мне чудо как помогла. Моррис отличался мнительностью, и я не сомневался, что он с благодарностью последует моему совету. Я ничуть не опасался, что после него останутся компрометирующие бумаги или записи. Не такой это был человек.

Мои жертвы должны были умирать в порядке строгой очередности — этому я придавал большое значение. Я не мог поставить их на одну доску — степень вины каждого из них была совершенно разная. Я решил, что наименее виновные умрут первыми, дабы не обрекать их на длительные душевные страдания и страх, на которые обрекал хладнокровных преступников. Первыми умерли Антони Марстон и миссис Роджерс; Марстон — мгновенно, миссис Роджерс мирно отошла во сне. Марстону, по моим представлениям, от природы не было дано то нравственное чувство, которое присуще большинству из нас. Нравственность попросту не существовала для него: язычником, вот кем он был. Миссис Роджерс, и в этом я совершенно уверен, действовала в основном под влиянием мужа.

Нет нужды подробно описывать, как умерли

эти двое.

Полиция и сама без особого труда установила бы, что послужило причиной их смерти. Цианистый калий раздобыть легко — им уничтожают ос. У меня имелся небольшой запас этого яда, и, воспользовавшись общим замешательством, наставшим после предъявленных нам обвинений, я незаметно подсыпал яд в почти опорожненный стакан Марстона.

Хочу добавить, что я не спускал глаз с лиц моих гостей, пока они слушали предъявленные им обвинения, и пришел к выводу, что они все без исключения виновны: человек с моим опытом просто не может ошибиться.

От страшных приступов боли, участившихся в последнее время, мне прописали сильное снотворное — хлоралгидрат. Мне не составило труда накопить смертельную дозу этого препарата. Роджерс принес своей жене коньяк, поставил его на стол, проходя мимо, я подбросил снотворное в коньяк. И опять все прошло гладко, потому что в ту пору нами еще не овладела страшная подозрительность.

Генерал Макартур умер без страданий. Он не слышат, как я подкрался к нему. Я тщательно продумал, когда мне уйти с площадки так, чтобы

моего отсутствия никто не заметил, и все прошло прекрасно.

Как я и предвидел, смерть генерала побудила гостей обыскать остров. Они убедились, что, кроме нас семерых, никого на острове нет, и в их души закралось подозрение. Согласно моему плану, на этом этапе мне нужен был сообщник. Я остановил свой выбор на Армстронге. Он произвел на меня впечатление человека легковерного, кроме того, он знал меня в лицо, был обо мне наслышан и ему просто не могло прийти в голову, что человек с моим положением в обществе может быть убийцей. Его подозрения падали на Ломбарда, и я сделал вид, что разделяю их. Я намекнул ему, что у меня есть хитроумный план, благодаря которому мы сможем, заманив преступника в ловушку, изобличить его.

Хотя к этому времени комнаты всех гостей были подвергнуты обыску, личный обыск еще не производился. Но я знал, что его следует ожидать с минуты на минуту.

Роджерса я убил утром 10 августа. Он колол дрова и не слышал, как я подобрался к нему. Ключ от столовой, которую он накануне запер, я вытащил из его кармана.

В разгар суматохи, поднявшейся после этого,

для меня не составило труда проникнуть в комнату Ломбарда и изъять его револьвер. Я знал, что у него при себе револьвер: не кто иной, как я, поручил Моррису напомнить Ломбарду, чтобы он не забыл захватить с собой оружие.

За завтраком, подливая кофе мисс Брент, я подсыпал ей в чашку остатки снотворного. Мы ушли из столовой, оставив ее в одиночестве. Когда я чуть позже проскользнул в комнату, она была уже в полудреме, и я сделал ей укол цианистого калия. Появление шмеля вы можете счесть ребячеством, но мне действительно хотелось позабавиться. Я старался ни в чем не отступать от моей любимой считалки.

После чего события развернулись так, как я и рассчитывал: если память мне не изменяет, именно я потребовал подвергнуть всех обыску. И всех самым тщательным образом обыскали. Но револьвер я уже спрятал, а яд и снотворное использовал.

Тогда-то я и предложил Армстронгу привести в действие мой план. План мой отличала незамысловатость — следующей жертвой должен был стать я. Убийца переполошится, к тому же, если я буду числиться мертвым, я смогу невозбранно бродить по дому и выслежу, кто этот неведомый

убийца. Армстронгу мой план пришелся по душе. В тот же вечер мы провели его в жизнь. Нашлепка из красной глины на лбу, алая клеенка из ванной, серая шерсть — вот и все, что нам понадобилось для этой постановки. Добавьте неверный, мерцающий свет свечей, к тому же приблизился ко мне один Армстронг. Так что и тут все прошло без сучка, без задоринки. Вдобавок, когда мисс Клейторн, едва водоросли коснулись ее шеи, испустила истошный крик, все кинулись к ней на помощь, и у меня с лихвой хватило времени, чтобы как можно натуральнее изобразить мертвеца.

Эффект превзошел все наши ожидания. Армстронг отлично справился со своей ролью. Меня перенесли в мою комнату и уложили в постель. Больше обо мне не вспоминали: все они были насмерть перепуганы и опасались друг друга.

У меня было назначено свидание с Армстронгом на без малого два ночи. Я завел его на высокую скалу позади дома. Сказал, что отсюда мы увидим, если кто-нибудь захочет к нам подкрасться, нас же, напротив, никто не увидит, потому что окна выходят на другую сторону.

Армстронг по-прежнему ничего не подозревал, что было более чем странно: ведь считалка, вспомни он только ее, предупреждала — «один

попался на приманку»…

Армстронг проглотил приманку, ничего не заподозрив.

И тут опять же все прошло без сучка, без задоринки.

Я нагнулся, вскрикнул, объяснил, что увидел ниже по склону ход в пещеру и попросил его убедиться, так ли это.

Он наклонился. Я толкнул его в спину, он покачнулся и рухнул в бушующее море. Я вернулся домой. Наверное, Блор услышал, как я шел по коридору. Чуть выждав, я пробрался в комнату Армстронга, а чуть погодя, нарочно стараясь топать как можно громче, чтобы меня услышали, ушел оттуда. Когда я спустился вниз, наверху открылась дверь. Они, должно быть, видели, как я выходил из дому.

И спустя минуту двое пошли за мной следом. Я обогнул дом, проник в него через окно столовой, которое предварительно оставил открытым. Окно за собой прикрыл и только тогда разбил стекло. Потом поднялся к себе и лег в постель.

Я предполагал, что они снова обыщут весь дом, но рассчитывал, что приглядываться к телам не станут, разве заглянут под простыню, чтобы убедиться, не прячется ли там под видом трупа

Армстронг. Так оно и вышло.

Да, забыл упомянуть, что револьвер я подбросил в комнату Ломбарда. Видимо, вам будет любопытно узнать, куда я его спрятал на время обыска. В шкафу хранились запасы консервов, всевозможных коробок с печеньем. Я открыл одну из нижних коробок, кажется, с галетами, сунул туда револьвер и снова заклеил ее скотчем.

Я рассчитал — и не ошибся, — что никому не придет в голову рыться в запаянных банках и запечатанных коробках, тем более что все верхние жестянки были нетронуты. Алую клеенку я упрятал под ситцевый чехол одного из кресел в гостиной, шерсть в диванную подушку, предварительно ее подпоров.

И вот наконец настал долгожданный миг: на острове осталось всего три человека, которые до того боялись друг друга, что были готовы на все, притом у одного из них имелся револьвер. Я следил за ними из окна. Когда Блор подошел к дому, я свалил на него мраморные часы из окна Веры.

Из своего окна я видел, как Вера застрелила Ломбарда. В смелости и находчивости ей не откажешь. Она ничем не уступала Ломбарду, а в чем-то и превосходила его. После этого я сразу кинулся в комнату Веры — подготовить сцену к

ее приходу.

Я ставил увлекательный психологический эксперимент. Понудят ли Веру к самоубийству угрызения совести (ведь она только что застрелила человека) вкупе с навевающей ужас обстановкой, будет ли этого достаточно? Я надеялся, что будет. И не ошибся. Вера Клейторн повесилась у меня на глазах: затаившись за шкафом, я следил за ней.

Перехожу к последнему этапу. Я вышел из-за шкафа, поднял стул, поставил его у стены. Револьвер я нашел на лестничной площадке — там его обронила Вера. Я постарался не смазать отпечатки ее пальцев.

Что же дальше? Я завершил мой рассказ. Вложу рукопись в бутылку, запечатаю и брошу ее в море. Почему? Да, почему?.. Я тешил свое самолюбие мыслью изобрести такое преступление, которое никто не сможет разгадать. Но я художник, и мне открылось, что искусства для искусства нет. В каждом художнике живет естественная жажда признания. Вот и мне хочется, как ни стыдно в этом признаться, чтобы мир узнал о моем хитроумии…

Я написал свою исповедь, исходя из предположения, что тайна Негритянского острова не будет раскрыта. Но не исключено, что полиция ока-

жется умнее, чем я ожидал. Как-никак есть три обстоятельства, которые могут способствовать разгадке моего преступления. Первое: полиции отлично известно, что Эдвард Ситон был виновен. А раз так, они знают, что один из десятерых в прошлом не совершал убийства, а из этого, как ни парадоксально, следует, что не кто иной, как этот человек, виновен в убийствах на Негритянском острове. Второе обстоятельство содержится в седьмом куплете детской считалки. Причиной смерти Армстронга послужила «приманка», на которую он попался, а вернее, из-за которой он попал в переплет, приведший его к смерти. Иными словами, в считалке ясно сказано, что смерть Армстронга связана с каким-то обманом. Уже одно это могло бы послужить толчком к разгадке. В живых тогда осталось всего четверо, причем совершенно очевидно, что из всех четверых Армстронг мог довериться безоговорочно лишь мне. И, наконец, третье обстоятельство имеет чисто символический характер. Помета смерти на моем лбу. Что это, как не Каинова печать?

Мой рассказ подходит к концу. Бросив бутылку с исповедью в море, я поднимусь к себе, лягу в постель. К моему пенсне привязана черная тесемка, но на самом деле это никакая не тесемка,

а тонкая резинка. Пенсне я положу под себя. Один конец резинки обмотаю вокруг дверной ручки, другой вокруг револьвера, но не слишком надежно. А дальше по моим предположениям произойдет вот что. Моя рука — я оберну ее платком — спустит курок, и платок упадет на пол. Револьвер, привязанный к резинке, отлетит к двери, стукнется о дверную ручку, резинка отвяжется и повиснет на пенсне, не вызвав ничьих подозрений. Платок на полу и вовсе не вызовет ничьих подозрений. Когда меня найдут, я буду лежать на кровати с простреленной головой — в полном соответствии с дневниковыми записями моих товарищей по несчастью. К тому времени, когда к нашим телам получат доступ судебные медики, время моей смерти установить будет невозможно.

После шторма на остров приплывут люди, но что они найдут здесь — лишь десять трупов и неразрешимую загадку Негритянского острова.